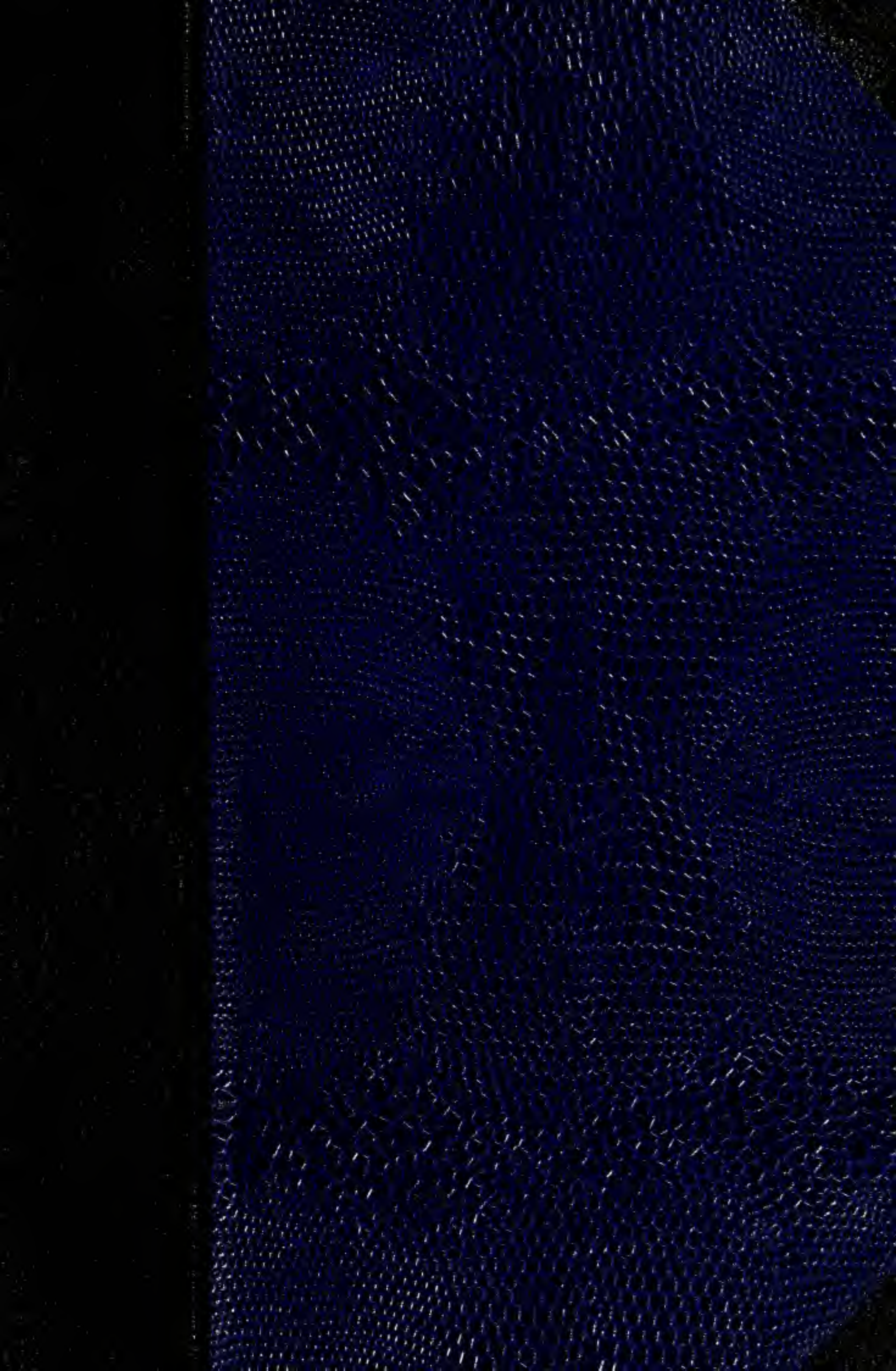
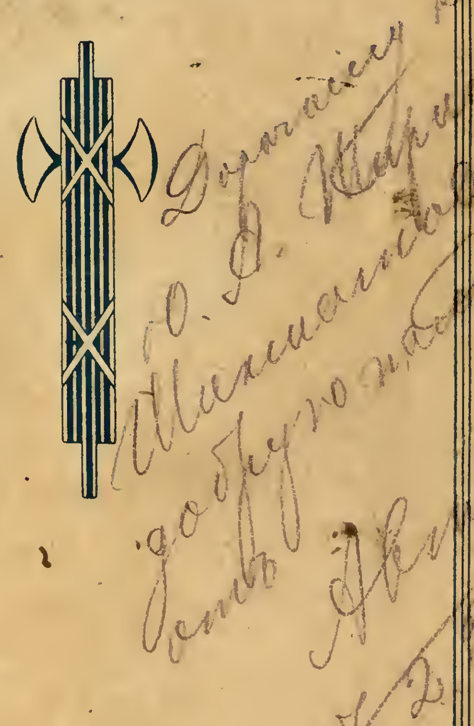


Г. В. НЕМИРОВИЧЪ
~ ДАНЧЕНКО

ВЪ КРЫМУ ПРИ ВРАНГЕЛѢ

ФАКТЫ И ИТОГИ



БЕРЛИНЪ
1 — 9 — 2 — 2

Г. В. НЕМИРОВИЧЪ
-ДАНЧЕНКО

ВЪ КРЫМУ ПРИ ВРАНГЕЛѢ

ФАКТЫ И ИТОГИ

БЕРЛИНЪ
1—9—2—2

Типографія Р. Ольденбургъ, Берлинъ-Мюнхенъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«... Зачѣмъ судить, да еще такъ рѣзко, прошлое, уже сошедшее со сцены? — Если это политическій шагъ, то этого уже не нужно; если историческій очеркъ, то это преждевременно. Все это мы слишкомъ больно пережили; зачѣмъ же бередить старыя раны?» —

Вотъ приблизительно то, что скажутъ нѣкоторые прочитавшіе предлагаемую книгу, даже если лучшія побужденія, руководившія при ея опубликованіи авторомъ, не будутъ взяты подъ сомнѣніе.

Все это совершенно вѣрно. Но почему-то у насъ такъ повелось, что авторы, драпирующіеся въ тогу общеупотребительнаго демократизма, считаютъ особой гражданской доблестью «бередить старыя раны», если въ особенности при этомъ можно свести счеты со своими политическими противниками.

Это сдѣлалъ не такъ давно скрывшійся подъ псевдонимомъ авторъ, который въ одномъ модномъ среди эмиграціи историческомъ альманахѣ опубликовалъ свой дневникъ о Крымскихъ событіяхъ съ комментаріями, не безъ расчета на то, что допущенныя имъ утвержденія будутъ оставлены безъ отвѣта.

Чуждый какой-либо партійности, я тѣмъ не менѣе долженъ отмѣтить, что оцѣнка событій послѣдняго этапа антибольшевистской борьбы съ точки зрѣнія ложно понятаго демократизма — наименѣе объективный путь для правильнаго истолкованія обстоятельствъ, приведшихъ русскую армію къ безславному исходу. Слишкомъ сложенъ былъ клубокъ спутавшихся въ Крыму международныхъ, военныхъ, соціальныхъ, политическихъ и экономическихъ отношеній, чтобы къ нимъ можно было бы подходить съ мѣркою Грибоѣдовскаго фельдфебеля, захотѣвшаго стать Вольтеромъ.

Поэтому, давая въ своихъ очеркахъ обзоръ важнѣйшихъ фазисовъ борьбы на подступахъ къ Крыму, характеристикъ ея

руководителей и причинъ ихъ неуспѣха, я, съ полнымъ сознаніемъ необходимости и своевременности опубликованія этого матеріала, говорю: «audiatur et altera pars» всѣмъ, кто даже въ изгнаніи не научился различать прямые пути спасенія Россіи.

Мое вниманіе, какъ лѣтописца, будетъ сосредоточено, главнымъ образомъ, на событіяхъ Крымскаго тыла, такъ какъ, не обладая спеціальнымъ военнымъ образованіемъ, я не рѣшился бы, не рискуя уподобиться цитированному псевдониму, выносить сужденія въ области, находящейся внѣ моей компетенціи. Вслѣдствіе этого я останавливаю вниманіе читателя на описаніи чисто военныхъ событій лишь въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для уясненія вызванныхъ ими измѣненій во внутренней политической обстановкѣ. При этомъ, при всемъ моемъ благоговѣйномъ уваженіи къ подвигамъ русской арміи, я не могу обойти молчаніемъ роковыхъ сторонъ дѣятельности нѣкоторыхъ изъ ея руководителей, конечно, не въ качествѣ тактиковъ или стратеговъ, но въ роли политическихъ дѣятелей, администраторовъ и идеологовъ вооруженной борьбы съ большевиками.

Знать болѣзни, подтачивавшія организмъ арміи въ 1920 г., во избѣжаніе въ будущемъ возможныхъ рецедивовъ, — прямой долгъ каждаго, кто любитъ русскую армію и хочетъ ее видѣть не въ Галлиполи или Болгаріи, а въ освобожденной Москвѣ.

Г. Н-Д.

ГЛАВА I.

Ген. Врангель — Главнокомандующій русской арміей.

Крымская катастрофа поразила всѣхъ своею неожиданностью. Уже болѣе двухъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ обломки русской національной государственности волею судебъ были прибиты къ негостепріимному Босфору, а между тѣмъ въ противобольшевистскомъ станѣ еще не сложилось опредѣленнаго взгляда на обстоятельства, приведшія русскую армію къ роковому исходу.

При этомъ, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, каждая политическая группа хотѣла бы видѣть въ крушеніи дѣла В. С. Ю. Р. не то, что имѣло мѣсто на самомъ дѣлѣ, а то, что ей для данной обстановки выгодно и на чемъ она могла бы нажить политическій капиталъ.

Лѣвые, видя въ бар. Врангелѣ олицетвореніе русской мечты о «генералѣ на бѣломъ конѣ», а priori истолковываютъ неудачу русской арміи, какъ неизбѣжное послѣдствіе «реакціонной политики» его Правительства, ставя ему въ вину и проповѣдь правыми элементами монархической идеи, и недемократичность пріемовъ управленія и даже эксцессы преступныхъ контръ-развѣдчиковъ, въ сущности говоря, неизбѣжные въ обстановкѣ гражданской войны.

Наоборотъ, правые склонны объяснять печальный финалъ обороны Крыма недостаточной ясностью поставленныхъ Ген. Врангелемъ лозунговъ, при которой не исключалась возможность вліянія на политическую обстановку партій, принявшихъ участіе въ русской революціи, неоднородностью состава Правительства Юга Россіи, искавшаго половинчатыхъ рѣшеній, и проникновеніемъ на территорію В. С. Ю. Р. такихъ лицъ, одно имя которыхъ вызывало крайнее раздраженіе въ средѣ скитальцевъ Земли Русской, нашедшихъ въ «Крымской бутылкѣ» свое послѣднее прибѣжище.

И тѣ, и другіе забываютъ, что незначительная территорія Крымскаго полуострова, его изолированность отъ всего міра, бѣдность крупными политическими центрами и крайняя ограниченность открывавшихся предъ Правительствомъ Юга Россіи возможностей вообще исключали самую мысль о полити-

ческой окраскѣ его дѣятельности. И если Правительству Ген. Деникина, власть котораго распространялась на половину Европейской России, можно было бы поставить въ вину взятый имъ неудачный политическій курсъ, то у бар. Врангеля было слишкомъ мало выбора, чтобы привлекать къ государственной работѣ однихъ несомнѣнныхъ демократовъ и отталкивать монархистовъ или наоборотъ.

Недаромъ Врангель постоянно подчеркивалъ въ бесѣдахъ со своими сотрудниками и съ представителями печати, что въ Крыму — не мѣсто партійной борьбѣ.

«Когда опасный для всѣхъ призракъ большевизма исчезнетъ», говорилъ Главнокомандующій: «тогда народная мудрость найдетъ ту политическую равнодѣйствующую, которая удовлетворитъ всѣ круги населенія. Пока же борьба не кончена, всѣ партіи долны объединиться въ одну, дѣлая внѣпартійную, дѣловую работу».

Итакъ мы не ошибемся, если установимъ, что Врангель избѣгалъ партійныхъ людей. Удалось ли ему въ этомъ отношеніи достигнуть успѣха, будетъ видно изъ послѣдующаго изложенія, но основная мысль Главнокомандующаго русской арміи въ существѣ своемъ была правильна, и вся трагедія Крымской борьбы съ большевиками заключалась въ томъ, что люди, взявшіеся помогать Ген. Врангелю, не съумѣли обходиться безъ своихъ выцвѣтшихъ, лживыхъ и своекорыстныхъ политическихъ программъ.

Не слѣдуетъ забывать, что гражданская война, при всемъ отличіи ея методовъ отъ настоящей войны, ставитъ борющимся сторонамъ тѣ-же самыя требованія въ смыслѣ наличія стратегической базы, спокойнаго, по возможности экономически благоустроеннаго тыла и полнаго подчиненія не участвующаго въ борьбѣ населенія интересамъ борющейся арміи. Поэтому, какъ ни одіозно подобное умозаключеніе представителямъ патентованной россійской демократіи, всякая попытка посѣять раздоръ въ тылу сражающихся должна разсматриваться, какъ предумышленная измѣна общему дѣлу.

Въ этомъ отношеніи достойно удивленія двойственное отношеніе лицъ, не участвовавшихъ въ антибольшевистской борьбѣ, къ краснымъ и къ бѣлымъ. Въ то время, какъ первымъ было все позволено, потому что они . . . большевики, бѣлымъ предъявлялись какія-то исключительныя требованія по части демократической воспитанности, самодисциплины и рыцарственной лойяльности. Красные, напр. разрѣшали продовольственный или одежный вопросъ просто: когда имъ было голодно или холодно, они просто шарили по деревнямъ, отнимая у сельскаго населенія хлѣбъ, обувь и теплую одежду.

Бѣлые — должны были голодать и замерзать отъ холода, но винтовки изъ рукъ не выпускать, съ тоскою поглядывая на

трусливый, безразличный и удирающій тылъ. Согласитесь, что при такихъ условіяхъ борьба была совершенно неравная, и надо имѣть много политическаго лицемѣрія или не видѣть далѣе собственнаго носа, чтобы объяснять неудачи бѣлыхъ недостаточною проникновенностью антибольшевистскихъ вождей идеологіей политическихъ доктринеровъ.

Только упорнымъ недоброжелательствомъ ко всему, что носитъ на себѣ отпечатокъ русской національной идеи, будь то боевой генералъ, царскій сановникъ, посвятившій лучшую часть жизни созидательной государственной работѣ, или безусый юноша — доброволецъ, оставившій родной домъ, чтобы промѣнять ласку близкихъ на тяжелую походную жизнь, можно объяснить злопыхательство извѣстной части нашего общества по адресу участниковъ эпической борьбы съ большевистской реакціей. Эта часть, претендующая на право говорить отъ лица всего русскаго народа, охотно желала бы видѣть въ вождяхъ русской арміи какихъ-то большевистскихъ военспецовъ, вытаскивающихъ политическимъ знахарямъ каштаны изъ огня. Но вся бѣда въ томъ, что съ такой унизительной ролью своихъ вождей не согласилась бы прежде всего русская армія, ломавшая со своими генералами ледяные походы и привыкшая ввѣрять имъ безотговорочно свою судьбу.

И если арміи вообще не годится вмѣшиваться въ политику, то одно лишь должно ей быть безусловно позволено: умирать подъ начальствомъ тѣхъ, кто вышелъ изъ ея среды, а не сдѣлалъ свою военную карьеру на процессахъ политическихъ убійцъ или революціонныхъ митингахъ. Думается, что и въ отношеніи безпартійнаго населенія, не принадлежащаго къ составу арміи, это соображеніе сохраняетъ полную силу.

Строго говоря, что можетъ имѣть любой патріотъ противъ временной диктатуры генерала, вся жизнь котораго, съ молодыхъ лѣтъ, была посвящена не на словахъ, а на дѣлѣ служенію русскому государству, русскому народу, русскимъ интересамъ и готовности жертвовать собою во имя достоинства Россіи? Но такъ какъ все, что осталось честнаго, доблестнаго и любящаго родину въ Россіи ввѣрило ему свои жизни, вполнѣ естественно, что такой вождь долженъ устранить отъ себя политическихъ спекулянтовъ, которые привыкли, подъ защитой чужихъ спинъ, играть чужими головами.

Пора же наконецъ признать, что дѣло Ген. Деникина и Адм. Колчака погибло въ гораздо большей степени изъ за военностратегическихъ причинъ, какъ напр., отсутствія конницы у Деникина подъ Орломъ, разстройства транспорта, удаленности фронта въ зимній періодъ отъ базы, сыпного тифа и пр., чѣмъ отъ какихъ-нибудь непоправимыхъ политическихъ ошибокъ.

«Post hoc» — не значитъ «propter hoc», и если публицисты Милюковскаго типа не упускаютъ случая позлорадствовать надъ крушеніями «генеральскихъ авантюръ», то они сознательно замалчиваютъ то обстоятельство, что населеніе относилось совершенно безучастно къ возстановленію старыхъ порядковъ пока Добровольческая армія побѣждала. Зато никакія уступки демократическимъ программамъ не могли влить новыхъ силъ изнемогавшимъ въ борьбѣ бойцамъ, а трагическій конецъ Адмирала Колчака лишній разъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ опасно вѣрить, при перемѣнѣ военнаго счастія, пѣнію революціонныхъ сиренъ.

Въ этомъ отношеніи Ген. Врангель, несмотря на огромную тяжесть выпавшей на его долю задачи, былъ въ гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ его предшественники. Русская армія, правда, была въ осажденной крѣпости, но, при длиннѣ фронта въ періодъ осады въ три десятка верстъ, глазъ предусмотрительнаго военачальника легко справлялся съ дѣломъ наблюденія за неглубокимъ тыломъ. Русская армія чувствовала себя въ Крыму болѣе дома, чѣмъ на Дону или Кубани. Она очистилась до извѣстной степени, оставивъ на Кубанскихъ степяхъ разлагавшіе ее элементы, шедшіе съ нею лишь въ періоды ея успѣховъ.

Въ тылу, по крайней мѣрѣ до середины лѣта, не было всевозможныхъ «круговъ» и «радъ» — наслѣдія Керенщины, гдѣ заворачивали авантюристы медвѣжьихъ угловъ, тянувшіеся къ портфелямъ губернскихъ министровъ.

Въ Крымъ отошло ядро арміи, ея идейная сущность — все горячая, смѣлая молодежь, для которой вооруженная борьба съ палачами и растлителями Россіи была долгомъ совѣсти, стоящимъ выше какихъ-либо партійныхъ расчетовъ или оправданій.

Какъ видно изъ приводимаго донесенія полковника Ноги Штабу Главнокомандующаго, обстановка на фронтѣ къ 12 марта 1920 г. складывалась слѣдующимъ образомъ:

«Послѣ Юшунскихъ боевъ противникъ отступилъ отъ Перекопскаго перешейка на сѣверъ, и мы почти потеряли съ нимъ связь. Объясненіе этого: На Украинѣ, въ тылу красныхъ, поднялись возстанія крестьянъ во главѣ съ Махно. Есть много и другихъ партизанскихъ отрядовъ, которые не даютъ покоя краснымъ. Мнѣ это ясно видно изъ красныхъ газетъ, писемъ плѣнныхъ и т. п. И Ген. Шиллингъ (Главноначальствующій въ Крыму), и Ген. Слащевъ смотрятъ на эти явленія весьма доброжелательно, но, не зная, какъ на эти явленія смотритъ Ставка, конечно, мѣръ къ контакту съ возставшими Махно и другими — естественно не принимаютъ. Я считаю этотъ вопросъ первостепенной важности, ибо вижу въ этомъ спасеніе общаго

стратегическаго положенія. Его надо кардинально выяснить, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. По моему, сейчасъ настолько серьезный моментъ, что нашимъ девизомъ должно быть: «Кто противъ красныхъ — всѣ съ нами.»

«Фронтъ исключительно держится личностью Ген. Слащева; человѣкъ «особенный», энергичный, безусловно храбрый и не останавливается ни предъ чѣмъ, для достиженія успѣха на фронтѣ и противодѣйствія развалу въ тылу. Онъ только одинъ удержалъ Крымъ до сихъ поръ и онъ только одинъ, облеченный диктаторской властью, можетъ его удержать. Назначеніе Ген. Шиллинга и Покровскаго были ошибками и внесли только запутанность какъ въ тылу, такъ и на фронтѣ.

«Я особенно боюсь, что послѣдуютъ какія-то новыя назначенія, что вызоветъ безусловное ухудшеніе положенія, какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу. Если сможете повліять, то рекомендуйте, до пріѣзда въ Крымъ и до личныхъ переговоровъ со Слащевымъ, ничего не предпринимать, иначе можно ожидать развала и общей гибели. Надо помнить, что фронтъ держится только Слащевымъ, войска его любятъ и ему лишь одному вѣрятъ, а вся мерзость тыла лишь одного его боится.

«Отношеніе къ вашей Добровольческой арміи и къ Главкому (Деникину) почти во всѣхъ слояхъ — отрицательное: высшее офицерство боится, что, съ прибытіемъ частей Ген. Кутепова, естественно произойдетъ двоевластіе.

«Опасаемся заразы, которую можетъ занести усталое и недовольное офицерство. Боимся, что «орловщина» быстро пополнитъ въ тылу свои ряды недовольными прибывшими. Опасаемся, что среди прибывшихъ окажутся лица, которыя пожелаютъ здѣсь дѣлать старую политику, что можетъ погубить зачатки объединенія всѣхъ отрядовъ партизанъ Украйны, дѣйствующихъ нынѣ противъ большевиковъ.» —

Однако, положеніе въ Крыму было тѣмъ благопріятно, что въ немъ никогда не было крупныхъ политическихъ центровъ, если не считать за таковые глубоко провинціальный Симферополь и Севастополь, который, съ уходомъ оттуда большевистской матросни, потерялъ атмосферу очага военныхъ бунтовъ. Уѣздные же города, вродѣ Евпаторіи, Ялты, Феодосіи и даже Керчи, благодаря своему мѣстоположенію, издавна пріобрѣли характеръ мирныхъ курортовъ, далекихъ отъ политическихъ претензій.

Теперь они были наполнены волной нахлынувшихъ со всего Юга Россіи бѣженцевъ, съ ребятишками и домашнимъ скарбомъ, которые страшнымъ опытомъ своихъ скитаній дошли до сознанія полной непріемлемости «рабоче-крестьянской» власти. Что-же касается коренного населенія — татаръ, нѣмцевъ-колонистовъ и караимовъ, то хотя они и роптали на стѣсненія отъ пришельцевъ, но все же сознавали, что вѣдь не ради

удовольствія прокатиться зимой во время сыпняка въ телячьемъ вагонѣ сорвалась вся эта масса богачей и бѣдняковъ, стариковъ и дѣтей, буржуевъ и рабочихъ съ насиженныхъ мѣстъ и заполнила въ Крыму всѣ жилые углы вплоть до сараевъ и собачьихъ конуръ. Видно, съ Сѣвера шла дѣйствительно какая-то злая сила, которая способна довести людей до готовности броситься въ бурное зимнее море.

Еще въ первый свой приходъ весною 1919 года въ Крымъ большевики успѣли настолько осточертѣть татарамъ и колонистамъ, что они не строили себѣ никакихъ иллюзій относительно совѣтскаго строя.

Крѣпостного права сельское населеніе Тавриды никогда не знало; не знало и раздутой эсеровщиной ненависти къ «панству», на которой культивировалась махновствующая гайдаматчина на Украинѣ, ни вольнаго казачьяго духа Дона, Кубани и Терека, стоившаго Добровольческой Арміи многихъ напрасныхъ усилій и моря крови. Это населеніе было трудолюбиво, хозяйственно и лойяльно, и если въ Крыму по горнымъ дорогамъ шалили «зеленые» подъ предводительствомъ Петляка или Мокроусова, то это были пришлые элементы, пополнявшіеся дезертирами и бандитами-бѣженцами (были и такіе!) изъ Совѣтской Россіи.

Много хлопотъ въ зимній періодъ Крымскаго сидѣнія доставили власти Севастопольскіе рабочіе, но и они, доведя своими требованіями дороговизну до абсурда, присмирѣли, когда власть заговорила съ ними энергичнымъ языкомъ. Каждая забастовка влекла за собою закрытіе военно-морского завода, а такъ какъ рабочіе не столько работали въ порту, сколько тащили изъ него все, что попадалось подъ руку, и затѣмъ продавали спекулянтамъ для вывоза на дубкахъ въ Константинополь, то лихорадка забастовокъ, подогрѣваемая большевиками, къ веснѣ спала, а лѣтомъ и совсѣмъ прекратилась.

Къ характеристикѣ же господствовавшаго въ рабочей средѣ политическаго міросозерцанія, приведу слѣдующую фразу, слышанную мною лично отъ одного рабочаго-металлиста, большевика по его собственному признанію.

— Эхъ, кабы мѣсяцъ еще такъ пожить, какъ при Николаѣ жили; а потомъ и помереть можно! —

И несмотря на все это, настроеніе Крымскаго тупика до мая мѣсяца было крайне подавленнымъ. Фронтъ держался, благодаря мужеству горсточки юнкеровъ и личной отвагѣ такого азартнаго игрока, какимъ былъ Ген. Слащевъ, и то только потому, что главное вниманіе красныхъ было сосредоточено на Кубани, гдѣ находилось ядро Добровольческой Арміи. Крымъ былъ очагомъ свирѣпаго сыпного тифа, уносившаго ежедневно сотни жертвъ. Продовольственный кризисъ съ каждой недѣлей дѣлался все острѣе, и въ городахъ недоѣданіе стало обыч-

нымъ явленіемъ. Панику довершали бѣженцы, которымъ посчастливилось выбраться изъ Крыма на иностранныхъ пароходахъ, и многочисленныя семьи тыловыхъ военныхъ и морскихъ офицеровъ, сидѣвшія на уложенныхъ чемоданахъ (а весьма многія — избравшія мѣстомъ постояннаго жительства военные корабли!) и готовыя ежеминутно броситься къ пароходнымъ трапамъ.

И вотъ въ такое время всеобщаго развала и отчаянія, когда никто никому не вѣрилъ, а впечатлительнымъ людямъ казалось, что само небо рушится на ихъ головы, когда никто уже не помышлялъ о далекихъ политическихъ перспективахъ и не печаловался о «завоеваніяхъ революціи», ибо всѣ отлично сознавали, чѣмъ кончится для затворившихся въ Крыму его «завоеваніе революціей», когда генералы ссорились другъ съ другомъ, а офицеры поднимали противъ нихъ возстанія (Орловъ), когда англійскія военныя власти, по приказу изъ Лондона, готовы были начать переговоры съ большевиками по вопросу о сдачѣ арміи и бѣженцевъ на милость побѣдителей, — Крымъ былъ потрясенъ радостной вѣстью, что Генералъ Деникинъ передалъ главное командованіе Генералу барону Врангелю.

Имя новаго Главнокомандующаго было чрезвычайно популярно въ арміи и въ населеніи. Вспоминали его удачныя боевыя дѣйствія на Царицынскомъ направленіи, взятіе Царицына, упорно оборонявшагося красными, лѣтомъ 1919 года, и послѣдующая его героическая защита. Крутыя мѣры противъ кубанскихъ самостійниковъ упрочили за Врангелемъ репутацію рѣшительнаго военачальника. Неудача попытки спасти Добровольческую Армію отъ разложенія послѣ паденія Харькова не ставилась ему въ вину, такъ какъ всѣ понимали, что Ген. Май-Маевскій былъ отстраненъ отъ командованія слишкомъ поздно. Особенно же поднялся авторитетъ Врангеля, когда стало общеизвѣстнымъ содержаніе его письма къ Ген. Деникину, наполненнаго тяжкими упреками и обвиненіями по адресу арміи и высшаго командованія.

Словомъ все складывалось такъ, что обѣщало новому Главнокомандующему авторитетъ въ рядахъ арміи и довѣріе населенія. Нѣкоторые почему то считали его, кромѣ того, и убѣжденнымъ германофиломъ, а потому для тыловыхъ политиковъ открывалась возможность «сосчитаться» въ будущемъ съ ненавистной Антантой. Изъ дальнѣйшаго изложенія можно будетъ, однако, заключить, насколько подобная точка зрѣнія была ошибочной.

Первое появленіе Главнокомандующаго 23 марта 1920 г.[1]) на Нахимовской площади, и его горячая, властная, полная убѣжденія рѣчь, обращенная къ войскамъ и народу, произвела на всѣхъ сильное впечатлѣніе.

---

[1]) Всѣ даты по старому стилю.

«Обѣщаю съ честью вывести армію изъ тяжелаго положенія», сказалъ Ген. Врангель, и эти слова влили новую бодрость въ сердца изверившихся и малодушныхъ.

При взглядѣ на его высокую, стройную фигуру, затянутую въ сѣрую черкеску, когда новый Главнокомандующій проходилъ легкимъ, словно крадущимся шагомъ мимо рядовъ войскъ, которыми командовалъ пріѣхавшій съ фронта Слащевъ, невольно думалось, что именно такимъ долженъ быть вождь борцовъ за русскую національную идею, именно такими словами онъ заставитъ повиноваться себѣ, именно въ немъ найдетъ армія все то, что отсутствовало въ невзрачной фигурѣ пережившаго свою популярность Генерала Деникина.

Мы, русскіе, вообще большіе мечтатели и, попавъ въ тяжелое положеніе, любимъ тѣшить себя мыслью о чудѣ, которое придетъ къ намъ на помощь въ послѣднюю минуту. И такого же чуда ждали отъ Генерала Врангеля весною 1920 года въ Крыму.

И новый Главнокомандующій не обманулъ возлагавшихся на него надеждъ. То, что удалось ему сдѣлать за полтора мѣсяца энергичной работы съ арміей, какъ приготовилъ Врангель своихъ «орловъ» для могучаго прыжка изъ Крыма и какъ съумѣлъ сохранить всѣ эти приготовленія въ тайнѣ отъ зоркаго врага, — было дѣйствительно чудомъ.

ГЛАВА II.

Первыя мѣропріятія — Выходъ изъ Крыма.

Въ настоящее время уже не составляетъ секрета, что Ген. Врангель былъ выдвинутъ на свой постъ правыми группами Крымской общественности и тѣми немногочисленными политическими дѣятелями, которые еще вѣрили въ жизненность бѣлаго движенія и не рѣшались покинуть послѣдній клочекъ родной земли.

Какъ крысы съ тонущаго корабля, бѣжали первыми отъ Деникина въ Парижъ представители кадетской партіи, входившіе въ составъ Особаго Совѣщанія. За ними послѣдовали правые эсеры, квалифицированные журналисты, патентованные политики, профессора и прочіе неизбѣжные атрибуты большихъ южно-русскихъ политическихъ центровъ.

Впервые Ген. Врангель появился въ Крыму почти инкогнито въ февралѣ мѣсяцѣ, когда послѣ его размолвки съ Ген. Деникинымъ, ему пришлось сдать командованіе Добровольческой Арміей Ген. Кутепову. Радушно принятый въ Севастополѣ военно-морскими кругами, державшимися въ оппозиціи

къ Деникину, будущій Главнокомандующій поселился на пароходѣ «В. К. Александръ Михайловичъ», и повременамъ его можно было видѣть прогуливающимся въ качествѣ частнаго лица по Нахимовскому проспекту.

Говорили, что онъ переживалъ тяжелыя матеріальныя затрудненія, а потому былъ лишенъ возможности выѣхать за границу. Однажды бар. Врангель былъ приглашенъ высшими представителями морского командованія въ Морское Собраніе, причемъ это посѣщеніе носило характеръ чествованія. Что происходило на этомъ собраніи, осталось невыясненнымъ, такъ какъ сопровождавшіе Врангеля военные допущены въ залу не были.

Повидимому, этимъ собраніемъ морскіе круги имѣли въ виду отмѣтить свое довѣріе къ Генералу Врангелю, находившемуся въ опалѣ, и начать работу въ пользу образованія въ Крыму новой власти, когда для этого, въ связи съ приближеніемъ въ Новороссійскѣ роковой развязки, наступилъ бы удобный моментъ.

Главную же моральную поддержку Ген. Врангель нашелъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, который, съ тѣхъ поръ, какъ Ген. Деникинъ отказался отъ предложенной ему въ январѣ 1920 г. военной помощи сербовъ, всталъ по отношенію къ послѣднему въ рѣзкую оппозицію. Поэтому, если бы Ген. Деникинъ промедлилъ бы съ передачею власти бар. Врангелю, приходилось считаться съ возможностью государственнаго переворота.

Но все произошло совершенно легальнымъ путемъ. Ген. Врангель уѣхалъ въ концѣ февраля въ Константинополь, какъ ворили, направляясь въ Зап. Европу. Въ Константинополѣ, повидимому, онъ отказался отъ своего намѣренія, такъ какъ имѣлъ продолжительныя совѣщанія съ А. В. Кривошеинымъ и представителями союзнаго командованія. А когда 21 марта въ Севастополѣ послѣдовала неудачная попытка намѣтить новаго Главнокомандующаго путемъ избранія Военнымъ Совѣтомъ подъ предсѣдательствомъ Ген. Драгомирова, на слѣдующій день на англійскомъ сверхъ-дредноутѣ «Императоръ Индіи» въ Севастополь прибылъ бар. Врангель и къ вечеру былъ назначенъ Ген. Деникинымъ по телеграфу изъ Феодосіи Главнокомандующимъ русской арміей.

25 марта съ амвона Владимірскаго собора въ Севастополѣ былъ оглашенъ указъ Правительствующаго Сената, въ коемъ все населеніе страны призывалось дружно сплотиться подъ властью новаго Главнокомандующаго, коему отнынѣ принадлежала вся полнота власти военной и гражданской.

Въ благодарность Крымскому корпусу за удержаніе Крыма, новый Главнокомандующій произвелъ Ген. Я. Слащева въ Генералъ-Лейтенанты, а его начальника штаба Полковника Дубяго — въ Генералъ-Маіоры.

Вознаграждены были и нѣкоторые высшіе морскіе военачальники, между прочимъ Адмиралъ Саблинъ (организаторъ потопленія русскаго флота въ 1918 г. подъ Новороссійскомъ), Герасимовъ и др. Зато было оставлены въ тѣни нѣсколько молодыхъ морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ, которые, выдвигая Ген. Врангеля въ Главнокомандующіе, хотѣли въ немъ видѣть военачальника твердыхъ монархическихъ убѣжденій. Дальнѣйшій ходъ событій показалъ, насколько подобная точка зрѣнія была мало обоснованной.

Первой заботой новаго Главнокомандующаго было поднятіе дисциплины въ частяхъ арміи, деморализованныхъ зимней катастрофой и перевезенныхъ въ Крымъ изъ рокового Новороссійска. Рѣшительными и энергичными мѣрами Ген. Врангель положилъ конецъ грабежамъ и насилію надъ мирнымъ населеніемъ.

По мѣткому выраженію одного военнаго журналиста, «тылъ былъ развинченъ и шатался между Константинополемъ и чувствомъ долга».

Къ тому же духъ фрондерства пустилъ такіе глубокіе корни въ средѣ элементовъ, составлявшимъ мозгъ арміи, что чрезъ недѣлю послѣ принятія главнаго командованія, Ген. Врангелю пришлось проявить всю силу своего авторитета, дабы положить предѣлъ ихъ разлагающей работѣ.

Я имѣю въ виду враждебную позицію, сразу же занятую въ отношеніи Главнокомандующаго казачьими генералами Сидоринымъ, Кельчевскимъ и Кисловымъ и газетой «Донской Вѣстникъ», редактировавшейся графомъ дю-Шайла, который въ Крыму пробовалъ посѣять раздоръ между казачьими и неказачьими частями арміи.

Для характеристики этого «казачьяго» заговора, я позволю себѣ напомнить біографію его центральной фигуры — именно графа дю-Шайла, представляющаго собою по колоритности типичнѣйшаго авантюриста гражданской войны.

По вѣроисповѣданію котоликъ, графъ дю-Шайла, въ бытность свою до революціи въ Петроградѣ, съумѣлъ войти въ довѣріе нѣкоторыхъ высшихъ представителей нашей церковной іерархіи своимъ желаніемъ перейти въ православіе. Ему оказывалъ особое покровительство В. К. Саблеръ, и имъ забавлялись, какъ заморскимъ титулованнымъ гостемъ, слывшимъ въ нашихъ лаврахъ и подворьяхъ за масоновѣда и знатока сіонскихъ тайнъ.

Но въ православіе этотъ почтеннnй отпрыскъ французской аристократіи такъ и не перешелъ, а поигравъ въ первые мѣсяцы революціи на демократизмѣ «временнаго» оберъ-прокурора В. Львова, что сопровождалось непристойными выходками дю-Шайла противъ нѣкоторыхъ епископовъ, — во время гражданской войны на югѣ Россіи всплылъ на Дону

и изъ масоновѣда и церковника сдѣлался апологетомъ казачьей самостоятельности.

Въ Крыму Донскіе казаки очутились въ богоспасаемой Евпаторіи, которая, окруженная весною непроходимыми грунтовыми дорогами, такъ располагала къ попыткамъ «самоопредѣлиться». Но благодаря бдительности редактора «Евпаторійскаго Вѣстника» Б. Ратимова, вредная работа «Донского Вѣстника» и его покровителей Сидорина и Кельчевскаго была разгадана. Случилось такъ, что Ратимовъ сдѣлалъ обо всемъ личный докладъ въ поѣздѣ Главнокомандующаго, и участь дю-Шайла была рѣшена...

Отрѣшивъ генераловъ отъ должностей съ преданіемъ ихъ суду (дѣло кончилось высылкой всѣхъ виновныхъ за границу), Ген. Врангель еще разъ напомнилъ о необходимости полнаго единенія для выполненія долга предъ родиной.

Засимъ было приступлено къ спѣшной работѣ по реорганизаціи арміи, причемъ Главное Командованіе, наученное тяжелымъ опытомъ Добовольческой Арміи, рѣшило встать на путь регулярнаго комплектованія, позволявшаго ему болѣе точно учитывать наличныя силы и распространять свой авторитетъ на всю армію въ ея цѣломъ.

Красное командованіе, увлеченное преслѣдованіемъ главныхъ силъ Добровольческой Арміи до предгорій Кавказа, въ началѣ апрѣля спохватилось и попробовало было снова овладѣть Крымомъ, оборонявшимся корпусомъ Ген. Слащева.

Но это новая попытка большевиковъ потерпѣла неудачу, такъ какъ войска Слащева, усиленные Дроздовцами, нанесли краснымъ короткій ударъ и сдѣлали небоеспособными ихъ самыя надежныя части. Одновременно удалось овладѣть сѣверными выходами изъ Крыма, которые и были, по возможности, укрѣплены.

Этотъ успѣхъ не замедлилъ отразиться на настроеніи тыла. Войска подтянулись и поняли, что Ген. Врангель не допускаетъ сомнѣній, а тыловые шептуны перестали мечтать о милостяхъ красныхъ.

Снова закипѣла въ тылу напряженная военно-адинистративная работа. Войска выводились изъ большихъ центровъ въ села и деревни, бойцы подтягивались и выше держали головы. Утреннее безмолвіе Крымскихъ городовъ нарушалось звонкими пѣснями «станичниковъ» и «орловъ», шедшихъ на занятія въ поле, чтобы прикоснуться къ землѣ, напоенной кровью Севастопольскихъ героевъ.

Однако, красные не думали отказываться отъ новаго натиска; вскорѣ достовѣрная развѣдка и наблюденія на фронтѣ указали, что совѣтское командованіе, подъ давленіемъ сложившейся обстановки на западномъ польскомъ фронтѣ и

возстаній въ тылу, руководимыхъ Махно, поставило своей неотложной задачей овладѣніе Крымомъ.

И вотъ, памятуя, что изъ всѣхъ способовъ обороны лучшимъ является наступленіе, Главнокомандующій рѣшилъ вырвать инціативу изъ рукъ краснаго командованія и одновременно обезпечить русской арміи болѣе глубокій тылъ, такъ какъ продовольственное положеніе Крыма къ концу мая стало угрожающимъ.

Въ этомъ отношеніи глубоко заблуждаются тѣ, которые утверждаютъ, что Врангель совершилъ ошибку, выведя свои войска изъ Крыма. Если до революціи Таврическій полуостровъ не только обходился собственнымъ хлѣбомъ изъ Евпаторійскаго, Джанкойскаго и Симферопольскаго уѣздовъ, но вывозилъ извѣстное количество за границу, то въ 1920 г. посѣвная площадь, изъ за отсутствія скота и сѣменного матеріала, претерпѣла значительное сокращеніе. Въ городахъ чувствовался острый недостатокъ жировъ, сахара и картофеля, что при склонности татарскаго населенія къ спекуляціи и скученности населенія городовъ, наполненныхъ выздоравливающими сыпнотифозными и бѣженцами, грозило свести сразу же на нѣтъ всѣ героическія усилія по сохраненію Крыма.

Такимъ образомъ, даже независимо отъ разнообразныхъ военныхъ и политическихъ соображеній, выводъ арміи изъ Крыма въ Сѣв. Таврію внѣ всякаго сомнѣнія диктовался сложившейся экономической обстановкой.

20 мая Главнокомандующій издалъ слѣдующій приказъ:

«Русская армія идетъ освобождать отъ красной нечисти Родную Землю.

Я призываю на помощь мнѣ русскій народъ.

Мною подписанъ законъ о волостномъ земствѣ и возстанавливаются земскія учрежденія въ занимаемыхъ Арміей областяхъ.

Земля казенная и частновладѣльческая сельско-хозяйственнаго пользованія, распоряженіемъ самихъ волостныхъ земствъ, будетъ передаваться обрабатывающимъ ее хозяевамъ.

Призываю къ защитѣ Родины и мирному труду русскихъ людей и обѣщаю прощеніе заблудшимъ, которые вернутся къ намъ. Народу — земля и воля въ устроеніи государства. Землѣ — волею народа поставленный Хозяинъ.

Да благословитъ насъ Богъ!»

Этотъ приказъ являлся дополненіемъ къ изданному незадолго предъ тѣмъ обращенію Главнокомандующаго, получившему впослѣдствіи на фронтѣ и въ тылу красныхъ широкое распространеніе:

«Слушайте, Русскіе Люди!

За что мы боремся?

За поруганную вѣру и оскорбленныя ея святыни.

За освобожденіе Русскаго народа отъ ига коммунистовъ, бродягъ и каторжниковъ, въ конецъ разорившихъ Святую Русь.

За прекращеніе междуусобной брани.

За то, чтобы крестьянинъ, пріобрѣтя въ собственность обрабатываемую имъ землю, занялся бы мирнымъ трудомъ.

За то, чтобы честный рабочій былъ обезпеченъ хлѣбомъ на старость лѣтъ.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.

За то, чтобы русскій народъ самъ выбралъ бы себѣ Хозяина.

Помогите мнѣ, русскіе люди, спасти родину!»

Я нарочно привелъ текстъ этихъ двухъ обращеній Главнокомандующаго, чтобы дать представленіе о его, говоря трафаретнымъ языкомъ, политической программѣ. Богъ, Святая Русь, земля, свобода, право, выборный Хозяинъ Земли Русской (въ противопоставленіи партійному изувѣру, посаженному во тьмѣ ночной на русскій престолъ матросскими штыками) — вотъ съ чѣмъ обращался Ген. Врангель къ русскимъ людямъ, умоляя ихъ помочь ему спасти Россію.

Но особенно глубокое впечатлѣніе оставлялъ его призывъ къ борьбѣ за прекращеніе междуусобной брани, расчитанный на здоровыя начала народнаго духа.

Послѣ призывовъ къ «углубленію революціи», къ «классовой борьбѣ» и прочимъ атрибутамъ революціонной демагогіи, языкъ Врангелевскихъ приказовъ поднимался на высоту подлиннаго національнаго пафоса.

Подвернувшійся случай помогъ Главнокомадующему выявить и демократизмъ новой власти и показать, что она можетъ быть сурова даже по отношенію къ тѣмъ элементамъ, которые способствовали Врангелю выдвинуться на постъ руководителя вооруженныхъ силъ юга Россіи.

Я имѣю въ виду «монархическій заговоръ», съ которымъ связывалось имя молодого Герцога Сергѣя Лейхтенбергскаго, взволновавшій въ концѣ мая Севастопольскіе умы.

Во всей этой исторіи, въ которой «заговорщики» проявили чисто юношеское легкомысліе и самоувѣренность, власть же — ничѣмъ неоправдываемую подозрительность и суровость, — многое остается невыясненнымъ и страннымъ. Повидимому, въ данномъ случаѣ имѣла мѣсто попытка группы молодыхъ офицеровъ обратиться черезъ герцога Лейхтенбергскаго къ Великому Князю Николаю Николаевичу съ челобитной возглавить, подъ монархическими лозунгами, вооруженную борьбу съ большевиками, ибо генераламъ молодежь уже переставала вѣрить.

Какой-то военный юристъ подсмотрѣлъ въ одномъ изъ магазиновъ Севастополя, какъ офицеры покупали золотой шну-

рокъ. Кто-то пустилъ слухъ, что «заговорщики» собираются возводить на Крымскій престолъ Герцога Лейхтенбергскаго и что будто бы одна дама шьетъ уже для него мантію.

Въ результатѣ — 29 мая послѣдовалъ арестъ Герцога и 14 офицеровъ флота и арміи, а также отрѣшеніе отъ должностей нѣсколькихъ командировъ военныхъ судовъ. Только благодаря заступничеству А. В. Кривошеина, Герцогъ избѣгъ болѣе суроваго наказанія, и въ отношеніи его дѣло ограничилось высылкой, подъ конвоемъ двухъ агентовъ контръ-развѣдки, въ Константинополь.

Слѣдствію не удалось обнаружить никакого фактическаго матеріала по обвиненію остальныхъ арестованныхъ въ государственной измѣнѣ. Тѣмъ не менѣе старшіе морскіе начальники были отчислены по флоту, а молодежь - въ количествѣ семи человѣкъ - отечески наказана Главнокомандующимъ. Ихъ отправили безъ суда на фронтъ, гдѣ они должны были служить въ корпусѣ Ген. Кутепова, несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ были больны послѣдствіями тифа. Позднѣе, когда чувство крайняго раздраженія Ген. Врангеля нѣсколько ослабѣло, военно-морскому прокурору Ген. Ронжину удалось добиться амнистіи для осужденныхъ. Во всякомъ случаѣ эта исторія не прибавила популярности Главнокомандующему, и въ кругахъ офицерской молодежи за нимъ упрочилась репутація человѣка жестокаго, легко отдающагося порыву мстительности, когда ему казалось, что кто-нибудь покушается на его верховенство. Но надо замѣтить, что въ этотъ періодъ Главнокомандующій имѣлъ основаніе быть жестокимъ, ибо какъ разъ въ это время русская армія переживала самые рѣшительные дни, и вся судьба Правительства Юга Россіи была уже и такъ поставлена на карту.

25 мая, подъ личнымъ наблюденіемъ Главнокомандующаго, русская армія перешла въ стремительное наступленіе по всему фронту и, одновременно съ этимъ, Ген. Я. А. Слащевъ произвелъ высадку дессантнаго отряда у с. Кирилловки, въ Азовскомъ морѣ, и двинувшись въ тылъ красныхъ, занялъ Мелитополь.

Около 3000 всадниковъ и пѣхотинцевъ корпуса Слащева были перевезены чрезъ Керченскій проливъ на канонеркахъ и транспортахъ подъ командой Капит. I р. Машукова къ Азовскому побережью и, несмотря на сильный штормъ, выполнили возложенную на нихъ задачу къ полной неожиданности для противника, съ потерею одного человѣка и двухъ лошадей.

Въ тотъ же день центральная Перекопская группа красныхъ 13 совѣтской арміи была разрѣзана на двѣ части войсками Генераловъ Кутепова, Писарева и Морозова. Послѣ упорнаго боя Писаревымъ былъ взятъ Геническъ, а войсками Ген. Кутепова, цѣной тяжелыхъ кровопролитныхъ боевъ,

переходившихъ въ штыковыя схватки, при ближайшемъ участіи аэроплановъ, которые снижались и осыпали красную кавалерію пулеметнымъ огнемъ, сопротивленіе красныхъ было сломлено. Значительная группа большевиковъ была прижата къ Сивашу и частью уничтожена, частью взята въ плѣнъ, и Кутеповскій корпусъ получилъ возможность начать преслѣдованіе красныхъ до Днѣпра.

Къ 5 іюня послѣднее сопротивленіе красныхъ было преодолѣно, и русская армія заняла большую часть Сѣв. Тавріи отъ Ногайска (южнѣе Бердянска) до Днѣпра у ст. Плавни и далѣе внизъ по Днѣпру до его устья.

Территорія Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи удвоилась. Красные потеряли 7 пѣхотныхъ и 3 кавалерійскія дивизіи и большіе запасы военнаго имущества.

По отзывамъ объ этой операціи военныхъ авторитетовъ[1]), «замыселъ на уничтоженіе проведенъ съ желѣзной настойчивостью и въ полномъ соотвѣтствіи съ волей крупнаго творчества и высокаго умѣнія. Противникъ многочисленъ, обезпеченъ всѣми средствами техники, которыя можетъ дать гражданская война, съ преобладаніемъ артиллеріи и пулеметовъ, съ бѣшенствомъ дикаго, опоеннаго изувѣра — но тѣмъ больше чести для побѣдителей: «бьютъ не числомъ, а умѣньемъ».

Побѣдныя реляціи красныхъ о близкомъ взятіи Крыма смѣнились сообщеніемъ о томъ, что «сѣвернѣе Перекопа развиваются упорные бои».

Впослѣдствіи, изъ доставленныхъ въ Крымъ большевистскихъ газетъ, можно было судить о нароставшемъ въ Москвѣ безпокойствѣ предъ надвигавшейся съ юга опасностью:

Нахамкесъ-Стекловъ писалъ въ «Извѣстіяхъ» что «врагъ оказался упорнѣе, живучѣе, чѣмъ мы себѣ представляли, онъ бросилъ въ огонь свѣжія силы, пополнилъ свои поколебавшіеся ряды, подтянулъ подкрѣпленія изъ глубины страны (!!) . . . и остановилъ нашъ напоръ. Болѣе того, заставилъ насъ отходить . . .»

«Борьба поднимается сейчасъ во весь свой исполинскій ростъ», писала «Правда».

Да, борьба принимала нешуточный для красныхъ оборотъ. Русская армія выходила на широкій просторъ южныхъ степей, неся русскому народу «землю и волю» въ устроеніи русскаго государства, и освобожденное населеніе встрѣчало избавителей восторженно, благословляя ихъ на трудный подвигъ.

---

[1]) Полк. Ал. Маріушкинъ. «Отъ Новороссійска до Днѣпра.» Журн. «Русскій Сборникъ» № I, стр. 57.

ГЛАВА III.

Правительство Юга Россіи.

Когда Ген. Врангель принялъ на себя командованіе русской арміей, его первой заботой было найти себѣ опытнаго помощника по гражданской части, и его выборъ палъ на А. В. Кривошеина.

Говорили, что, по пріѣздѣ въ Севастополь, Кривошеинъ наотрѣзъ отказался занять какой-либо офиціальный постъ. По его мнѣнію,у русской арміи былъ всего одинъ шансъ на сто удержаться въ Крыму.

Но ему дали понять, что его отъѣздъ произведетъ чрезвычайно неблагопріятное впечатлѣніе на населеніе Крыма, которое скажетъ: «Вотъ пріѣзжалъ Кривошеинъ, поставилъ безнадежный діагнозъ и уѣхалъ»...

Тогда Кривошеинъ согласился принять предложенное назначеніе и, несмотря на противодѣйствіе военной партіи, дошедшее до того, что Начальнику Штаба Ген. Махрову пришлось впослѣдствіи оставить Крымъ, въ короткое время съумѣлъ пріобрѣсти совершенно исключительное вліяніе на Главнокомандующаго.

При такихъ условіяхъ на долю Помощника Главнокомандующаго по гражданской части выпала крайне тяжелая задача по упорядоченію разрухи Крымскаго тыла. Это было, пожалуй, труднѣе одержанія военныхъ успѣховъ на фронтѣ, такъ какъ опытъ добровольчества показалъ, что бѣлымъ гораздо легче побѣдить красныхъ, чѣмъ самихъ себя.

А. В. Кривошеинъ принадлежитъ, несомнѣнно, къ числу наиболѣе крупныхъ фигуръ отошедшей эпохи. Призванный П. А. Столыпинымъ въ бурную пору первой русской смуты къ сотрудничеству, А. В. Кривошеинъ навсегда связалъ свое имя съ землеустроительной реформой послѣдняго царствованія. Освѣдомленныя лица объясняли его успѣхи умѣніемъ выбирать себѣ помощниковъ, которые дѣлали за него большую часть работы, оставаясь въ тѣни (напр. А. А. Риттиха, А. А. Зноско-Боровскаго и др.), и несмотря на репутацію консерватора, поддерживать хорошія отношенія съ либеральной Думской оппозиціей. Только благодаря этимъ отношеніямъ, ему удалось добиться для своего вѣдомства особо привилегированнаго положенія въ смыслѣ смѣтныхъ ассигнованій и, всячески раздувая успѣхи землеустройства, привлечь въ ряды своихъ подчиненныхъ первоклассныя бюрократическія силы.

Среди государственныхъ людей Императорской Россіи обращаетъ на себя вниманіе особый типъ сановниковъ, вышедшихъ изъ среды разночинцевъ, а потому, до извѣстной степени, лишенныхъ щепетильности высшей расы. Они всегда

сосали двухъ матокъ: старались совмѣстить явную вѣрноподданность съ тайнымъ фрондерствомъ, а зачастую и преслѣдованіемъ далеко не безкорыстныхъ интересовъ.

Хотѣли бы, по образцу Гоголевскаго городничаго, надѣть «красную кавалерію», но въ тайнѣ расчитывали со временемъ заслужить и «голубую». Носили шифръ Статсъ - Секретаря Его Величества, но поддерживали добрыя связи съ оппозиціоннымъ дворянствомъ и земствомъ, а зачастую, конечно, лишь «для пользы дѣлъ россійскихъ» и съ интернаціональными банкирами.

Щекотали Русь сладкими мечтами о конституціи, сами же успокаивались обычно на Щедринской «севрюжинѣ съ хрѣномъ» и были готовы ко всѣмъ возможнымъ политическимъ неожиданностямъ, рѣдко оставаясь въ результатѣ въ положеніи Буриданова осла.

Съ этой категоріей русскихъ сановниковъ имѣлъ много сходныхъ чертъ покойный А. В. Кривошеинъ, снискавшій, несмотря на свое сотрудничество съ П. А. Столыпинымъ и И. Г. Щегловитовымъ, совершенно особое уваженіе въ кругахъ русской общественности и на страницахъ оппозиціонной прессы.

Думается, что Ген. Врангель, выбирая въ Помощники А. В. Кривошеина, остановился на немъ, какъ на видномъ дѣльцѣ царскаго времени со статсъ-секретарскимъ штампомъ. Это послѣднее обстоятельство въ глазахъ Врангеля, не умѣвшаго выбирать людей и полнаго придворно-гвардейской закваски, заслоняло все остальное, тѣмъ болѣе, что умный и краснорѣчивый Кривошеинъ съумѣлъ обворожить Главнокомандующаго и обмануть его увлекающуюся, восторженную натуру. Кривошеинъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, обошелъ Врангеля, сыгравъ съ нимъ ловко мефистофелевскую роль соблазнителя прямолинейнаго солдата, не обладавшаго государственнымъ кругозоромъ. Къ несчастью, Ген. Врангель слѣпо ввѣрился во всемъ, что не касалось чисто военныхъ вопросовъ, человѣку недостойному его довѣрія, которымъ, по глубокому убѣжденію многихъ живыхъ свидѣтелей Крымской эпопеи, былъ Кривошеинъ.

Въ оправданіе Главнокомандующаго слѣдуетъ признать, однако, что какъ будто другого выбора и не было. Прежде всего для того, чтобы придать начатому въ Крыму дѣлу необходимый моральный авторитетъ въ Россіи и за границей требовалось громкое имя. Но это имя безнадежно было бы искать въ рядахъ скомпрометировавшихъ себя въ Деникинскій періодъ умѣренно-революціонныхъ партій, разъ дѣло возрожденія Россіи предполагалось строить при помощи людей дѣла, а не партій. Наконецъ требовалось такое имя, которое могло бы примирить оставшееся въ Крыму населеніе съ тѣми,

кто слишкомъ рано отрясъ прахъ родины отъ ногъ своихъ. Другими словами нуженъ былъ мостъ, который долженъ былъ соединить національные и правые элементы, не оставившіе арміи въ годину испытаній, съ кадетами, поторопившимися пропѣть въ Парижѣ отходную безумству храбрыхъ.

Насколько этотъ выборъ былъ удачнымъ, показали развернувшіяся въ лѣтніе мѣсяцы событія въ Крымскомъ тылу, благоустройство котораго было ввѣрено попеченію А. В. Кривошеина. Но отъ наблюдательнаго глаза не могло укрыться несоотвѣтствіе медлительности б. Главноуправляющаго Землеустройства и Земледѣлія, словно все еще сидящаго въ обширномъ Петербургскомъ кабинетѣ у Синяго Моста, — нервному темпераменту, полному чисто юношеской импульсивности Главнокомандующаго и его неутомимой энергіи. Оптимисты видѣли въ этомъ залогъ полученія равнодѣйствующей, столь необходимой для того, чтобы придерживаться благоразумной середины.

И точно: Главнокомандующій и его Помощникъ какъ бы дополняли одинъ другого. Вступивъ въ отправленіе своей должности въ іюнѣ мѣсяцѣ подъ недоброжелательный шопотъ завистниковъ и осторожно ощупывая подъ ногами почву, А. В. Кривошеинъ пользовался къ концу лѣта полнымъ довѣріемъ Ген. Врангеля, который неоднократно отмѣчалъ въ приказахъ и офиціальныхъ рѣчахъ живѣйшую признательность своему Помощнику по гражданской части.

Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ выразить извѣстное сомнѣніе въ томъ, что Врангель былъ до конца искреннимъ въ этихъ демонстративныхъ изъявленіяхъ своей благодарности. Вполнѣ возможно, что на первыхъ порахъ, слабо разбираясь въ вопросахъ гражданскаго управленія, Главнокомандующій мало входилъ въ ихъ подробности, благо внушительная репутація его Помощника никѣмъ достаточно авторитетнымъ не оспаривалась. Впослѣдствіе же, когда слава Кривошеина, какъ о «зломъ геніи» и о «Романовскомъ» Крыма находила себѣ подтвержденіе въ фактахъ тыловой разрухи, Ген. Врангель махнулъ на все рукой и предпочелъ этими благодарностями маскировать свой неудачный выборъ отстраненію своего Помощника по гражданской части отъ должности предъ общей катастрофой.

Но на примѣрѣ пребыванія А. В. Кривошеина у власти даже слѣпые могли убѣдиться въ томъ, что сановники временъ Имперіи, сколь бы они ни были на мѣстѣ въ дореволюціонной Россіи, оказывались совершенно безпомощными въ атмосферѣ гражданской войны.

Боясь оторваться отъ привычныхъ формъ и шагнуть въ неизвѣстность, они тускнѣли, блекли и терялись, когда каждый часъ приносилъ имъ новыя политическія шарады.

Неспособность работать на склонѣ лѣтъ по 20 час. въ сутки въ обстановкѣ бивуака, внѣ привычнаго для нихъ комфорта и служебной дисциплины, лишала ихъ возможности поспѣвать во время за событіями и проводить въ жизнь нужную мѣру въ нужный моментъ. Когда были необходимы единоличныя, быстрыя рѣшенія, они, по старой памяти, цѣплялись за авторитетъ тяжеловѣсныхъ междувѣдомственныхъ комиссій, и само собою разумѣется, не могли соперничать въ быстротѣ и ловкости рукъ со своими антиподами.

Это не значитъ, что бѣлое движеніе въ области гражданскаго управленія или законодательства должно было отказаться отъ услугъ людей государственнаго опыта, замѣнивъ ихъ, по образу революціи, партійными никудышниками. Служебный опытъ людей, подобныхъ Кривошеину, Стишинскому, Глинкѣ или Тверскому могъ бы быть использованъ и безъ привлеченія ихъ на отвѣтственные посты. Но дѣло организаціи тыла только выиграло бы, если бы на активныя роли отвѣтственныхъ руководителей были бы привлечены болѣе молодые представители гражданской администраціи, которые хотя бы уже потому могли бы снискать болѣе авторитета въ въ глазахъ населенія, что не имѣли бы опредѣленнаго политическаго прошлаго. Вѣдь были же на фронтѣ на командныхъ должностяхъ тридцатилѣтніе генералъ-маіоры! — Почему же Вренгель не могъ найти хотя бы сороколѣтнихъ администраторовъ, болѣе чуткихъ къ біенію пульса настроеній гражданской войны, а остановилъ свой выборъ на престарѣломъ сановникѣ, явно непригоднымъ къ строительству новой Россіи?

Но самое печальное было то, что А. В. Кривошеинъ привлекъ за собою въ Крымъ и укрѣпилъ въ Севастополѣ связи съ группировавшимися въ Парижѣ представителями русско-еврейскаго финансоваго и промышленнаго міра. Страсть къ дѣлечеству, сближавшая его столь разительно съ покойнымъ С. Ю. Витте, налагала на всю его дѣятельность въ Крыму своеобразный отпечатокъ какой-то финансовой аферы, далекой отъ идеальныхъ стремленій фактическихъ защитниковъ Крыма. Недаромъ, вслѣдъ за назначеніемъ Кривошеина на его постъ, одинъ изъ руководителей Севастопольской газеты «Великая Россія» усумнился, въ бесѣдѣ со мною, въ безкорыстіи стремленій Помощника Правителя. Тогда (это было въ іюнѣ) это мнѣніе меня поразило, но, когда въ Севастополѣ появились изъ Парижа инж. Чаевъ, зять Троцкаго Животовскій, А. И. Гучковъ, П. Л. Баркъ, М. М. Федоровъ, и др., откуда уже было рукой подать до В. Ф. Давыдова, Высоцкаго, Шайкевича, Б. Каминки, Лѣсина и проч. банковскихъ дѣльцовъ, я понялъ, что дѣйствительно А. В. Кривошеинъ, при всемъ его несомнѣнномъ умѣ и дальновидности, былъ для маленькой территоріи Крымскаго полуострова слишкомъ дорогой роскошью.

Вѣдь было же время, когда вся территорія В. С. Ю. Р. управлялась — и притомъ совсѣмъ недурно — однимъ губернаторомъ и нормальнымъ штатомъ чиновниковъ губернской администраціи! И это было тогда, когда россійская казна могла не стѣсняться въ расходованіи средствъ на управленіе и благоустройство Крыма — этой жемчужины Юга Россіи.

Въ 1920 году было наоборотъ. При пустой казнѣ (такъ говорилъ А. В. Кривошеинъ) въ Крыму плодились и множились управленія, отдѣлы и канцеляріи, наполненные бюрократами третьяго сорта, жившими впроголодь и получавшими содержаніе въ полторы—двѣ турецкія лиры по курсу, вліявшему на Крымскую дороговизну. За то все это поднимало престижъ Правительства Юга Россіи, создавая иллюзію государственности, зато засѣдали междувѣдомственныя коммисіи, зато могъ А. В. Кривошеинъ и тѣсный кругъ близкихъ къ нему лицъ получать содержаніе въ иностранной валютѣ.

Короче говоря, предъ лицомъ довѣрчиваго Врангеля, хитрый А. В. Кривошеинъ къ концу лѣта вывелъ ослѣпившій Главнокомандующаго показной фасадъ государственной работы, скрывавшій подъ собою безнадежное разложеніе всего тыла. Главному архитектору успѣшно помогали десятники и подручные — Бернацкіе, Струве, Глинки и др. Большевики о лучшей помощи себѣ въ нашемъ тылу и думать не могли.

Мы еще вернемся въ другомъ мѣстѣ къ болѣе подробной оцѣнкѣ финансоваго и экономическаго положенія Крыма въ періодъ послѣдней борьбы съ большевиками. Пока же перейдемъ къ характеристикѣ остальныхъ ближайшихъ сподвижниковъ Ген. Врангеля по Крымскому тылу.

Неизмѣнно благосклонное отношеніе Главнокомандующаго раздѣлялъ съ А. В. Кривошеинымъ другой Помощникъ Правителя Генералъ-Лейтенантъ П. Н. Шатиловъ.

Этотъ сравнительно молодой генералъ изъ гвардейскихъ казаковъ былъ безсмѣннымъ соратникомъ бар. Врангеля еще во время операцій на Царицынскомъ фронтѣ. Сдержанный и флегматичный, съ неподвижнымъ, не отражавшимъ внутреннихъ переживаній лицомъ, Ген. Шатиловъ также составлялъ противоположность отмѣченнымъ характернымъ чертамъ Главнокомандующаго. Говорили, что онъ имѣлъ большое вліяніе на барона Врангеля въ смыслѣ умѣнія склонить его къ пересмотру рѣшеній, носившихъ слишкомъ поспѣшный характеръ.

Такъ называемая «военная партія», о которой рѣчь будетъ ниже, пробовала использовать это вліяніе Шатилова для борьбы съ возраставшимъ авторитетомъ Помощника Правителя по гражданской части, но безрезультатно. Шатиловъ былъ слишкомъ остороженъ, чтобы допустить втянуть себя въ это соперничество и придерживался строгаго раздѣленія

сферъ военнаго и гражданскаго управленія. Болѣе того, къ концу лѣта, когда обнаружились всѣ отрицательныя стороны дѣятельности А. В. Кривошеина, и Крымская катастрофа могла быть еще отодвинута или смягчена своевременными и рѣшительными мѣрами, отношенія между двумя Помощниками Правителя не оставляли желать ничего лучшаго. П. Н. Шатиловъ не смогъ разгадать А. В. Кривошеина, такъ какъ, несмотря на всѣ свои природныя дарованія, онъ также, какъ и Врангель, не обладалъ кругозоромъ государственнаго дѣятеля и пассовалъ предъ А. В., съумѣвшимъ войти въ довѣріе и Шатилова. Въ общемъ и Врангель, и Шатиловъ, упоенные властью, на каждомъ шагу околпаченные окружающими (вспомнимъ хотя бы исторію «укрѣпленія» Крыма Ген. Іозефовичемъ!), похожи были на героиню Лафонтеновской басни съ сыромъ во рту, подъ которыми хитрыя лисицы вершили свои дѣла подъ покровомъ льстивыхъ фразъ, пока сыръ не выпалъ и не разразилась катастрофа.

Вотъ почему глубоко неправы тѣ, которые возлагаютъ всю отвѣтственность за оставленіе Крыма исключительно на нераспорядительность гражданскихъ властей или на тыловую разруху.

Наступательный порывъ русской арміи въ первую половину лѣта требовалъ полнаго единенія въ тылу, но военныя неудачи и неподготовленность Крыма къ зимней кампаніи обязывали Ген. Шатилова возвысить свой голосъ противъ инертности А. В. Кривошеина. Къ сожалѣнію, Ген. Шатиловъ и его ближайшіе сотрудники поступили какъ разъ наоборотъ.

Изъ остальныхъ сподвижниковъ Ген. Врангеля здѣсь слѣдуетъ остановиться на Начальникѣ Гражданскаго Управленія С. Д. Тверскомъ и его Помощникѣ, Начальникѣ Особаго Отдѣла, Сенаторѣ Е. К. Климовичѣ. Что касается перваго изъ нихъ, то, будучи по прежней своей дѣятельности опытнымъ прокуроромъ и администраторомъ, С. Д. Тверской, ставъ во главѣ Гражданскаго Управленія въ Крыму, обнаружилъ всѣ характерные недостатки дореволюціоннаго губернатора, не съумѣвъ проявить ни одного изъ его достоинствъ. Гражданская война требовала администраторовъ совершенно особого порядка: дѣятельныхъ, находчивыхъ, рѣшительныхъ, умѣющихъ въ трудную минуту дѣйствовать по вдохновенію и вселить такія же свойства въ сердца своихъ подчиненныхъ.

Къ сожалѣнію, С. Д. Тверской совершенно не далъ себя увлечь воодушевленіемъ борьбы за національную идею, которое въ лѣтніе мѣсяцы въ Крыму испытывалъ даже самый запуганный обыватель. Въ его пріемахъ управленія Таврической губерніей не чувствовалось ни творчества, ни новизны, и въ каждомъ распоряженіи сквозили разочарованіе и усталость.

Обмолвившись какъ то крылатымъ словомъ о томъ, что русская армія была всего только «повстанцами», Начальникъ Гражданскаго Управленія былъ подавленъ необычной для него обстановкой разгоряченныхъ политическихъ страстей, и все лѣто провелъ въ препирательствахъ съ военачальниками, нападавшими на назначенныхъ имъ начальниковъ уѣздовъ. А подборъ этихъ должностныхъ лицъ, за исключеніемъ Начальника Ялтинскаго уѣзда А. Н. Мандрыки, попавшаго на эту должность вопреки желанію С. Д. Тверского, дѣйствительно наводилъ на печальныя размышленія.

Зато вполнѣ на мѣстѣ былъ Ген. Е. К. Климовичъ, назначеніе котораго на должность Директора «Департамента Полиціи» В. С. Ю. Р. такъ возстановило противъ Врангеля лѣвые круги. Вполнѣ естественно, что кадетамъ и полубольшевикамъ хотѣлось бы видѣть въ Крыму въ этой роли какого-нибудь профессора полицейскаго права, который упразднилъ бы контръ-развѣдки и судилъ большевиковъ судомъ присяжныхъ.

Поэтому они никакъ не могли примириться съ тѣмъ, что Главнокомандующій остановилъ свой выборъ на Климовичѣ, являвшемся однимъ изъ лучшихъ знатоковъ нашего революціоннаго подполья. Ихъ раздраженіе усугублялось и доходило до крайнихъ предѣловъ въ виду того, что Климовичъ къ тому же былъ безупречно честнымъ человѣкомъ — обстоятельство, помогшее ему въ 1918 г. быть оправданнымъ въ Петроградѣ большевистскимъ революціоннымъ трибуналомъ, который при всемъ желаніи свести счеты съ б. Директоромъ Департамента Полиціи, отпустилъ его на всѣ четыре стороны.

Врангелю нуженъ былъ на этомъ посту въ Севастополѣ техникъ-спеціалистъ полицейскаго дѣла, и Ген. Климовичъ вполнѣ оправдалъ возложенное на него довѣріе. Несмотря на огромныя средства, затраченныя большевиками на поддержку движенія зеленыхъ и коммунистовъ въ Крыму, благодаря энергіи и настойчивости Климовича, движеніе это должно было къ осени сойти на нѣтъ и во всякомъ случаѣ ни прямо, ни косвенно не послужило причиной неудачи, постигшей русскую армію. Также бдительно оберегалъ Начальникъ Особаго Отдѣла и самаго Главнокомандующаго, на котораго большевики охотились, какъ на звѣря.

И все это достигалось безъ излишняго кровопролитія и жестокости. Наоборотъ отличительными чертами Климовича была деликатность и стремленіе сдержать административный азартъ подвѣдомственныхъ ему контръ-развѣдокъ. Думается, что, если бы исполненіе нѣкоторыхъ полицейскихъ должностей въ Крыму приняли на себя не только бывшіе исправники или жандармы, но и прогрессивные общественные дѣятели, имъ удалось бы въ этомъ отношеніи оказать содѣйствіе Климовичу. Къ сожалѣнію, наши контръ-революціонеры, въ отличіе

отъ идейныхъ коммунистовъ, не любятъ заниматься грязной, полицейской работой, а потому составъ контръ-развѣдокъ былъ заполненъ лишь въ незначительной степени идейными людьми.

Тѣмъ не менѣе репрессіи бѣлыхъ ни въ какое сравненіе съ краснымъ терроромъ идти не могли. Доказательствомъ этому можно привести хотя бы институтъ высылки недовольныхъ элементовъ въ совѣтскую Россію, имѣвшій въ Крыму постоянное примѣненіе. Оно доходило подчасъ до абсурда, какъ это показалъ примѣръ высылки въ Грузію полубольшевика Канторовича, организовавшаго всѣ забастовки Севастопольскаго порта и дороговизну въ Крыму.

Какъ бы ни старались противники бѣлаго движенія поставить знакъ равенства между большевистскими и Врангелевскими пріемами борьбы, ни одого случая высылки чрезвычайками контръ-революціонеровъ въ станъ Деникина или Врангеля они привести не могли бы.

ГЛАВА IV.

Крымскій Генеральный Штабъ.

Трехлѣтняя гражданская война на югѣ, давъ намъ незабвенные образы героевъ духа, вписавшихъ свои имена въ лѣтописи безсмертія, выработала, однако, цѣлое поколѣніе молодыхъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, вздумавшихъ въ обстановкѣ братоубійства продолжать прерванную въ началѣ 1918 года штабную карьеру.

Я — врагъ необоснованныхъ обобщеній, и память и доброе имя офицеровъ Генеральнаго Штаба, честно выполнившихъ свой долгъ предъ престоломъ и родиной, для меня священна. Но мой очеркъ былъ бы далеко неполнымъ, если бы я обошелъ молчаніемъ гибельную роль въ борьбѣ съ большевиками дѣльцовъ и карьеристовъ гражданской войны.

Служа вѣрой и правдой Троцкому-Бронштейну[1] (фактъ совершенно невозможный при какихъ бы то ни было условіяхъ напр. въ германской арміи) и образуя въ тоже самое время блестящіе штабы, декорировавшіе военные центры Деникина или Врангеля, наши «военспецы» сохранили строгую корпоративность при всѣхъ перепетіяхъ борьбы бѣлыхъ съ красными, поддерживая другъ друга въ трудныя минуты. Можно было бы привести цѣлый рядъ примѣровъ, когда, при взятіи въ плѣнъ какой-либо части и поголовномъ истребленіи побѣдителями строевыхъ офицеровъ и добровольцевъ (а въ соотвѣтствующихъ случаяхъ коммунистовъ), офицеры Генеральнаго

[1]) 75% офицеровъ русскаго Генеральнаго Штаба состоитъ на службѣ у большевиковъ.

Штаба избѣгали этой участи, благодаря привилегированному положенію, въ какое ставило ихъ спеціальное военное образованіе. Въ офицерахъ Генеральнаго Штаба нуждались и красные, и бѣлые, а при такихъ условіяхъ, эти офицеры, быстро оцѣнивъ свои преимущества, служили одинаково неискренно и тѣмъ, и другимъ и въ значительной степени способствовали тому, что гражданская война на югѣ Россіи приняла такой затяжной характеръ.

И въ большевистской, и въ бѣлой печати обращали на себя вниманіе статьи военно-оперативнаго характера, принадлежавшія перу офицеровъ Генеральнаго Штаба. Написанныя въ нейтральныхъ тонахъ, онѣ производили отталкивающее впечатлѣніе сужденій какихъ-то суперъ-арбитровъ. При этомъ военная тайна была невсегда соблюдена. Какъ на примѣръ, сошлюсь на появленіе въ іюнѣ 1920 года въ Севастопольской газетѣ «Югъ Россіи» статьи неизвѣстнаго автора, представлявшей собою дословное воспроизведеніе (авторъ полѣнился даже придать ему другую редакцію) секретной сводки оперативнаго отдѣла о положеніи на польскомъ фронтѣ, а вслѣдствіе этого и задержанную военной цензурой.

Съ теченіемъ времени въ средѣ болѣе молодыхъ, а потому и болѣе активныхъ военныхъ выработался особый типъ военачальниковъ упрощеннаго міросозерцанія. Обстановка гражданской войны воспитала ихъ въ простѣйшей формулѣ: «если я не повѣшу, то повѣсятъ меня», жертвенный порывъ добровольчества смѣнился ненасытнымъ карьеризмомъ и жаждой власти, чиновъ, орденовъ и салонъ-вагоновъ. Бороться съ этими проявленіями эгоизма и тщеславія было подчасъ не подъ силу даже Главнокомандующимъ. Къ тому же эта болѣзнь была заразительной.

Являясь зачастую проводниками совершенно чуждыхъ духу русской арміи теченій, эти профессіоналы гражданской войны извращали настроеніе арміи, приписывая ей несвойственныя ей политическія симпатіи или предубѣжденія, и вмѣшивались въ вопросы внутренняго управленія, не имѣвшіе какой-либо связи съ военными операціями. Капитаны дѣлались въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ генералъ-лейтенантами, получая боевые ордена за операціи, которыя въ настоящей войнѣ удостоились бы лишь одобрительнаго отзыва начальства. Но этимъ совершенно закрывался доступъ въ армію старыхъ боевыхъ военачальниковъ, которымъ ихъ красная подкладка и Георгіевскіе кресты дались цѣной тяжелой боевой работы.

Считаю необходимымъ привести здѣсь мнѣніе одного изъ заслуженныхъ офицеровъ Генеральнаго Штаба по поводу своихъ младшихъ товарищей въ обстановкѣ гражданской войны:

«Страшное зло», пишетъ этотъ боевой генералъ: «проникшее въ Добровольческую Армію, можетъ быть, имѣя въ виду хорошую цѣль, — это разсыпаніе чиновъ, не сдерживаемое никакими рамками. Ввелъ это Деникинъ, счелъ себя вынужденнымъ продолжать и Врангель. Когда дарованіе чиновъ являлось исключительнымъ явленіемъ, оно и болѣе цѣнилось, да и не порождало завистливаго карьеризма. При щедромъ повышеніи — это средство являлось не поощреніемъ, а развращеніемъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ не было обоснованнымъ. Мало того быстрое продвиженіе ловкой молодежи породило страшное явленіе — пренебреженіе къ знаніямъ и къ служебному опыту. Ибо совершенно забыли, что въ военномъ мірѣ каждая должность (а значитъ и чинъ) связана не только съ правами, но и обязанностями. Опытъ прежнихъ войнъ и особенно великой войны 1914 — 1917 г г. ясно показалъ, что хорошій ротный командиръ не всегда хорошій полковой командиръ; что хорошій полковой командиръ не всегда хорошій начальникъ дивизіи и. т. д. Каждое повышеніе требуетъ большаго кругозора, большихъ знаній. Мы не даромъ съ кафедры говорили: «отъ знанія къ умѣнію — одинъ шагъ; но отъ незнанія — къ умѣнію — гораздо болѣе». Причины многихъ военныхъ неудачъ въ нашей борьбѣ съ большевиками имѣютъ въ этомъ свою разгадку. Но создалось модное теченіе — «Дорогу молодежи!» (что можно привѣтствовать въ смыслѣ порыва, задора, т. е. на своемъ мѣстѣ, и что нельзя не осуждать, когда легкомысленно хоронилось знаніе и служебный опытъ, дающіеся только годами труда), и по этому теченію легкомысленно поплыли и верхи арміи. И они въ этомъ виноваты. Ибо они установили и поощряли это. Созданные ими «вундеркинды» понятно всюду вылѣзали изъ своихъ рамокъ, и никто имъ не показывалъ ихъ надлежащаго мѣста. Всѣ «дерзали». Но дерзать стали не только въ хорошую сторону (лучшаго исполненія своихъ обязанностей), но и въ дурную. Тѣмъ болѣе, что примѣровъ тому на лицо всегда было много. Одерживающей же и руководящей руки не было.

«На этой почвѣ стало выростать и пренебреженіе къ противнику. Неудачу Таманской и Каховской операцій слѣдуетъ отнести именно за счетъ такихъ необоснованныхъ дерзаній, которыя вошли въ плоть и кровь «вундеркинднаго» командованія.

«Генералъ Врангель имѣлъ слишкомъ многочисленный штабъ (а военный афоризмъ гласитъ: большіе штабы — малые успѣхи и большія пораженія), самъ писалъ слишкомъ много приказовъ, которые не исполнялись («а всуе приказы писать, если ихъ не исполнять») и довѣрялъ важныя порученія недостойнымъ довѣрія лицамъ. (Укрѣпленія Перекопскаго перешейка были ничего не стоющими, а, по словамъ Врангеля,

на основаніи доклада руководившаго работами кавалериста Іозефовича, эти укрѣпленія были неодолимой твердыней!)

«Въ многочисленномъ штабѣ всегда будутъ люди безъ дѣла, будутъ нашептыванія и интриги. Это Врангель долженъ былъ знать и, если онъ это допустилъ. то онъ и долженъ былъ считаться съ послѣдствіями. Вотъ тутъ то и сказалась неправильная организація дѣла, неправильная структура арміи и ея подраздѣленій, гдѣ все носило слишкомъ широкій размахъ (не по средствамъ и силамъ), и отсутствіе прочныхъ основъ. Все было, если угодно, несерьезно по существу, а внушительно лишь съ внѣшней стороны.

«Затѣмъ нельзя не отмѣтить, что существовало еще одно большое зло — протекціонизмъ, расцвѣтшій въ Добровольческой Арміи махровымъ цвѣтомъ и приведшій къ замѣщенію многихъ должностей совершенно несоотвѣтствующими лицами.»

Излишне добавлять, что при такихъ условіяхъ, самоувѣренность и апломбъ «моментовъ» гражданской войны не знали предѣловъ. Они хотѣли бы милитаризировать всѣ отрасли управленія и политической жизни: печать, продовольствіе, желѣзныя дороги, финансы. Но эта задача была имъ совершенно не по плечу, такъ какъ, окончивъ ускоренный курсъ Александровской Военной Академіи, они были нетверды даже въ военныхъ познаніяхъ, не говоря уже о сферахъ экономической или административной. Это отпугивало отъ активной работы въ тылу Деникина или Врангеля опытныхъ администраторовъ съ солиднымъ дѣловымъ стажемъ, далекихъ духу военнаго карьеризма.

Послѣдствія указаннаго направленія штабной молодежи, игравшей на территоріи В. С. Ю. Р. исключительную роль, не замедлили сказаться съ первыхъ же шаговъ командованія Генерала Врангеля.

Если признанія очевидцевъ составленія земельнаго закона Врангеля 25 мая 1920 года достовѣрны, важнѣйшій актъ Правительства Юга Россіи былъ написанъ военными чуть что не на барабанѣ, причемъ спеціалисты земельнаго вопроса были устранены отъ этой работы.

Возможно, что такая обстановка его составленія диктовалась политическими соображеніями, требовавшими особой спѣшности. Но въ такомъ случаѣ было бы вполнѣ достаточно звонкой прокламаціи къ крестьянамъ, въ которой новая власть подтверждала бы ихъ права на землю.

Не вдаваясь здѣсь въ существо утвержденныхъ Главнокомандующимъ правилъ о передачѣ распоряженіемъ Правительства частновладѣльческихъ земель въ собственность обрабатывающихъ ихъ хозяевъ, слѣдуетъ, однако, признать, что своего агитаціоннаго значенія (на которое они были, главнымъ образомъ, расчитаны) эти правилы не выполнили, такъ какъ были

изложены тяжелымъ, малодоступнымъ пониманію сельскаго населенія языкомъ. И какъ ни старался Главнокомандующій широко использовать этого козырнаго туза своей программы, распространяя текстъ новаго закона въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, населеніе Сѣверной Тавріи отнеслось къ нему довольно равнодушно.

Причины этого слѣдуетъ также искать и въ томъ, что почва для воспріятія населеніемъ земельнаго закона въ Сѣв. Тавріи была довольно неблагопріятной. Ни въ Мелитопольскомъ, ни въ Перекопскомъ, ни въ Бердянскомъ уѣздахъ крестьяне никогда не испытывали недостатка въ землѣ, а въ самомъ Крыму значительная площадь крестьянской земли, не говоря уже о помѣщичьей, къ веснѣ 1920 года оказалась незасѣянной. Да и къ тому же никакого труда не составляло получить земельные участки желавшимъ ее обрабатывать на правѣ аренды.

Эта сдержанность сельскаго населенія, объяснявшаяся его апатіей и усталостью отъ гражданской войны, была причиной немалаго раздраженія нѣкоторыхъ военачальниковъ на землеустроительне органы, якобы не проявлявшіе должной энергіи въ проведеніи новаго закона. Въ ихъ представленіи вся процедура землеустроительныхъ мѣропріятій, требовавшая предварительной подготовки, ибо въ результатѣ этой работы новымъ собственникамъ должны были быть выданы документы на землю, могла производиться въ прифронтовой полосѣ подъ свистъ шрапнельныхъ разрывовъ и трескотню пулеметовъ.

Конечно, каждый очевидецъ военныхъ операцій въ Сѣв. Тавріи долженъ согласиться съ тѣмъ, что проведеніе земельнаго закона въ обстановкѣ, когда фронтъ то доходилъ до Днѣпра, и наши разъѣзды находились подъ Александровскомъ, то откатывался почти до Перекопа и Крымскихъ перешейковъ, было пустой тратой энергіи довольно малочисленнаго землеустроительнаго персонала, и скорѣе раздражало крестьянское населеніе, чѣмъ способствовало поднятію авторитета арміи.

А между тѣмъ въ медленности проведенія земельнаго закона въ жизнь военное начальство усматривало единственную причину уклоненія населенія Сѣв. Тавріи отъ мобилизаціи, упуская изъ вида, что красное командованіе никогда не пользовалось для пополненія своей арміи мобилизованными прифронтовой полосы, а доставляло пополненія съ сѣвера и востока Россіи. Это обстоятельство и послужило основной причиной неуспѣха всего предріятія Генерала Врангеля.

Но, относясь такъ строго къ прегрѣшеніямъ гражданскаго аппарата управленія и постоянно вмѣшиваясь въ его компетенцію, сами штабы были далеко не на высотѣ своей задачи. Неудачу Таманской и Каховской операцій и въ заключеніе безпорядочный отходъ русской арміи въ Крымъ слѣдуетъ

отнести именно за счетъ плохой организацiи Генеральнымъ Штабомъ развѣдывательной части и службы связи.

Еще до посадки десанта на пароходы для отправки его на Кубань, въ Феодосiи было извѣстно, что населенiе Кубани относится къ приходу русской армiи враждебно и что вся операцiя, въ виду принятыхъ большевиками мѣръ, завершившихся передачей власти на Кубани мѣстному Совдепу, носитъ несвоевременный характеръ. Тѣмъ не менѣе десантъ былъ произведенъ, послѣ чего Ген. Врангель, проѣзжая лично по пустымъ улицамъ Тамани, населенiе которой попряталось по домамъ, могъ убѣдиться, насколько преувеличены были донесенiя развѣдчиковъ о многочисленныхъ возстанiяхъ противъ красныхъ и объ общемъ недовольствѣ совѣтской властью.

Также неудовлетворительно была поставлена развѣдка въ прифронтовой полосѣ, находившаяся исключительно въ вѣдѣнiи Генеральнаго Штаба.

По мнѣнiю одного авторитетнаго лица, въ томъ положенiи, въ которомъ находилась русская армiя, Ген. Врангель не могъ проиграть ни одного сраженiя. Другими словами всякiй малѣйшiй неуспѣхъ В. С. Ю. Р., каковы бы ни были значительны предшествующiя побѣды, могъ имѣть для Крыма роковыя послѣдствiя.

Справедливость требуетъ признать, что штабы не приложили должныхъ усилiй къ тому, чтобы облегчить Главнокомандующему его тяжелую задачу. Воспитанные въ кастовомъ самомнѣнiи молодого Генеральнаго Штаба, они не съумѣли подняться выше личныхъ самолюбiй и сойти съ излюбленнаго пути нашептыванiя и интригъ. Они забыли, что въ той обстановкѣ, въ которой находилась русская армiя, когда съ трехъ сторонъ было море, а съ четвертой безжалостный врагъ, — эти привычки штабовъ большой войны должны были привести армiю къ катастрофѣ.

Вотъ почему утвержденiя извѣстной части печати, стоящей на платформѣ поддержки русской армiи, о томъ, что военные въ Крыму оказались «головой выше» чиновниковъ, не основаны на подлинномъ наблюденiи фактовъ Крымскаго тыла.

ГЛАВА V.

Печать и пропаганда.

Въ началѣ iюня я былъ приглашенъ и. д. Начальника Военнаго Управленiя Ген. В. П. Никольскимъ на должность Начальника Части печати Отдѣла Генеральнаго Штаба.

Я лично не былъ знакомъ Главнокомандующему. Съ А. В. Кривошеинымъ же меня связывала моя служба въ Пе-

трограде въ Министерстве Земледелія въ бытность его главой этого ведомства. Это обстоятельство, а равно и то, что я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ некоторыми другими высшими представителямп гражданской власти въ Севастополе, позволяло мне надеяться, что мне будетъ обезпечена достаточная независимость въ предстоящей работе, въ качестве руководителя деломъ печати и пропаганды на территоріи В. С. Ю. Р.

Убедившись изъ беседы съ Ген. Никольскимъ, что онъ считаетъ глубоко ненормальнымъ царившее въ Крыму въ указанной области преобладаніе военнаго элемента, и что въ моемъ лице Военное Управленіе желаетъ пріобрести сотрудника, обладающаго съ одной стороны — юридическимъ образованіемъ и административнымъ опытомъ, а съ другой знакомаго съ земельнымъ вопросомъ и пропагандой здоровыхъ аграрныхъ идей въ печати, — я согласился принять сделанное мне предложеніе.

Съ этого момента волею судебъ я былъ поставленъ въ центре хитросплетенія интригъ политическаго тыла, распутать которыя оказалось не подъ силу даже самому Главнокомандующему. Къ сожаленію, между мною и Ген. Врангелемъ находилось непреоборимое средостеніе въ виде ближайшихъ его сподвижниковъ, которое не дано было перейти, чтобы не быть обвиненнымъ въ интриге. Главнокомандующій же никакъ не хотелъ понять, что я, въ силу своего положенія, даже помимо собственной воли, делался творцомъ внутренней политики въ Крыму, каковая роль приписывалась мне теми, кто почему-либо имелъ основаніе быть недовольныиъ появленіемъ во главе управленія печатью совершенно новаго лица.

А недовольство мое назначеніе должно было вызвать естественно и прежде всего въ кругахъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, не нашедшихъ примененія своимъ талантамъ на фронте и собиравшихся въ тылу импровизировать на политическія темы, благо съ 1917 года на этомъ сделало карьеру немало «табуретныхъ Гошей». Съ легкой руки покойнаго Генерала Романовскаго, политика заедала наши штабы. Когда же былъ упраздненъ Освагъ, и все его наследіе пріобщили къ Штабу Главнокомандующаго, Крымскій «Генеральный Штабъ» быстро оценилъ все моральныя и матеріальныя преимущества для него отъ заведыванія деломъ печати и пропаганды. Хоть и мизерно было Крымское хозяйство, но область пропаганды была настолько всеобемлющей и элластичной, что изъ нея можно было всегда извлечь значительныя выгоды, какъ въ смысле созданія импозантныхъ должностей и вліянія на политическую жизнь, такъ и въ виде раздачи угоднымъ лицамъ заграничныхъ

командировокъ, иностранной валюты, бумаги и газетныхъ субсидій.

И вдругъ это «золотое дно» въ одинъ прекрасный день ускользало изъ сферы вліяній Генштаба и переходило подъ руководство человѣка штатскаго, ничѣмъ не связаннаго съ закулисными вліяніями «чернаго войска»! — Естественно, что мнѣ была объявлена имъ война съ перваго же дня моего появленія въ гостинницѣ Кистъ, гдѣ помѣщался Штабъ Главнокомандующаго, и слухи о моей вынужденной отставкѣ не умолкали ни на минуту въ теченіе трехъ мѣсяцевъ возглавленія мною Отдѣла печати.

Какъ сейчасъ помню свое первое появленіе въ Отдѣлѣ. Мой предшественникъ Полк. А. Маріушкинъ, офицеръ Генеральнаго Штаба мирнаго времени, до того разсердился на меня за мое назначеніе, что не пожелалъ даже лично сдать мнѣ дѣла, денежныя суммы и запасы бумаги. Въ Отдѣлѣ я былъ прямо подавленъ обиліемъ рослыхъ, здоровыхъ, прекрасно экипированныхъ молодыхъ офицеровъ, которые были откомандированы изъ своихъ частей для завѣдыванія разными отраслями печати и пропаганды. Хоть бы одна физіономія газетчика, хоть бы одинъ штатскій пиджакъ! — И вотъ, когда я сидѣлъ въ своемъ небольшомъ кабинетѣ, съ трехверстной картой Крыма на пустомъ письменномъ столѣ, буквально оглушенный звономъ шпоръ и мельканіемъ аксельбантовъ, открылась дверь и одинъ за другимъ — начальники различныхъ отдѣленій — всѣ со значками Военной Академіи — входили, чтобы вручить мнѣ свои раппорты объ отставкѣ.

Естественно, что я ни одной минуты ихъ не задерживалъ, такъ какъ сознавалъ, какъ нужны были нашей арміи образованные офицеры на фронтѣ или же въ тѣхъ, чисто военныхъ областяхъ, которыми руководить штатскимъ никогда еще не приходило въ голову, если не считать неудачныхъ попытокъ А. И. Гучкова или А. Ф. Керенскаго. Тѣмъ не менѣе возникалъ вопросъ о томъ, кѣмъ замѣнить ушедшихъ, въ особенности затруднительный, такъ какъ Севастополь никогда не претендовалъ на значеніе крупнаго культурнаго центра. Къ тому же въ Отдѣлѣ я нашелъ въ дѣлахъ полнѣйшій хаосъ и крайне примитивную, чтобы не сказать легкомысленную постановку дѣла храненія казенной бумаги и раздачи газетныхъ субсидій.

Считаю необходимымъ оговориться, что то обстоятельство, что $^3/_4$ Крымской печати носило офиціозный характеръ, меня, какъ журналиста, нисколько не шокировало. Не надо быть слишкомъ наивнымъ, чтобы не понимать, что такъ называемая «независимая печать», даже въ дореволюціонное время, была независима только отъ Правительства, но зато

находилась въ сугубой зависимости отъ тѣхъ или другихъ партій, банковъ или меценатовъ изъ Московскаго Ситцеваго или Живорыбнаго рядовъ.

Что же было удивительнаго въ томъ, что въ Крыму, гдѣ ни у одного изъ 20-ти органовъ печати не набралось бы и десятка постоянныхъ подписчиковъ, большая часть газетъ вынуждена была пользоваться субсидіей Правительства, чтобы какъ-нибудь свести концы съ концами! И если три, четыре газеты этихъ субсидій отъ Отдѣла печати не получали, то это вовсе не означало ихъ матеріальной и идейной независимости, а попросту у каждой изъ нихъ имѣлся свой денежный источникъ (болѣе щедрый, чѣмъ Отдѣлъ печати), отъ котораго исходили всѣ милости. Наконецъ, источникомъ для полученія субсидій оппозиціонно-соціалистическихъ газетъ было, внѣ всякаго сомнѣнія, само совѣтское правительство и его многочисленные агенты въ Крыму.

Русская пишущая братія (какъ, положимъ, всякая) никогда не отличалась слишкомъ твердыми моральными устоями, ни достаточнымъ образованіемъ для безапелляціонной критики власти, общества и отдѣльныхъ личностей. Я знаю, что этими строками я навлеку на себя громы со стороны тѣхъ, кому я въ нихъ даю безпристрастную оцѣнку, но что же дѣлать — вѣдь существуетъ же во всякой правовой странѣ судъ даже и для самихъ судей! И если современная русская журналистика пала такъ низко, что изъ ея среды исходятъ апологеты Кремлевскихъ палачей, и за хорошія деньги можно основать въ любомъ центрѣ Европы газету, открыто глумящуюся надъ всѣми завоеваніями на протяженіи вѣковъ нелицепріятнаго печатнаго слова, то — или этому здоровой самокритикой работниковъ пера долженъ быть поставленъ предѣлъ, или же русская печать вообще не оправдываетъ своего дальнѣйшаго назначенія.

Только бы писать каждый вечеръ привычное количество строкъ, только бы видѣть на другое утро написанное со свѣжихъ столбцовъ газетнаго листа, потрясать устоями, грозить разоблаченіями, травить намѣченную жертву, не щадя ни интимныхъ отношеній, ни женской чести — а тамъ не все ли равно, кто даетъ на это деньги! Сегодня Витте, завтра Рябушинскій или Д. Рубинштейнъ, Антанта или Германія, послѣ завтра Ленинъ, или самъ сатана — все это имѣетъ лишь преходящее значеніе, благо такъ нетрудно, имѣя литературный талантъ, встать въ позу любого героя, ибо, какъ сказалъ одинъ изъ смѣновѣховцевъ, «нѣтъ той лжи, которую языкъ человѣческій не съумѣлъ бы облечь въ форму словъ дѣвственно-правдивыхъ»! — Вотъ психологія — увы! — подавляющей части современныхъ ландскнехтовъ печатнаго слова. Въ этомъ отношеніи журналисты, собравшіеся весною 1920

года въ Крыму, не составляли исключенія изъ общаго правила. Развращенные до послѣдней степени тремя годами гражданской войны, а также пресловутымъ Освагомъ, подарившимъ газетному міру цѣлые легіоны безпринципныхъ, и жадныхъ до денегъ Тряпичкиныхъ и газетныхъ мародеровъ, эти господа обивали пороги вліятельныхъ лицъ и присутственныхъ мѣстъ, выклянчивая субсидіи и шантажируя откровенными угрозами. У кого было громкое имя, тѣмъ давали, но подачка дѣлала ихъ еще болѣе наглыми. Никто не пользовался такими щедрыми субсидіями отъ Правительства Юга Россіи, какъ извѣстный Петербургскій журналистъ Z, но никто не поносилъ такъ грозно въ редактируемыхъ имъ въ Крыму газетахъ Отдѣлъ печати, какъ этотъ вѣчно полупьяный и преисполненный добродѣтелями газетной богемы Катонъ, повидимому для того, чтобы гимназисты приготовительнаго класса увѣровали въ независимость его газетъ.

Въ этотъ міръ продажности, злопыхательства и интригъ предстояло войти мнѣ, не имѣвшему въ Отдѣлѣ печати ни одного сотрудника, на котораго можно было положиться. И вотъ тутъ я убѣдился, насколько неправы всегда были тѣ, которые избирали излюбленной темой разговоровъ жалобы на то, что у насъ «не было людей», подразумѣвая подъ этимъ честныхъ, знающихъ и трудоспособныхъ административныхъ и политическихъ дѣятелей, готовыхъ въ обстановкѣ гражданской войны отдать всѣ силы служенію родинѣ. Правда всѣ тѣ, кому надлежало инсценировать политическія настроенія, упорно гонялись за громкими именами, вербуя въ свой лагерь сановниковъ, парламентаріевъ, профессоровъ и журналистовъ. Но во первыхъ — «громкія имена» всегдо обходились очень дорого, ибо ихъ носители хотѣли хорошо жить и ничего не дѣлать, а во вторыхъ — эти имена очень мало говорили простому народу, вообще крайне безразличному и скорѣе недовѣрчивому къ авторитетамъ интеллигенціи.

Люди знанія и дѣла, скромные труженники, готовые въ тяжелыхъ условіямъ гражданской войны отречься отъ себя и, съ привычками аскета и твердою вѣрою въ правоту дѣла, которому они себя посвятили, работать, не покладая рукъ, — вотъ кто были нужны на отвѣтственныхъ мѣстахъ въ противобольшевистской борьбѣ, а не лидеры политическихъ партій и газетные публицисты, жившіе «старымъ жиромъ» дореволюціонныхъ репутацій. И такіе люди безусловно имѣлись на лицо въ тылу бѣлыхъ армій; ихъ надо было только умѣть найти!

Какъ часто, сталкиваясь въ періодъ моей послѣдующей дѣятельности во главѣ Крымской печати съ «власть имущими» и слушая ихъ стереотипныя жалобы на «безлюдіе», я читалъ въ ихъ глазахъ просто паническій страхъ предъ свѣжими и новыми людьми, которые — упаси Боже — могли бы про-

никнуть въ святое святыхъ руководившихъ верховъ. А вдругъ эти новые люди проявятъ независимость взглядовъ, неподатливость въ области компромиссовъ, начнутъ заявлять свое мнѣніе, проводить въ жизнь свою политику, приводить съ собой своихъ людей? — Нѣтъ, ужъ пусть игра будетъ вестись при помощи все той же истрепанной колоды картъ политическихъ и административныхъ персоннажей, пусть на всемъ будетъ лежать печать казенщины и рутины, зато можно быть спокойнымъ, что тайна верховнаго руководства судьбами милліоновъ человѣческихъ жизней будетъ соблюдена, и ни одинъ непосвященный не нарушитъ общаго ансамбля.

Сошлюсь въ этомъ отношеніи на примѣръ одного выдающагося военнаго дѣятеля, полнаго силъ и энергіи, который въ іюнѣ 1920 г. занималъ, волею Штаба Главнокомандующаго, въ Севастополѣ мелкую должность въ канцеляріи мѣстнаго гарнизона, и нужны были рѣзкіе протесты цѣлаго ряда лицъ, чтобы этому генералу дали болѣе отвѣтственный постъ. Но къ высшимъ военно-административнымъ должностямъ, въ святое святыхъ штабовъ, гдѣ импровизировали его бывшіе слушатели, этого генерала такъ и не допустили...

Повторяю: людей въ Крыму вовсе и не искали, такъ какъ всѣ роли въ администраціи и управленіи были уже распредѣлены заранѣе, и всякія перемѣны въ составѣ подобранныхъ лицъ вообще нежелательны и Главнокомандующему, и его обоимъ Помощникамъ, и всей плеядѣ выдвинутыхъ ими большихъ и малыхъ величинъ. —

Первой моей заботой въ области постановки газетнаго дѣла въ Крыму было сокращеніе количества газетъ, издававшихся на территоріи В. С. Ю. Р. при помощи казенныхъ субсидій. Но въ этой области мнѣ пришлось сразу же натолкнуться на слѣдующія непредолимыя преграды. Дѣло въ томъ, что, кромѣ Севастополя, Симферополя и Мелитополя, расположенныхъ на одной желѣзнодорожной магистрали, въ Крыму имѣлись четыре крупные центра, (Евпаторія, Ялта, Феодосія и Керчь), не связанные между собою быстрыми способами сообщенія. При нервности атмосферы тыла гражданской войны, при обиліи слуховъ, провокаціонныхъ и основательныхъ, распускавшихся въ тылу большевиками и паникерами, эти города, отрѣзанные отъ главныхъ центровъ многими десятками верстъ степныхъ и горныхъ дорогъ, на которыхъ хозяйничали зеленые, вообще не могли обходиться тѣми газетами, которыя могли бы имъ доставляться изъ Симферополя и Севастополя съ порядочнымъ запозданіемъ. Къ тому же нѣкоторые изъ этихъ городовъ (напр. Керчь) находились въ непосредственной близости отъ красныхъ, въ другихъ (Ялта и Симферополь) выходили газеты соціалистическаго направленія, еще сохранив-

шія извѣстное вліяніе на рабочихъ, съ которыми нужно было вести борьбу. Всѣ эти соображенія были рѣшающими въ вопросѣ о дальнѣйшей судьбѣ всѣхъ небольшихъ мѣстныхъ органовъ печати, которыя, за исключеніемъ Ялтинскихъ газетъ (гдѣ въ монархическомъ «Ялтинскомъ Вечерѣ» работалъ авторъ «Осеннихъ скрипокъ» И. Д. Сургучевъ), не могли похвастаться ни составомъ своихъ сотрудниковъ, ни хорошей постановкой информаціоннаго аппарата.

Равнымъ образомъ и попытка создать въ Севастополѣ крупный, хорошо обслуженный и всѣми читаемый органъ печати, типа «Новаго Времени» или «Русскаго Слова», который не стыдно было бы и за границу вывезти, дабы порвать всякія связи русской арміи съ Бурцевскимъ «Общимъ Дѣломъ», не могла имѣть успѣха. Роль оберъ - оффиціоза въ Севастополѣ играла «Великая Россія», руководимая Н. Н. Чебышевымъ, Н. Н. Львовымъ и В. М. Левитскимъ, которая, въ виду дружескихъ отношеній первыхъ двухъ лицъ съ Ген. Врангелемъ, была забронирована отъ всѣхъ моихъ покушеній.

Вотъ почему, когда, въ періодъ моего руководства дѣломъ печати и пропаганды въ Крыму и впослѣдствіи, приходилось выслушивать нападки на «Великую Россію» за весь тотъ выдержанный въ тонѣ легкомысленнаго оптимизма газетный матеріалъ, который неизмѣнно преподносился читателямъ этой газеты и получилъ отъ нихъ даже обидную кличку «Чебышевщины», — оставалось только разводить руками и ссылаться на свои многочисленные доклады непосредственнымъ начальникамъ объ абсолютной ненужности и непомѣрной дороговизнѣ этой газеты.

Вообще дороговизна газетъ была самымъ уязвимымъ мѣстомъ Крымской печати. Но она являлась лишь естественнымъ послѣдствіемъ царившей въ Крыму общей дороговизны и связаннымъ съ нею вздорожаніемъ типографскаго труда. Для иллюстраціи условій, въ которыхъ приходилось работать повременной печати, достаточно указать, что газетный наборщикъ за строку ручного набора получалъ въ шесть разъ большую плату, чѣмъ авторъ. При такихъ условіяхъ нечему удивляться, что цѣны за номеръ газеты въ Крыму доходили къ концу лѣта до 500—800 рублей. Это обстоятельство, принимая во вниманіе, что на большевистскихъ газетахъ, проникавшихъ съ фронта и изъ Евпаторіи, неизмѣнно значилась цѣна въ 3—5 рублей, ставилось въ особую вину Отдѣлу печати. Но вѣдь и цѣна фунта хлѣба къ концу лѣта въ Крыму дошла до 800 рублей, а въ силу этого означенное сопоставленіе цѣнъ еще вовсе не указывало на то, что цѣны на газеты въ Крыму были слишкомъ высокими.

Не слѣдуетъ забывать, что въ станѣ красныхъ, которые еще жили старыми, ограбленными запасами бумаги (а мы

выписывали ее на валюту изъ Константинополя) и пользовались трудомъ мобилизованныхъ наборщиковъ, газеты въ розничной продажѣ въ 1920 году были рѣдчайшимъ явленіемъ. Обычно ихъ раздавали безплатно въ той средѣ, въ симпатіяхъ которой нуждалась совѣтская власть, а потому красные, ничего не теряя, могли выставлять на своихъ «Извѣстіяхъ» и «Правдахъ» и дореволюціонную цѣну газетнаго номера.

Всѣ эти обстоятельства не могли не быть извѣстными тѣмъ кругамъ, изъ которыхъ исходили нападки на Отдѣлъ печати, но, разъ критика моей дѣятельности была имъ необходима для того, чтобы меня «убрали», всѣ доводы логики и справедливости должны были уступить пристрастію и злопыхательству.

— Больше мѣсяца на этомъ мѣстѣ не просидите, говорили мнѣ знатоки неустойчивости политическаго барометра въ Севастополѣ, когда я принялъ предложеніе Ген. В. П. Никольскаго: васъ заѣдятъ. Ужъ такая это должность.

Во всемъ этомъ было мало утѣшительнаго, но съ этимъ приходилось мириться, взявшись за это хлопотливое и неблагодарное дѣло. Однако, прежде всего надо было обезпечить Отдѣлу печати возможную независимость отъ Военнаго Управленія и его Отдѣла Генеральнаго Штаба, которые не скрывали своей враждебности ко всему штатскому, вслѣдствіе чего на ихъ искреннее содѣйствіе я естественно расчитывать не могъ.

Параллельно съ Отдѣломъ печати, зачастую вмѣшиваясь въ его функціи, дѣйствовалъ до 1 іюля 1920 года Политическій Отдѣлъ, возглавляемый небезызвѣстнымъ Полковникомъ Симинскимъ, съ политическими отдѣленіями во всѣхъ городахъ Крыма.

Эти мѣстные органы пропаганды, по мысли А. В. Кривошеина, подлежали закрытію, каковая мѣра вызывала сильное раздраженіе въ военной средѣ противъ Помощника Главнокомандующаго по гражданской части. Такъ какъ ликвидація мѣстныхъ политическихъ отдѣленій выпадала на мою долю, это раздраженіе естественно переносилось и на меня.

Въ сущности говоря, указанная мѣра сама по себѣ не могла принести такого непоправимаго вреда интересамъ бѣлаго движенія, какъ это старались изобразить нѣкоторые штабные. Не говоря уже о томъ, что содержаніе политическихъ отдѣленій на мѣстахъ стоило Правительству Юга Россіи огромныхъ денегъ, начальники политическихъ отдѣленій, за малыми исключеніями, были далеко не на высотѣ своей отвѣтственной задачи. Наскоро набранные, они не удовлетворяли сложности предъявляемыхъ къ нимъ требованій, ссорились съ мѣстной ад-

министраціей, вмѣшиваясь въ ея распоряженія, и старались разыгрывать въ уѣздныхъ городахъ роль недреманнаго ока центральной власти, не выполняя какой-либо производительной работы.

Чтобы дать представленіе о томъ, изъ какихъ сомнительныхъ элементовъ кооптировался личный составъ Крымскихъ политическихъ отдѣловъ и отдѣленій, можно было бы указать на самого Полковника Симинскаго, который, уже отставленный отъ должности, предъ самой эвакуаціей русской арміи, долженъ былъ быть арестованъ по обвиненію въ оживленныхъ сношеніяхъ съ большевиками.

Но какіе-то мѣстные органы пропаганды и информаціи должны были быть все-же сохранены на мѣстахъ, хотя бы въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, а потому всѣ мои усилія были направлены на созданіе въ уѣздныхъ городахъ телеграфныхъ агентствъ, по типу агентствъ Петроградскаго телеграфнаго агентства, безъ какихъ-либо громкихъ политическихъ заданій.

Въ этомъ отношеніи достаточно было посмотрѣть на фигуру журналиста Б. Ратимова (начальника Евпаторійскаго политическаго отдѣленія) въ умопомрачительномъ френчѣ и широчайшихъ погонахъ статскаго совѣтника, или на б. члена Государственной Думы Н. Ф. Аладьина, пытавшагося инсценировать въ Крыму всероссійскій крестьянскій союзъ при участіи какихъ-то весьма некрестьянскаго вида моншеровъ, — чтобы понять, что долѣе подобное положеніе терпимо быть не могло.

Не меньшія затрудненія вызывало упорядоченіе вопроса о цензурѣ надъ органами повременной печати. Выше было отмѣчено, что большинство органовъ Крымской печати пользовались поддержкой Правительства въ видѣ отпуска бумаги по казенной цѣнѣ. Но это не мѣшало ихъ редакторамъ вполнѣ правильно понимать свой долгъ предъ арміей и обществомъ и затрагивать страницахъ печати темы, которыя могли не понравиться представителямъ власти, лишенныхъ представленія объ этомъ долгѣ. На этой почвѣ между цензурой и редакторами газетъ происходили всегда рѣзкія недоразумѣнія, заканчивавшіяся побѣдою цензорскаго карандаша и . . . бѣлыми мѣстами на газетныхъ столбцахъ.

Справедливость требуетъ, однако, признать, что положеніе военныхъ цензоровъ было весьма затруднительнымъ. Я, лично, всегда стоялъ за полную отмѣну предварительной цензуры надъ повременной печатью, кромѣ чисто военнихъ сообщеній, и за отвѣтственность редакторовъ только по суду, какъ это было въ дореволюціонной Россіи. Какъ это ни странно, но такой порядокъ менѣе всего нравился газетамъ лѣваго направленія, которыя, выходя подъ предварительной цензурой, легче могли

оправдываться предъ своими читателями за умѣренный тонъ печатаемыхъ статей.

Въ этомъ смыслѣ мною неоднократно дѣлались указанія военнымъ цензорамъ. По моему мнѣнію, они должны были не допускать на страницахъ газетъ разглашанія военной тайны, проповѣди кощунства, порнографіи и классовой борьбы. Въ остальномъ же Крымская печать могла имѣть полную свободу обмѣна мнѣніями по всѣмъ, волновавшимъ общество вопросамъ, касавшихся, какъ дѣйствій должностныхъ лицъ, такъ равно ихъ выступленій по вопросамъ внутренней и внѣшней политики.

Къ сожалѣнію, однако, всѣ преимущества, вытекавшія для интересовъ Правительства Юга Россіи изъ подобной постановки дѣла, совершенно не были оцѣнены Главнокомандующимъ. Ген. Врангель смотрѣлъ на «газетчиковъ» и на печатное слово немного слишкомъ по военному и, мало считаясь съ пишущей братіей, полагалъ, что въ обстановкѣ гражданской войны печать поступитъ лучше всего, если будетъ неизмѣнно рапортовать о томъ, что «на Шипкѣ все спокойно».

Такъ какъ я никакихъ категорическихъ указаній на этотъ счетъ ни отъ Главнокомандующаго, ни отъ его Помощника не получалъ, приходилось дѣйствовать на свой страхъ и рискъ, мало помалу пріучая военныхъ цензоровъ къ большей терпимости къ печатному слову.

Вскорѣ, однако, произошелъ одинъ эпизодъ, который показалъ, что не все въ этой области было такъ просто, какъ это думалось.

29 іюня въ Севастополѣ вышелъ первый номеръ понедѣльничной газеты «Русская Правда» съ двумя статьями антисемитскаго направленія. О ея редакторѣ нѣкоторые чины Отдѣла Генеральнаго Штаба отзывались мнѣ съ большой похвалой, какъ о пламенномъ борцѣ за русское дѣло и высоко талантливомъ публицистѣ. Антисемитизмъ указанныхъ статей заключался въ общеизвѣстныхъ выдержкахъ изъ сочиненій различныхъ философовъ и писателей по еврейскому вопросу и ничего опаснаго для общественнаго порядка собою не представлялъ, а въ силу этого военный цензоръ, Полковникъ Х разрѣшилъ печатаніе номера.

Каково же было мое удивленіе, когда, придя на другой день вечеромъ съ докладомъ къ Начальнику Военнаго Управленія, я засталъ Генералъ-Маіора В. П. Никольскаго въ большомъ смущеніи.

— Вотъ посмотрите, что произошло, сказалъ онъ мнѣ, протягивая листокъ блокъ-нота, на которомъ рукою Главнокомандующаго былъ написанъ приказъ.

Въ приказѣ этомъ за пропускъ въ печать статей въ газетѣ «Русская Правда», въ которыхъ одна часть населенія натравливалась на другую, мнѣ объявлялся выговоръ, цензоръ отрѣшался отъ должности, а газета закрывалась навсегда.

Самъ Ген. Врангель газетъ, а въ особенности понедѣльничныхъ, читать не имѣлъ возможности. Но, такъ какъ представители еврейской колоніи въ Севастополѣ показали номеръ «Русской Правды» начальнику Американской военной миссіи (переполненной еврейскими переводчиками), а тотъ, въ свою очередь, принесъ жалобу на русскаго журналиста Главнокомандующему, — Ген. Врангель поторопился издать соотвѣствующій приказъ.

Тонъ этого приказа показался мнѣ незаслуженно обиднымъ, и я отвѣтилъ В. П. Никольскому:

— Передайте, пожалуйста, Главнокомандующему, что я къ цензурованію отдѣльныхъ газетъ отношенія не имѣю, а потому, не считая себя отвѣтственнымъ за происшедшее, очень прошу приказъ отмѣнить.

В. П. Никольскій попробовалъ меня успокоить:

— Вы же должны понять, что въ военной средѣ принято налагать взысканія по командѣ. Это вамъ дастъ лишній поводъ отнестись строже къ вашимъ подчиненнымъ и укрѣпитъ вашъ авторитетъ.

— Я не военный, отвѣтилъ я: и по своей предыдущей службѣ не привыкъ къ незаслуженнымъ выговорамъ и въ такой формѣ.

Затѣмъ я добавилъ, что, такъ какъ этотъ приказъ на первыхъ же шагахъ моей дѣятельности въ Крыму ставитъ меня подъ удары лѣвой печати, съ которой я бороться цензурными скорпіонами изъ за своей скромной персоны не намѣренъ, я вынужденъ буду подать въ отставку.

В. П. Никольскій, пожавъ плечами, удалился и черезъ нѣсколько минутъ возвратился отъ Главнокомандующаго уже съ другимъ приказомъ, въ которомъ выговоръ объявлялся лишь начальнику военно-цензурнаго отдѣленія Полковнику Генеральнаго Штаба У. (который принялъ это своеобразное «укрѣпленіе авторитета» философски спокойно»), а газета подлежала закрытію.

Какъ я узналъ впослѣдствіи, на перемѣну настроенія Главнокомандующаго повліялъ С. Н. Гербель, оказавшійся во время этого инцидента въ кабинетѣ Главнокомандующаго и разъяснившій ему технику цензурованія повременныхъ изданій.

Приказъ въ новой редакціи былъ опубликованъ на другой день въ газетахъ и не мало способствовалъ поднятію престижа Главнокомандующаго въ еврейскихъ кругахъ Крыма.

Я нарочно остановился столь подробно на этомъ случаѣ, чтобы опровергнуть распространенныя до сихъ поръ въ зарубежной печати утвержденія (напр. въ «Еврейской Трибунѣ», см. фельетоны Рысса) о томъ, что Ген. Врангелемъ въ Крыму яко бы поощрялась погромная агитація и «жидоморство».

Въ серединѣ іюля у меня произошли значительныя тренія съ Начальникомъ Управленія Иностранныхъ Сношеній П. Б. Струве изъ за раздѣленія Южно-Русскаго телеграфнаго агентства, бывшаго въ вѣдѣніи Отдѣла печати, между двумя вѣдомствами – Гражданскимъ Управленіемъ и Управленіемъ Иностранныхъ сношеній.

Не имѣя въ своемъ распоряженіи сколько-нибудь пригоднаго техническаго персонала, П. Б. Струве, по соображеніямъ чисто личнаго свойства, тѣмъ не менѣе настаивалъ предъ А. В. Кривошеинымъ на передачѣ дѣла заграничной информаціи въ его вѣдѣніе.

Какъ я ни доказывалъ А. В. Кривошеину отрицательныя послѣдствія отъ подобнаго раздѣленія для интересовъ информаціи, П. Б. Струве удалось склонить Помощника Главнокомандующаго на свою сторону. Во время этого засѣданія въ кабинетѣ А. В. Кривошеина я убѣдился, что онъ повидимому всецѣло раздѣляетъ основательность представленныхъ мною соображеній, но, будучи связанъ съ б. редакторомъ «Освобожденія» какими-то личными обязательствами, вынужденъ смотрѣть на это дѣло глазами П. Б. Струве. И это меня непріятно поразило.

Послѣдствія отъ этого раздѣленія не замедлили сказаться. Уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ Бор. Суворинъ писалъ въ Феодосійскомъ «Вечернемъ Времени»:

«Мы многаго не знаемъ, вслѣдствіе невозможно скверно налаженнаго заграничнаго информаціоннаго аппарата.

«Какимъ-то образомъ Ю. Р. Т. А. раздѣлили: на два вѣдомства-на иностранную и мѣстную. Неудивительно, поэтому, что и та, и другая половина Ю. Р. Т.' ы хромаетъ. Такой интересный фактъ, какъ организація новой арміи въ Польшѣ (Савинкова и Балаховича) получилъ нѣкоторое освѣщеніе благодаря отдѣльнымъ лицамъ, познакомившимся съ этой арміей. Наше иностранное вѣдомство до сихъ поръ ничего не сдѣлало, чтобы разъяснить намъ роль и труды этой арміи. Мы даже не знаемъ, каково наше отношеніе къ Польшѣ, и каково отношеніе Польши къ нашей арміи и къ Правительству Ген. Врангеля. . .

«На этихъ дняхъ вернувшійся изъ за границы Ксюнинъ въ своемъ интервью, данномъ представителю мѣстной Юрты, утверждалъ, что наша информація за границей очень неважно поставлена. Немедленно Юрта заграничная опровергла Юрту мѣстную. Вотъ къ чему привело насъ это раздѣленіе. . .»

Изъ дальнѣйшаго изложенія мы убѣдимся, что Севастополь преднамѣренно дурно освѣдомлялся о событіяхъ въ Польшѣ, и самъ Главнокомандующій ставился Управленіемъ Иностранныхъ Сношеній далеко не въ курсъ всѣхъ событій за рубежомъ.

Вообще же А. В. Кривошеинъ питалъ кокое-то необъяснимо враждебное чувство къ хорошо налаженному информаціон-

ному аппарату, а всякую устную пропаганду антибольшевистской идеологіи какъ въ тылу арміи, такъ и въ освобождаемыхъ отъ краснаго ига мѣстностяхъ просто считалъ ненужной тратой денегъ.

Свято вѣря въ искренность его намѣреній, я тогда отказывался понять, почему однимъ росчеркомъ пера былъ уничтоженъ послѣдній агитаціонный аппаратъ, остававшійся послѣ приснопамятнаго Освага. Правда, 8500 осважниковъ своей топорной агитаціей и никчемностью приносили безусловный вредъ интересамъ Добровольческой Арміи. Но изъ незначительной группы этихъ лицъ, которая послѣ разгрома Арміи прибыла въ Крымъ, все же можно было отобрать небольшой кадръ опытныхъ лекторовъ для культурно-просвѣтительной работы среди войскъ, рабочихъ и учащихся.

Тѣмъ не менѣе, въ виду упорнаго противодѣйствія Пом. Главнокомандующаго, пришлось отказаться какъ отъ оффиціальной, такъ и отъ офиціозной агитаціи, вслѣдствіе чего пропагандой идей Правительства Юга Россіи занялись въ Крыму различныя организаціи и лица, каждый толкуя по своему руководящіе приказы Главнокомандующаго.

ГЛАВА VI.

Земельный законъ 25 мая 1920 года.

Россія — страна сельскаго хозяйства. Главнымъ занятіемъ большинства населенія нашей родины, крестьянъ, является земледѣльческій трудъ. Поэтому земельный вопросъ былъ издавна въ Россіи осью, вокругъ которой вращались всѣ политическіе и экономическіе интересы населенія. О крестьянскомъ малоземельи уже въ Смутное время глухо рокотала проснувшаяся русская вольница. На «черномъ передѣлѣ» собирались произвести революцію въ Россіи народовольцы. Земельной нуждой крестьянъ спекулировали партіи въ 1905 году и пробовали, но неудачно, нажить политическій капиталъ въ 1917.

Со времени освобожденія крестьянъ неуклонно наблюдалось слѣдующее явленіе: крупное, помѣщичье землевладѣніе постепенно угасало, идя вѣрными шагами къ гибели. Площадь помѣщичьихъ земель сокращалась, несмотря на повышеніе сельскохозяйственной производительности сравнительно незначительнаго количества крупно-капиталистическихъ частныхъ хозяйствъ, крестьянскія же хозяйства крѣпли, и количество ихъ быстро возростало. И если бы землеустроительныя работы по законамъ Столыпина безпрепятственно производились бы подрядъ четверть вѣка (ихъ оборвало объявленіе войны 1914 г.), въ 1930 году помѣщичьи хозяйства значительнаго размѣра были бы въ Россіи исключительнымъ явленіемъ.

Вся трагедія Россіи заключалась въ томъ, что къ землеустройству не было приступлено тотчасъ же послѣ освобожденія крестьянъ, и еще въ царстованіе Императора Александра III земельная община находила себѣ защитниковъ и гальванизаторовъ въ самыхъ консервативныхъ кругахъ (К. П. Побѣдоносцевъ, К. Леонтьевъ, гр. С. Ю. Витте и др.). Ту же земельную общину подпирали и съ другого фланга, именно изъ круговъ народническихъ и эсеровскихъ, и даже прогрессивная партія народной свободы только въ 1911—12 годахъ начала измѣнять свое отношеніе къ этому институту русской косности и нетерпимости большинства, преданнаго въ свое время анафемѣ анархистомъ Бакунинымъ. Но и то, даже самые безпристрастные судьи Столыпинской реформы изъ кадетскаго лагеря возставали «противъ принудительнаго характера разрушенія общины», забывая, что когда-то Фридрихъ Великій продѣлывалъ эту необходимую въ сельскохозяйственномъ быту каждаго народа операцію въ Пруссіи съ помощью гренадеровъ, а Екатерина насаждала въ Россіи картофель подъ угрозой ссылки въ Сибирь и отрѣзанія носовъ и ушей.

Мы имѣемъ уже теперь достаточно объективныхъ данныхъ для того, чтобы установить, что русская революція потому и приняла такой безобразно анархическій характеръ, что къ 1917 году русское крестьянство въ большинствѣ своемъ жило земельнымъ укладомъ временъ царя Берендея, а интеллигенція, вмѣсто того, чтобы сразу же указать ему на причину всѣхъ его бѣдъ, натравила его на помѣщика, забывая, что, если въ деревняхъ начнутъ бить пановъ, то въ городахъ примутся за учителей и «жидовъ». И врядъ ли у кого-нибудь найдутся достаточно вѣсскіе аргументы для того, чтобы отговорить чернь вести себя иначе по отношенію къ городской интеллигенціи, если за чертой города «все позволено»!

И если западная Европа до сихъ поръ, треща и разваливаясь по всѣмъ швамъ, еще умудрилась какъ-то обойтись безъ большевизма (и думается, въ русской формѣ и обойдется), то это слѣдуетъ объяснить исключительно тѣмъ, что земельный бытъ германскаго, французскаго, англійскаго или итальянскаго фермера уже давно устроенъ, и мелкій сельскій хозяинъ живетъ въ зап. Европѣ тѣми же самыми интересами и нуждами, что и его сосѣдъ, крупный помѣщикъ.

На всѣ эти обстоятельства, конечно, въ Россіи даже въ періодъ Временнаго Правительства не было обращено надлежащаго вниманія, и его члены и политическія партіи не пошли дальше ни къ чему не обязывавшихъ, преступныхъ обѣщаній дать всю землю крестьянамъ даромъ, а большевики просто отмахнулись отъ аграрнаго вопроса (ибо представляли городскую голытьбу!) и стали при помощи комбѣдовъ насаждать въ деревняхъ коммуну.

Попытка Ген. Врангеля подойти къ разрѣшенію земельнаго вопроса въ духѣ кадетскихъ и право-эсеровскихъ программъ, но такъ, чтобы земельную реформу этого порядка насаждали не партійные невѣжды, хотя бы и увѣнчанные профессорскими лаврами, а кадровые землеустроительные чиновники, заслуживала бы самаго серьезнаго вниманія, если бы законъ 25 мая 1920 года не проводился бы въ жизнь на пятачкѣ, какимъ, въ сущности говоря, была сѣверная часть Таврической губерніи, и не въ той обстановкѣ ожесточенной гражданской войны, о которой уже говорилось въ предыдущихъ главахъ. И этимъ слѣдуетъ объяснить полный провалъ попытки Врангеля привлечь на свою сторону симпатіи населенія и побудить его помочь русской арміи въ ея борьбѣ. Но все же въ краткихъ чертахъ сущности этого закона коснуться слѣдовало бы, чтобы дать въ настоящемъ очеркѣ полную картину мѣропріятій Правительства Юга Россіи.

«Крупное землевладѣніе отжило свой вѣкъ», нѣсколько бездоказательно декларировалъ Главнокомандующій въ своемъ приказѣ 25 мая: «на смѣну ему является мелкій собственникъ-крестьянинъ, и ему принадлежитъ сельско-хозяйственная будущность Россіи».

Законъ Врангеля ставилъ земельный вопросъ во всей его широтѣ и по существу своихъ основныхъ положеній находился въ соотвѣтствіи со всѣмъ ходомъ русскаго національно-культурнаго и сельско-хозяйственнаго развитія, а главное отвѣчалъ требованіямъ политическаго момента.

Земля дожна была перейти трудящимся на ней хозяевамъ въ вѣчную собственость за плату, которая дожна была вноситься не прежнимъ владѣльцамъ отчуждаемой земли, а государству, хотя закономъ и разрѣшались добровольныя сдѣлки по передачѣ земли между помѣщиками и трудящимися на ней хозяевами подъ контролемъ и съ разрѣшенія Волостныхъ Земельныхъ Совѣтовъ.

Такимъ образомъ государство являлось только посредникомъ между помѣщиками и новыми собственниками.

Распредѣленіе земли и выработка условій, на котрыхъ она должна была переходить въ собственность обрабатывавшихъ ее хозяевъ, было возложено закономъ на Волостные и Уѣздные Земельные Совѣты, которые разрѣшали окончательно всѣ вопросы, связанные съ осуществленіемъ земельной реформы. Правительственная власть должна была только наблюдать за дѣятельностью выборныхъ Земельныхъ Совѣтовъ.

Волостные и Уѣздные Земельные Совѣты распредѣляли между трудящимися на землѣ хозяевами всѣ подлежавшія отчужденію пахотныя, сѣнокосныя и выгонныя земли казенныхъ, государственнаго земельнаго банка и частновладѣльческихъ имѣній, и эти же Совѣты устанавливали размѣръ земельныхъ участковъ для каждаго домозяина.

До образованія на мѣстахъ Волостныхъ Совѣтовъ, земли оставались въ фактическомъ владѣніи и пользованіи лицъ, которыя ими владѣли и пользовались ко времени занятія мѣстностей войсками Русской Арміи. Всякое владѣніе, на какомъ бы оно правѣ ни осуществлялось ко времени обнародованія земельнаго закона, принималось подъ охрану Правительственной власти и не могло быть нарушено никакими самовольными захватами и насиліями.

Наконецъ законъ ограждалъ интересы трудящихся на землѣ тѣмъ, что при всѣхъ измѣненіяхъ и перемѣщеніяхъ владѣній, каждому хозяину, засѣявшему и обработавшему землю, обезпечивалось полученіе урожая его посѣва и вознагражденія за трудъ по обработкѣ земли.

Правомъ участія въ выборахъ въ Волостные Земельные Совѣты пользовались хозяева, имѣющіе земельную собственность и ведущіе самостоятельно полевое или пріусадебное хозяйство, причемъ права участія въ этихъ выборахъ были не лишены и женщины, подходящія подъ это основное условіе. Такимъ образомъ лица, хотя и принадлежавшія къ составу сельскихъ обществъ, но или ничѣмъ не занимавшіяся, либо занимавшіяся какимъ-нибудь ремесломъ, торговлей и пр., но не ведшія самостоятельнаго хозяйства, отъ участія въ распредѣленіи земли устранялись. Зато частные владѣльцы, имущества которыхъ были расположены въ предѣлахъ данной волости, посылали въ составъ Волостныхъ Земельныхъ Сходовъ по одному представителю отъ каждаго владѣнія.

Въ помощь избраннымъ на Волостныхъ Земельныхъ Сходахъ Земельнымъ Совѣтамъ Управленіемъ Земледѣлія и Землеустройства назначались спеціалисты по межевому дѣлу и землеустройству.

Земельная реформа является самой сложной и трудной изъ всѣхъ реформъ вообще. Вокругъ земли сталкиваются противоположные, трудно примиримые интересы различныхъ группъ населенія: помѣщиковъ, крестьянъ, монастырей и т. п. Земельныя отношенія, слагавшіяся въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, носятъ обычно запутанный характеръ. Наконецъ, разрѣшеніе земельнаго вопроса требуетъ цѣлаго ряда сложныхъ и обширныхъ подготовительныхъ работъ. Необходимо собрать точный, строго провѣренный матеріалъ о количествѣ земли, ея качествахъ, размѣрѣ посѣвной площади, количествѣ трудового населенія и т. п. Безъ этихъ свѣдѣній разрѣшеніе земельнаго вопроса совершенно немыслимо. Естественно, что въ 1920 г. на югѣ Россіи этихъ свѣдѣній было найти невозможно. Большевики, разрушавшіе съ сатанинской безпощадностью все русское, народное, уничтожили всѣ ученыя и учебныя заведенія, а также, культурныя учрежденія земствъ и городовъ, гдѣ въ теченіе

долгихъ лѣтъ съ огромнымъ трудомъ и любовью собирались указанные матеріалы и свѣдѣнія.

При такихъ условіяхъ волостные Земельные Совѣты должны были собственными силами возстанавливать учичтоженное большевиками, а потому они въ первую очередь приступали къ предварительной работѣ — выясненію и обслѣдованію по каждому казенному, банковскому и частновладѣльческому имѣнію, какія земли, въ какомъ размѣрѣ, на какомъ основаніи и въ чьемъ именно пользованіи состоятъ, кто нынѣ владѣлъ землею и кто ею владѣлъ ранѣе, какое количество земли оставалось безъ обработки или безъ хозяина, какія земли состояли въ пользованіи постоянныхъ арендаторовъ и пр.

Собравъ и провѣривъ указанныя свѣдѣнія, Волостные Земельные Совѣты должны были приступить уже къ фактическому распредѣленію земель каждаго владѣнія между обрабатывавшими его хозяевами для укрѣпленія за ними этихъ участковъ на правѣ наслѣдственной и вѣчной собственности. Предположенія Волостныхъ Совѣтовъ по этому предмету разсматривались и окончательно утверждались Уѣздными Земельными Совѣтами.

Передачѣ «хозяевамъ» подлежали всѣ пахотныя, сѣнокосныя, и выгонныя (выпасныя) земли казенныхъ, государственнаго земельнаго банка и частновладѣльческихъ имѣній, за нѣкоторыми исключеніями, которыя вызывались соображеніями справедливости, либо интересами и пользой государства.

Что касается частновладѣльческихъ земель, то каждому изъ прежнихъ владѣльцевъ оставлялась нѣкоторая часть его имѣнія, причемъ размѣръ этой части опредѣлялся сообразно съ цѣлымъ рядомъ мѣстныхъ условій; количества, качества земли и т. п. Далѣе не подлежали отчужденію земли, уже находящіяся въ рукахъ мелкихъ собственниковъ — крестьянъ: надѣльныя, купленныя при содѣйствіи крестьянскаго банка, выдѣленныя на хутора и отруба и пр.

Освобождены отъ отчужденія были также и лѣса, какъ казенные, такъ и частновладѣльческіе. Однако, Волостные Земельные Совѣты должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы справедливые интересы крестьянскаго населенія, въ смыслѣ полученія топлива и строительнаго матеріала, были бы обезпечены.

Оставшіяся послѣ большевиковъ такъ называемыя «совѣтскія имѣнія» въ томъ случаѣ, если въ нихъ велись культурныя или промышленныя хозяйства, имѣвшія государственное или краевое значеніе, передавались непосредственно въ вѣдѣніе государства, которое и назначало лицъ для управленія ими и для веденія хозяйства. Изъ состава этихъ имѣній исключались лишь тѣ земли, которыя сдавались въ аренду сельскимъ хозяевамъ. Эти земли передавались въ собственность трудившимся на ней хозяевамъ.

При укрѣпленіи отчужденныхъ земель преимуществомъ предъ прочими лицами пользовались «хозяева», уже живущіе на обрабатываемыхъ земляхъ и имѣющіе тамъ хозяйственное обзаведеніе: усадьбу, земледѣльческія орудія, скотъ и проч., а между ними предпочтеніе отдавалось военнымъ, участвовавшимъ въ борьбѣ противъ большевиковъ, и ихъ семьямъ.

Передача земли происходила за выкупъ государству. Этимъ положеніемъ новый законъ рѣзко отличался отъ всѣхъ тѣхъ неисполнимыхъ и несправедливыхъ обѣщаній — дать всѣмъ землю даромъ, — которыми въ продолженіе революціи столько разъ крестьянская Россія была соблазнена и безстыдно обманута.

Выкупъ за землю долженъ былъ вноситься, по указаніямъ Волостныхъ Управленій и подъ контролемъ податной инспекціи, **зерномъ**. Но Правительство имѣло право, въ случаѣ государственной надобности, либо по ходатайствамъ плательщиковъ — замѣнять зерновые платежи деньгами по рыночнымъ цѣнамъ на зерно къ сроку платежа.

Размѣръ выкупа за землю опредѣлялся слѣдующимъ образомъ. Волостные Совѣты собирали свѣдѣнія объ урожаѣ на данной земельной площади за послѣдніе десять лѣтъ и затѣмъ вычисляли въ предѣлахъ уѣзда или волости среднiй урожай за всѣ эти годы съ одной казенной десятины земли. Полученная сумма пудовъ хлѣба съ десятины въ годъ умножалась на пять, и это произведеніе выражало полную цѣну стоимости отчуждаемой земли.

Выкупъ за землю разсрочивался на 25 лѣтъ, и каждый годъ плательщикъ обязанъ былъ вносить за каждую десятину лишь одну пятую часть средняго урожая съ нея. Это составляло взносъ весьма незначительный и обычно равный средней арендной платѣ.

Изъ изложеннаго видно, что цѣна на землю по закону 25 мая 1920 г. была назначена отнюдь не выше той, которая существовала до войны въ условіяхъ нормальной хозяйственной жизни. Если въ тѣ времена стоимость десятины земли, при средней урожайности въ 40—50 пуд., колебалась отъ 200 до 250 рублей, а цѣна за пудъ пшеницы доходила до 1 рубля, то значитъ и тогда соотношеніе между продажной цѣной отчуждаемой десятины земли и стоимостью средняго урожая хлѣба было пятикратнымъ. При этомъ, несмотря на разсрочку платежа въ 25 лѣтъ, никакихъ процентовъ не насчитывалось.

Плательщики имѣли право во всякое время досрочно произвести полную оплату стоимости всего или части укрѣпленныхъ за ними участковъ какъ хлѣбомъ, такъ и деньгами по рыночной стоимости хлѣба ко времени уплаты.

Съ того времени, какъ Волостной Земельный Совѣтъ составитъ планъ распредѣленія земель между трудящимися

на нихъ хозяевами и проектъ этотъ получитъ утвержденіе Уѣзднаго Земельнаго Совѣта — постановленіе послѣдняго окончательно закрѣпляетъ землю за новымъ владѣльцемъ. На основаніи этого постановленія новому владѣльцу выдается документъ, удостовѣрявшій его безспорное право владѣть укрѣпленною за нимъ землею. Крѣпостную же данную, — долгожданную синюю бумагу съ государственнымъ гербомъ, новые владѣльцы получали лишь послѣ оплаты полной стоимости земли.

Таковымъ въ краткихъ чертахъ представлялся порядокъ и самый ходъ принудительнаго отчужденія и передачи земель новымъ владѣльцамъ.

Законъ 25 мая, наряду съ крупными достоинствами — простотою и цѣлесообразностью всей процедуры отчужденія, выкупа и распредѣленія земли — отражалъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ себѣ всѣ недостатки аграрнаго міровоззрѣнія русской интеллигенціи, проникшіе равнымъ образомъ и въ круги землеустроительной бюрократіи.

Прежде всего онъ не съумѣлъ порвать съ укоренившейся въ нашемъ государственномъ и общественномъ быту традиціей видѣть въ крестьянствѣ замкнутое сословіе, нуждающееся въ постоянной опекѣ сверху, и въ особыхъ привиллегіяхъ и льготахъ въ вопросахъ своего поземельнаго устройства. Съ упраздненіемъ всѣхъ сословій въ свободной Россіи, сохранять крестьянство, какъ сословіе или классъ, въ удовлетвореніи земельныхъ нуждъ котораго — внѣ всякой зависимости отъ цѣнности того или другого домохозяина, какъ производителя хлѣба, какъ сельскаго хозяина — государство шло на разрушеніе крупныхъ культурныхъ имѣній, — было просто данью вѣяніемъ времени народническаго толка и, конечно, не разрѣшало кардинальнаго пункта русскаго земельнаго вопроса, именно повышенія производительности земель, находившихся въ обработкѣ крестьянъ.

Не надо быть фанатическимъ защитникомъ такъ назыв. «священнаго права собственности», чтобы принимать принудительное отчужденіе съ одной весьма существенной оговоркой, а именно — при условіи возможнаго сохраненія производительности помѣщичьихъ земель, не сдаваемыхъ въ аренду крестьянамъ. И если бы Правительство Юга Россіи направило бы остріе принудительнаго отчужденія исключительно противъ помѣщиковъ, постоянно сдававшихъ свои земли въ аренду (таковыхъ въ южной Россіи было 75%, не говоря уже о губерніяхъ воликороссійскихъ, въ которыхъ лишь $^1/_{10}$ помѣщичьихъ земель обрабатывалась самими собственниками), производительность сельскаго хозяйства не претерпѣла бы, вслѣдствіе реформы, никакого ущерба, и у противниковъ реформы было бы отнято послѣднее серьезное возраженіе.

Съ другой стороны, и отчуждаемыя земли нельзя было распредѣлять между крестьянами безъ всякаго разбора. Очень часто малоземелье того или другого домохозяина есть лишь доказательство его плохихъ качествъ, какъ сельскаго хозяина, его нелюбви къ землѣ и неумѣнія ее обработать и пріумножить. А между тѣмъ законъ предполагалъ закрѣпить за нимъ землю, при условіи аккуратныхъ взносовъ, на вѣчныя времена. Этимъ путемъ государству отнюдь не удалось бы создать въ будущемъ класса мелкихъ профессіоналовъ сельскохозяйственнаго труда, безотносительно къ ихъ принадлежности къ крестьянскому сословію, либо къ составу мѣстныхъ жителей даннаго села или деревни.

Давнымъ давно пора отрѣшиться отъ установившейся въ средѣ русскихъ знатоковъ аграрнаго вопроса «русской» точки зрѣнія на судьбу отчуждаемыхъ земель («земля — малоземельному») и усвоить взглядъ, котораго придерживается американское или австралійское правительства, раздавая земли для колонизаціи на строго опредѣленныхъ условіяхъ ея обработки. Кто берется обработать землю такъ, чтобы произвести максимумъ сельскохозяйственныхъ благъ, тотъ можетъ расчитывать на то, что предоставленная ему въ пользованіе земля будетъ закрѣплена за нимъ впослѣдствіи и въ собственность. При этомъ не надо ставить никакихъ предѣловъ размѣрамъ площади подобныхъ владѣній, дабы развитію крупныхъ хозяйствъ капиталистическаго типа (безъ которыхъ не можетъ жить ни одно государство) была открыта въ будущемъ полная возможность. Не бѣда, если отъ подобнаго порядка изъ деревни малу по малу вытѣснится владѣлецъ такъ назыв. карликовыхъ хозяйствъ. Крѣпкіе сельскіе хозяева быстро оцѣнятъ всѣ его преимущества; къ тому же, съ поднятіемъ производительности земли, увеличится и ея трудоемкость, и весь сельскій элементъ, лишенный хозяйственныхъ и организаторскихъ талантовъ, найдетъ своему труду на земляхъ новыхъ помѣщиковъ-разночинцевъ полное примѣненіе.

Конечно, всѣ эти разсужденія въ настоящее время имѣютъ лишь теоретическое значеніе, но они все же важны для правильнаго уясненія способовъ разрѣшенія русскаго земельнаго вопроса въ будущемъ. Ген. Врангель и его военные сподвижники видѣли въ земельномъ вопросѣ одну только политическую сторону, но привлекли къ его разрѣшенію на югѣ Россіи ближайшихъ сотрудниковъ П. А. Столыпина, которые старались втиснуть брошенные лозунги въ рамки закономѣрности и вѣдомственныхъ традицій.

Снова и снова русское общество на примѣрѣ этой скоропалительной реформы могло убѣдиться, что моментъ для разрѣшенія этого больного вопроса былъ избранъ крайне неудачно.

Нельзя въ пылающемъ домѣ производить перестройки и переселять жильцовъ. Моментъ этотъ приблизится только тогда, когда въ Россіи наступитъ извѣстное успокоеніе и подобіе государственнаго порядка и правового быта, когда можно будетъ устранить изъ земельной и землеустроительной реформы политическіи элементъ, до сихъ поръ еще доминирующій въ міровоззрѣніи правыхъ и лѣвыхъ, монархистовъ и республиканцевъ.

Декларировать на съѣздахъ и въ программахъ можно все, что угодно, но побѣдитъ тотъ порядокъ, который диктуется жизнью и неумолимыми сельскохозяйственными и экономическими законами. Только они научатъ несчастный, сбитый съ толку невѣждами русскій народъ терпѣнію и любви въ обработкѣ столь щедро дарованной ему Провидѣніемъ чудесной русской земли, и заставятъ политическихъ спекулянтовъ всевозможныхъ мастей въ разрѣшеніи земельнаго вопроса склониться предъ авторитетомъ экономистовъ, сельскихъ хозяевъ и землеустроителей. Во всякомъ случаѣ области земельныхъ отношеній въ Россіи суждено стать поприщемъ для примѣненія трудовъ, знаній и организаторскихъ талантовъ, не только нашихъ дѣтей, но внуковъ и правнуковъ.

ГЛАВА VII.

Разгромъ Жлобы — Каховка.

При наступленіи русской арміи вглубь Сѣв. Тавріи, впервые было примѣнено новое оружіе, въ значительной степени способствовавшее достигнутымъ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ успѣхамъ.

Я имѣю въ виду листовки и прокламаціи съ воззваніями Главнокомандующаго, которые разбрасывались десятками тысячъ экземпляровъ съ аэроплановъ и раздавались населенію при всѣхъ передвиженіяхъ арміи.

Въ особенности же большое впечатлѣніе производили призывы атамановъ повстанческихъ отрядовъ, въ концѣ іюня объявившихъ о своемъ полномъ подчиненіи Ген. Врангелю.

«Всѣ, какъ одинъ,» обращался атаманъ Гришинъ къ повстанцамъ «въ повстанческіе отряды и въ Русскую Армію, которую я видѣлъ и убѣдился, что она несетъ освобожденіе отъ большевиковъ, свободу покой и порядокъ».

Прочанъ, Савченко, Яценко — эти дѣти Новороссійскихъ степей — еще зимой относившіеся вмѣстѣ съ батькой Махно враждебно къ Добровольческой Арміи и вносившіе въ ея тылъ анархію и разложеніе, теперь открыто призывали «сложить

оружіе къ ногамъ тѣхъ, кто идетъ за народную волю, землю и истинную, некоммунистическую свободу».

Самъ Махно примирился съ «бѣлогвардейцами», чтобы ударить совмѣстно на общаго врага, хотя скептики и увѣряли лѣтомъ, что къ осени легендарный батько измѣнитъ.

Большевики сами признавались въ своихъ «Извѣстіяхъ» отъ 5 августа, что новое оружіе русской арміи — листовки и прокламаціи — въ значительной степени облегчало успѣхъ бѣлымъ. Къ тому же эти воззванія, написанныя простымъ русскимъ языкомъ, проникали за фронтъ красныхъ въ такомъ количествѣ и такъ жадно расхватывались населеніемъ, что, за отсутствіемъ у большевиковъ бумаги, дѣлали борьбу съ ними красныхъ совершенно безнадежной.

При помощи этихъ воззваній русская армія, далеко не безуспѣшно, склоняла также сибиряковъ, латышей и китайцевъ, доставленныхъ на южный фронтъ, къ отказу отъ вмѣшательства въ гражданскую войну.

Забота о печатаніи этихъ воззваній была возложена на Отдѣлъ печати, который, несмотря на чинимыя со всѣхъ сторонъ препятствія (большая часть крупныхъ типографій Севастополя была захвачена тыловыми военными учрежденіями, выполнявшими частные заказы), во второй половинѣ лѣта могъ выполнять самыя повышенныя требованія на воззванія со стороны Ставки. Такъ какъ Ставка (Ген. Коноваловъ) становилась въ этомъ отношеніи все болѣе и болѣе придирчивой, пришлось реквизировать у «Крымскаго Вѣстника» стоявшую безъ дѣла ротаціонную машину, и тогда воззванія полились на фронтъ непрерывнымъ каскадомъ. Этотъ способъ пропаганды долженъ былъ, по мысли Главнокомандующаго, замѣнить устную агитацію «осважниковъ».

Привожу дословно одну изъ первыхъ бесѣдъ съ Ген. Врангелемъ, напечатанную въ серединѣ іюня въ Севастопольской газетѣ «Великая Россія». Эта бесѣда должна была сыграть роль прокламаціи, обращенной къ населенію, но, какъ я убѣдился впослѣдствіи, назначеніе ея было нѣсколько иное, чѣмъ представлялось непосвященнымъ:

«За что мы боремся? — На этотъ вопросъ, заявилъ Генералъ Врангель: можетъ быть только одинъ отвѣтъ: мы боремся за свободу... По ту сторону нашего фронта, на сѣверѣ, царитъ произволъ, угнетеніе, рабство. Можно держаться самыхъ разнообразныхъ взглядовъ на желательность того или иного государственнаго строя, можно быть крайнимъ республиканцемъ, соціалистомъ, даже марксистомъ, и всетаки признавать такъ называемую совѣтскую республику образцомъ самаго небывалаго зловѣщаго деспотизма, подъ гнетомъ котораго погибаетъ и Россія, и даже новый ея якобы господствующій классъ — пролетаріатъ, придавленный къ землѣ, какъ и все

остальное населеніе. Теперь это не составляетъ тайны и въ Европѣ. Надъ совѣтской Россіей приподнята завѣса. Гнѣздо реакціи — въ Москвѣ. Тамъ сидятъ поработители, трактующіе народъ, какъ стадо. Только слѣпота и недобросовѣстность могутъ считать насъ реакціонерами. Мы боремся за раскрѣпощеніе народа отъ ига, какого онъ не видѣлъ въ самыя мрачныя времена своей исторіи. Въ Европѣ долгое время не понимали, но теперь, повидимому, уже начинаютъ понимать то, что мы такъ ясно сознаемъ: все міровое значеніе нашей домашней распри. Если наши жертвы пропадутъ даромъ, то европейскому обществу, европейской демократіи придется самимъ вставать на вооруженную защиту своихъ культурныхъ и политическихъ завоеваній противъ окрыленнаго успѣхомъ врага цивилизаціи.

— Слову «Хозяинъ» посчастливилось. Оно стало ходячимъ словомъ. Россія сейчасъ не имѣетъ «хозяина». Имъ я себя никоимъ образомъ не считаю, что признаю долгомъ засвидѣтельствовать въ самой рѣшительной формѣ. Но я никакъ не могу признать «хозяиномъ» русской земли невѣдомо кѣмъ уполномоченный совнаркомъ, — бурьянъ выросшій изъ анархіи, въ которую погружена Россія. «Хозяинъ» — это самъ русскій народъ. Какъ онъ захочетъ, такъ и должна устроиться страна. Если онъ пожелаетъ, имѣть Монарха, Россія будетъ монархіей, если онъ признаетъ для себя полезной республику, будетъ республика.

Но дайте народу возможность выразить свои желанія безъ чрезвычаекъ и безъ наведенныхъ на него пулеметовъ. Большевики разогнали учредительное собраніе, разсадили по тюрьмамъ, убили нѣкоторыхъ его членовъ. Большевики боятся всякаго правильнаго, законнаго представительства, въ которомъ можетъ вылиться воля народа. А мы стремимся установить минимальный порядокъ, при которомъ народъ могъ бы, если пожелаетъ, свободно собраться и свободно выразить свою волю. Мои личные вкусы не имѣютъ никакого значенія. Съ минуты принятія на себя власти, я отрѣшился въ своей официіальной дѣятельности отъ личныхъ влеченій къ тому или другому порядку. Я безпрекословно подчиняюсь голосу русской земли.

— Въ народныхъ массахъ дѣйствительно замѣчается обостреніе ненависти къ евреямъ. Чувство это развивается все сильнѣе въ народѣ. Въ послѣднихъ своихъ проявленіяхъ народныя противоеврейскія настроенія буйно разростаются на гнойникѣ большевизма. Народъ не разбирается, — кто виноватъ. Онъ видитъ евреевъ коммиссаровъ, евреевъ коммунистовъ и не останавливается на томъ, что это есть часть еврейскаго населенія, можетъ быть, оторвавшаяся отъ другой части еврейства, не раздѣляющаго коммунистическихъ ученій и отвергающаго

совѣтскую власть. Всякое погромное движеніе, всякую агитацію въ этомъ направленіи я считаю государственнымъ бѣдствіемъ, и буду съ нимъ бороться всѣми имѣющимися у меня средствами. Всякій погромъ разлагаетъ армію. Войска, причастныя къ погромамъ, выходятъ изъ повиновенія. Утромъ они громятъ евреевъ, а къ вечеру они начнутъ громить остальное мирное населеніе. Еврейскій вопросъ — вопросъ тысячилѣтній, больной, трудный: онъ можетъ быть разрѣшенъ временемъ и мѣрами общественнаго оздоровленія, но исключительно при наличности крѣпкой, опирающейся на законъ и реальную силу государственной власти. Въ странѣ, гдѣ анархія и произволъ, гдѣ неприкосновенность личности и собственности ставится ни во что, открытъ просторъ для насильственныхъ выступленій одной части населенія противъ другой. Наблюдаемое въ послѣднее время обостреніе вражды народа къ еврейству, быть можетъ, одинъ изъ показателей того, насколько народъ далекъ отъ коммунизма, съ которымъ онъ склоненъ ошибочно отожествлять все еврейство. Съ оживленіемъ дѣятельности большевистской власти въ извѣстной мѣстности, тамъ растутъ и противоеврейскія теченія.

— Я всей душой жажду прекращенія гражданской войны. Каждая капля пролитой русской крови отзывается болью въ моемъ сердцѣ. Но борьба неизбѣжна, пока сознаніе не прояснилось, пока люди не поймутъ, что они борятся противъ себя, противъ своихъ правъ на самоопредѣленіе, что они совершаютъ надъ собой безсмысленный актъ политическаго самоубійства. Пока въ Россіи не установится настоящая государственная власть, любого построенія, но такая, которая будетъ основана на освященныхъ вѣковыми исканіями человѣческой мысли началахъ законности, обезпеченности личныхъ и имущественныхъ правъ, на началахъ уваженія къ международнымъ обязательствамъ, въ Европѣ никогда не наступитъ ни мира, ни улучшенія экономическихъ условій. Невозможно будетъ заключить ни одного мало мальски прочнаго международнаго соглашенія и ни о чемъ какъ слѣдуетъ договориться. Исторія когда-нибудь оцѣнитъ самоотреченіе и труды горсти русскихъ людей въ Крыму, которые въ полномъ одиночествѣ на послѣднемъ клочкѣ русской земли, боролась за устои счастья человѣчества, за отдаленные очаги европейской культуры. Дѣло русской арміи въ Крыму — великое освободительное движеніе. Это — священная война за свободу и право.»

Послѣ іюньскаго разгрома XIII совѣтской арміи, командующій ею б. Полковникъ Генеральнаго Штаба Паукъ былъ отрѣшенъ Троцкимъ отъ должности, преданъ послѣднимъ суду и разстрѣлянъ. Новый командующій Эйдеманъ получилъ категорическій приказъ «ликвидировать баронскій фронтъ».

При этомъ XIII армія была усилена частями VIII Кавказской совѣтской арміи, а вся кавалерія была присоединена къ конному корпусу Жлобы, посланному въ Сѣв. Таврію.

Учитывая, на основаніи успѣшныхъ дѣйствій конницы Буденнаго противъ Добровольческой Арміи подъ Купянскомъ и на Манычѣ и противъ поляковъ подъ Кіевомъ, значеніе большихъ кавалерійскихъ массъ въ гражданской войнѣ, красное командованіе возлагало на корпусъ Жлобы (численностью до 8000 сабель) очень большія надежды, тѣмъ болѣе, что кавалерія русской арміи къ серединѣ іюня, за недостаткомъ конскаго состава, еще находилась въ стадіи формированія.

Жлоба – б. слесарь Тихорѣцкихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ отличился еще въ Манычскую операцію и въ большевистскихъ кругахъ пользовался репутаціей второго Буденнаго.

Къ 17 іюня русская армія занимала дугообразный фронтъ отъ Азовскаго моря (между г. Бердянскомъ и Ногайскомъ), чрезъ Б. Токмакъ (зап. Мелитополя), Васильевку до береговъ Днѣпра. Въ задачу корпуса Жлобы входило вклиниться въ боевое расположеніе русской арміи, сосредоточеннымъ ударомъ овладѣть Мелитополемъ и, зайдя въ тылъ арміи Врангеля, отрѣзать ее отъ перешейковъ.

Какъ только обозначилось направленіе удара красныхъ, Врангель началъ осаживать свой центръ къ Мелитополю. Одновременно были приняты мѣры къ перевозкѣ пѣхоты на тачанкахъ (по способу Махно) въ обходъ красныхъ и къ зажатію флангами корпуса Жлобы въ мѣшокъ.

Развязка операціи послѣдовала 20 іюня. Въ этотъ день Корниловская дивизія, закончивъ перегрупировку, на разсвѣтѣ атаковала съ сѣвера большую группу противника, не принявшаго никакихъ мѣръ къ обезпеченію своего тыла. Окруженная съ трехъ сторонъ частями Ген. Кутепова и конницей Ген. Морозова, эта часть большевиковъ (до 4000 сабель) была приведена въ полное разстройство и, побросавъ 30 орудій, обозы и большую военную добычу, стала разбѣгаться въ сѣверо-западномъ и въ восточномъ направленіяхъ. 12 аэроплановъ, подъ начальствомъ Ген. Ткачева, засыпали бѣгущихъ градомъ бомбъ, снижаясь до 100 метровъ надъ противникомъ, и поражали его сосредоточеннымъ пулеметнымъ огнемъ. Изъ всей этой группы изъ кольца окруженія удалось выскочить лишь не многимъ; большинство же красныхъ было уничтожено и взято въ плѣнъ.

Но не менѣе печальной была участь другой половины красной кавалеріи, бывшей подъ начальствомъ самого Жлобы. Видя себя окруженными, красные дѣлали рядъ отчаянныхъ попытокъ вырваться изъ кольца войскъ Ген. Кутепова и Слащева и метались въ теченіе всего дня то на сѣверъ къ Б. Токмаку, гдѣ нарывались на наши бронепоѣзда, бронеавто-

мобили и пѣхоту, то на востокъ, гдѣ попадали подъ удары Донской конницы Ген. Абрамова.

Уклонившись на юго-востокъ, преслѣдуемые аэропланами Ген. Ткачева, уже покончившаго съ первой группой красныхъ, Жлоба съ нѣсколькими сотнями всадниковъ бѣжалъ на автомобилѣ къ Бердянску.

Въ результатѣ боя подъ Б. Токмакомъ были уничтожена 8000 группа красной конницы, захвачено въ плѣнъ болѣе 3000 всадниковъ, столько же лошадей (что позволило закончить формированіе коннаго корпуса Ген. Барбовича), 43 орудія, 2 броневика, 200 пулеметовъ, значительное количество всякаго военнаго имущества вплоть до радіо-станціи, а также рядъ видныхъ комисаровъ и военспецовъ.

Какъ писалъ Ген. Врангель въ приказѣ по арміи, «день 20 іюня является небывалымъ въ исторіи тактики», когда согласованныя дѣйствія пѣхоты и авіаціи привели къ разгрому крупной ударной массы конницы, считавшейся образцовой. Этотъ день показалъ, что русская армія, сильная духомъ, а не числомъ, способна на подвиги высокаго боевого напряженія, и создалъ психологическую базу для дальнѣйшаго наступательнаго порыва ея бойцовъ вглубь совѣтской територіи.

Разгромъ корпуса Жлобы, по отзывамъ компетентныхъ лицъ, представлялъ дѣйствительно блестящую военную операцію. Замыселъ ея и проведеніе въ жизнь доказываютъ талантливость Врангеля, Шатилова и Коновалова, роль котораго была наиболѣе крупной въ разработкѣ плана окруженія. Надо отдать должное и войскамъ, съумѣвшимъ выполнить блестяще свою трудную задачу. —

«Ушелъ Деникинъ, его смѣнилъ желѣзный Врангель», писали Харьковскія Извѣстія: «и борьба разгорается вновь.

«Озлобленные бѣлогвардейцы хотятъ заставить насъ вспомнить страдные дни Харькова, Воронежа и Орла».

По отзывамъ участниковъ боевъ въ Сѣв. Тавріи, послѣ разгрома корпуса Жлобы, выжидательное отношеніе населенія къ арміи смѣнилось сочувствіемъ и благожелательностью, тѣмъ болѣе, что съ приходомъ арміи жизнь входила въ колею правопорядка. Грабежи и насилія надъ мирнымъ населеніемъ, бывшіе обычнымъ явленіемъ въ тылу Добровольческой Арміи, въ арміи Врангеля не имѣли мѣста.

Однако, вскорѣ арміи пришлось пережить тяжелыя разочарованія въ связи съ неудачной попыткой овладѣть Каховкой, и полной катастрофой, постигшей дессантъ на Кубани.

Каховка — незначительное мѣстечко на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Берислава. Когда красные были отогнаны за Днѣпръ, имъ удалось удержаться на небольшомъ участкѣ лѣваго берега у Каховки и создать себѣ въ этомъ мѣстѣ нѣчто

вродѣ тетъ-де-пона, т. е. укрѣпленнаго пункта, активно защищавшаго переправу чрезъ Днѣпръ.

Это обстоятельство давало краснымъ крупныя преимущества держать сообщенія русской арміи подъ постоянной угрозой. Для иллюстраціи выгодности положенія красныхъ достаточно указать, что въ то время, какъ центральная группа арміи Ген. Врангеля была удалена отъ Чонгарскаго моста чрезъ Сивашъ на 160 верстъ, большевики имѣли укрѣпленную позицію всего въ 70 вв. отъ Перекопа.

Совѣтское командованіе использовало всѣ возможности, чтобы укрѣпить созданный имъ тетъ-де-понъ. На другомъ, болѣе возвышенномъ берегу Днѣпра у Берислава большевики установили батареи тяжелой артиллеріи, которыя были внѣ досягаемости малочисленной бѣлой артиллеріи.

Вмѣсто того, чтобы обратить главное вниманіе на эту явную угрозу для всѣхъ операцій русской арміи, Ставка дала себя увлечь чрезвычайно активными дѣйствіями на Александровскомъ и Орѣховскомъ направленіяхъ, ликвидація же Каховскаго плацдарма была возложена на 2 и Крымскій корпусъ Ген. Слащева.

Этотъ корпусъ насчитывалъ не болѣе 5000 сабель и штыковъ и былъ весьма неудовлетворительно снабженъ техническими средствами и тяжелой артиллеріей. Кромѣ того, Ген. Слащевъ уже въ то время былъ не въ фаворѣ главнаго командованія и въ сильныхъ контрахъ съ Генералъ-Квартирмейстеромъ Коноваловымъ. Этотъ молодой генералъ, наряду съ большимъ личнымъ мужествомъ, имѣлъ репутацію «лѣваго» и не долюбливалъ Слащева за его стремленія эмансипироваться отъ вліянія Ставки.

Большевики превосходно учитывали значеніе для нихъ Каховки и не щадали силъ и средствъ для того, чтобы удержать этотъ пунктъ въ своихъ рукахъ. И въ то время, какъ на восточномъ секторѣ фронта противъ Кутепова красными пускались въ бой наскоро сколоченныя части мобилизованныхъ красноармейцевъ, гарнизонъ Каховки составляли лучшія красныя части: коммунистическіе полки, курсанты и латыши.

Такъ называемая Каховская операція, закончившаяся отрѣшеніемъ Ген. Слащева отъ командованія, началась 25 іюля съ переправы красныхъ чрезъ Днѣпръ въ трехъ пунктахъ. Въ теченіе пяти дней Крымскій корпусъ въ цѣломъ рядѣ упорныхъ маневренныхъ боевъ сдерживалъ натискъ красныхъ, потерявъ при этомъ пятую часть своего состава. Только 30 іюля на помощь Слащеву подоспѣлъ конный корпусъ Ген. Барбовича, который долженъ былъ отрѣзать красныхъ отъ переправъ.

Руководство операціей было сперва сохранено за Слащевымъ, но Генералы Шатиловъ и Коноваловъ постоянно снязывали свободу дѣйствій Слащева распоряженіями изъ Севасто-

поля. Такъ, въ началѣ Ген. Барбовичу было предложено овладѣть переправами у Каховки въ то время, какъ значительно порѣдѣвшій корпусъ Слащева долженъ былъ нанести главный ударъ на правый флангъ Каховской группы красныхъ. Впослѣдствіи Ставка, изъ боязни большихъ потерь въ составѣ коннаго корпуса, измѣнила первоначальную диспозицію и приказала выставить Барбовичу противъ Каховки только заслонъ, всей же массой ударить въ тылъ большевиковъ, дѣйствующихъ противъ Слащева.

Въ заключеніе Ген. Врангель рѣшилъ выполнить излюбленный имъ маневръ взятія красныхъ въ клещи и самъ принялъ на себя общее руководство операціей. При этомъ, однако, былъ отданъ приказъ всѣми способами оберегать конницу и юнкеровъ отъ огня Бериславскихъ батарей.

Въ задачу настоящихъ строкъ не входитъ подробное описаніе этой крайне сложной девятидневной операціи. Хотѣлось бы лишь немного поколебать общераспространенное убѣжденіе въ виновности Слащева въ томъ, что Каховка въ результатѣ осталась за красными. Среди тыловыхъ пересудовъ, послѣ боевъ подъ Каховкой, былъ въ модѣ анекдотъ о томъ, что Слащевъ послалъ конницу брать укрѣпленную позицію, а пѣхоту преслѣдовать отступавшихъ красныхъ.

На самомъ же дѣлѣ Каховка осталась за красными послѣ шести аттакъ частей Слащева и Барбовича, въ виду огромнаго перевѣса силъ въ пѣхотѣ (7000 красныхъ на 3500 бѣлыхъ), а также въ артилеріи (около 40 орудій) и въ техническихъ средствахъ, позволявшихъ большевикамъ имѣть постоянно въ рукахъ свѣжіе резервы, ликвидируя каждый успѣхъ Слащева.

Корпусъ Барбовича былъ введенъ въ бой 30 іюля, но уже 31 іюля Главнокомандующій извѣстилъ Слащева, что собирается перевести прибывшую конницу обратно на фронтъ Кутепова. Исполненіе этого намѣренія, правда, было нѣсколько разъ отсрочено, но такая перспектива на могла не угнетать руководителя операціей по овладѣнію Каховкой.

Несмотря на все это, а также тяжелыя природныя условія: жару, безводье и крайнее утомленіе ускоренными переходами, трофеями Слащева и Барбовича было 5000 плѣнныхъ, II орудій и мн. пулеметовъ.

Цѣль красныхъ, направленная въ свою очередь къ разгрому 2 корпуса и къ овладѣнію Перекопомъ, не была достигнута. Имъ удалось, однако, сохранить за собой плацъ-дармъ у Каховки. При томъ пренебреженіи въ первую половину лѣта Каховскимъ направленіемъ, овладѣніе Каховскимъ тетъ-депономъ не обезпечивало бы этого пункта за русской арміей, и большевики, съ уходомъ коннаго корпуса Ген. Барбовича, могли снова вернуть утраченный плацъ-дармъ.

Тѣмъ не менѣе Слащевъ, въ связи съ усиленно распускавшимися слухами о его излишествахъ, былъ отрѣшенъ отъ должности, и, награжденный 6 августа наименованіемъ «Крымскаго», удаленъ на покой въ Ливадію.

Выше уже было сказано о причинахъ другой крупной неудачи русской арміи – Таманской операціи. Нѣкоторые склонны объяснять непродуманность рѣшенія Главнокомандующаго перенести въ началѣ августа боевыя дѣйствія на Кубань, когда еще вся обстановка на Таврическомъ фронтѣ диктовала необходимость сосредоточенія, а не разбрасыванія силъ — намѣреніемъ оказать поддержку полякамъ, еле отбивавшимся отъ большевиковъ на подступахъ къ Варшавѣ. Другіе истолковывали этотъ бросокъ изъ Крыма тягой кубанцевъ домой безотносительно къ тѣмъ или къ другимъ планамъ главнаго командованія.

Но, по отзывамъ военныхъ[1]), моральное значеніе Таманской неудачи было громадно. «Въ частяхъ пошли разговоры, раньше не имѣвшіе мѣста. Рядовое офицерство въ первый разъ усумнилось въ своихъ генералахъ. Молва считала главнымъ виновникомъ неудачи не командовавшаго десантомъ Ген. Улагая, а его начальника Штаба Ген. Драценко. Эти пересуды въ арміи пріобрѣли особенно острый характеръ, когда, непосредственно вслѣдъ за неудачей, Ген. Драценко получилъ высшее назначеніе — командующимъ II арміей, а Ген. Улагай былъ уволенъ.»

Здѣсь необходимо отмѣтить, что Ген. Драценко пользовался особыми симпатіями Ставки, такъ какъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Помощникомъ Главнокомандующаго Шатиловымъ.

ГЛАВА VIII.

Политическій фронтъ. — Орлы и стервятники.

А въ это время въ Крымскомъ тылу, успокоенномъ завѣреніями Главнокомандующаго о неприступности полуострова въ результатѣ фортификаціонныхъ работъ на перешейкахъ кавалерійскаго Генерала Юзефовича, замѣтно оживилась политическая жизнь.

Правда выдающіеся политическіе дѣятели блистали своимъ отсутствіемъ; въ «нѣтяхъ» была и кадетская партія, самымъ храбрымъ членомъ которой оказался все-же кн. Пав. Долгоруковъ, который дѣлилъ вмѣстѣ съ арміей всѣ превратности ея судьбы.

---

[1]) С. Смоленскій. Крымская катастрофа (Записки строевого офицера). Софія. Январь. 1921 г.

Тѣмъ легче было дѣлать политическую карьеру величинамъ второстепеннымъ или даже доселѣ никому неизвѣстнымъ.

Лѣвые любятъ ставить Врангелю въ вину проповѣдь въ Крыму монархической идеи. Дѣйствительно, Врангеля выдвинули на постъ Главнокомандующаго правые элементы, которые какъ отмѣчено было выше, намѣревались, въ случаѣ отказа Ген. Деникина передать свою власть, произвести нѣчто вродѣ coup d'état, опираясь на поддержку Правительствующаго Сената.

Монархизмъ Врангеля сказался въ первомъ его обращеніи, опубликованномъ при наступленіи въ Сѣв. Таврію, въ которомъ упоминалось о «хозяинѣ» Земли Русской. Но затѣмъ этому термину авторитетнымъ лицами было дано такое различное толкованіе, что представители любого политическаго теченія могли вложить въ него содержаніе, которое имъ нравилось.

Если же задаться цѣлью нарисовать объективную картину политическаго курса, взятаго Правительствомъ Юга Россіи со времени появленія въ Севастополѣ А. В. Кривошеина, то слѣдуетъ прежде всего отмѣтить, что такъ называемые монархисты серьезной поддержкой со стороны Правительства въ Крыму не пользовалось. На территоріи В. С. Ю. Р. издавалось болѣе двадцати различныхъ газетъ и журналовъ, пользовавшихся въ той или иной формѣ поддержкой Правительства, и только двѣ изъ нихъ: «Ялтинскій Вечеръ» гр. П. Н. Апраксина и послѣпраздничная «Царь-Колоколъ» Н. П. Измайлова были открыто монархическаго направленія.

Ялта была вообще цитаделью монархизма, чему въ особенности способствовалъ составъ мѣстной Городской Думы, избранной по четырехчленной формулѣ, опредѣленно праваго направленія. Справедливость требуетъ признать, что Ялтинская Городская Дума была также и наиболѣе дѣловой, ибо, не въ примѣръ прочимъ муниципалитетамъ, блиставшимъ соціалистическими и демократическими именами, эта Дума все лѣто активно и цѣлесообразно боролась со спекуляціей. Остальныя Думы видѣли въ призывахъ Правительства къ борьбѣ съ этимъ зломъ лишь «происки погромныхъ теченій».

Въ Ялтѣ съ большимъ успѣхомъ подвизалась устная газета молодого, талантливаго журналиста Бориса Смирнова, съумѣвшаго влить новое вино въ старые, монархическіе мѣхи. Но его дѣятельность никакого офиціознаго характера не носила, такъ какъ правящіе сферы относились къ Смирнову болѣе, чѣмъ безразлично, и своимъ моральнымъ, а отчасти и матеріальнымъ успѣхомъ Б. Смирновъ былъ обязанъ исключительно себѣ самому.

Совершенно «особую линію» велъ Преосвященный Веніаминъ, страстный проповѣдникъ антибольшевизма съ церковной кафедры. Въ томъ, что Еп. Веніаминъ поддерживалъ не безъ

темперамента Ген. Врангеля для чего задумалъ даже, при участіи нѣкоторыхъ правыхъ священниковъ, крестный ходъ въ совѣтскую Россію, лѣвые поторопились усмотрѣть какую-то угрозу «завоеваніямъ революціи» со стороны Крымскаго духовенства. Но, какъ ни былъ великъ религіозный подъемъ въ городахъ Крыма, Еп. Веніаминъ былъ весьма далекъ отъ проповѣди монархизма и ограничивался лишь призывами народа къ покаянію и молитвѣ за грѣхи революціи.

Когда въ Севастополѣ мѣстный драматическій театръ, располагавшій превосходными артистическими силами, вздумалъ художественно поставить драму К. Р. «Царь Іудейскій», Еп. Веніаминъ, по навѣту журналиста Анатолія Бурнакина, усмотрѣлъ въ этой піесѣ, когда-то шедшей въ Эрмитажѣ въ присутствіи Государя Императора, — кощунство и добился снятія «Царя Іудейскаго» съ репертуара.

Съ теченіемъ времени, благодаря ли вліянію близкихъ къ ген. Врангелю «нео-монархистовъ» Н. Н. Львова, Н. Н. Чебышева, П. Б. Струве, кн. П. Д. Долгорукова и В. В. Шульгина, или же информаціи о настроеніяхъ арміи и населенія Сѣв. Тavріи, шедшей отъ ставленниковъ эсъ-ера Ген. Коновалова, Главнокомандующій началъ отдаляться отъ первоначальнаго политическаго курса.

Значительную роль въ этомъ отношеніи сыгралъ кадетскій комитетъ въ Парижѣ, который, по мѣрѣ того, какъ ширилась молва объ успѣхалъ русской арміи въ Сѣв. Тavріи, переходилъ отъ полнаго безразличія къ предпріятію Ген. Врангеля къ поддержкѣ, нашептываніямъ и интригамъ. Внѣ всякаго сомнѣнія, пребываніе кадетскаго комитета въ Парижѣ не могло не импонировать Ген. Врангелю, еще не имѣвшему во Франціи политическихъ связей, а потому кадеты въ своихъ домогательствахъ вліять на направленіе политическаго курса Правительства Юга Россіи могли дѣйствовать навѣрняка.

Въ серединѣ лѣта, въ видѣ кадетскаго «зонда» въ Севастополь прибылъ М. М. Федоровъ, а осенью, вслѣдъ за признаніемъ Врангеля Мильераномъ, даже В. А. Маклаковъ, послѣ чего всякое вліяніе правыхъ въ Севастополѣ можно было считать ликвидированнымъ.

Около этого же времени Ген. Врангель, въ бесѣдѣ съ представителемъ Парижской газеты «Матэнъ», Эчегойеномъ заявилъ нижеслѣдующее:

«Нѣкоторые пытались подорвать довѣріе союзниковъ къ моему Правительству и ко мнѣ, обвиняя насъ въ попыткахъ возстановить царскій режимъ. — Это меня не удивляетъ и это не ново. Эти слухи пущены одновременно большевиками и паршивыми овцами, которыхъ я долженъ былъ удалить, чтобы оздоровить армію и администрацію.»

При такихъ условіяхъ, какъ ни велики были монархическія симпатіи въ Крыму, что явствуетъ хотя бы изъ большаго тиража по сравненію съ другими монархическихъ газетъ, монархистамъ было въ Крыму не на что надѣяться, и всѣ ихъ ожиданія относительно пріѣзда осенью въ Крымъ одного изъ Великихъ Князей для возглавленія антибольшевисткихъ силъ не имѣли подъ собой какой-либо реальной почвы.

Б. членъ Государственной Думы Аладьинъ, прибывъ въ началѣ лѣта въ Севастополь, пробовалъ насаждать эсеровскія симпатіи, для чего даже, по приглашенію Полк. Симинскаго (б. Начальника Политической Части Отдѣла Генеральнаго Штаба), принялъ постъ начальника Севастопольскаго Политическаго Отдѣленія. Однако, его выступленія въ формѣ англійскаго капрала отъ имени «русскихъ рабочихъ и крестьянъ» въ Севастополѣ успѣха не имѣли, и маститый перводумецъ отбылъ въ іюлѣ въ Константинополь не безъ содѣйствія администраціи.

Изъ остальныхъ старыхъ знакомцевъ въ Севастополѣ и въ Ялтѣ подвизался небезызвѣстный Федоръ Баткинъ, мѣшавшій безпорядочные дебоши съ партизанскими политическими выступленіями ... отъ имени Главнокомандующаго. Конечно, это было самой наглой Хлестаковщиной, и сухопутному матросу также пришлось совершить небольшое морское путешествіе къ берегамъ Босфора.

Наконецъ въ концѣ августа Севастополь посѣтилъ псевдо организаторъ Кіевскихъ антибольшевистскихъ рабочихъ дружинъ инж. Кирста, который, поддержанный сочувствіемъ нѣкоторыхъ военныхъ, занимавшихъ оффиціальное положеніе, выступалъ съ лекціями провокаціоннаго содержанія. Его появленіе послужило поводомъ къ крупному столкновенію между военной и гражданской администраціей, но Врангель взялъ сторону послѣдней, и Кирстѣ выдали валюту и подорожную.

Вся эти гастролеры не заслуживали бы вниманія бытописателя Крымскаго тупика, если бы они не принадлежали къ весьма распространенному типу дѣльцовъ тыла гражданской войны, которыхъ одинъ журналистъ назвалъ политическими знахарями. У каждаго изъ нихъ имѣлся секретъ безпроигрышной игры въ rouge-et-blanc или рецептъ изготовленія философскаго камня, который могъ спасти русскую армію отъ катастрофы. Но свое избрѣтеніе они соглашались открыть только самому Главнокомандующему, ибо, кромѣ него самаго и автора изобрѣтенія, въ Крыму, по словамъ этихъ знахарей, честныхъ людей не было. Въ началѣ эти господа, правда, производили извѣстное впечатлѣніе, но впослѣдствіи, изучивъ ихъ несложные пріемы, отъ нихъ отмахивались, какъ отъ надоѣдливыхъ мухъ.

Стоитъ ли добавлять, что эти непризнанные пророки попадали въ Константинополь уже злѣйшими врагами Ген. Врангеля.[1])

[1]) Считаю необходимымъ привести здѣсь, въ выдержкахъ, копію одного письма, посланнаго лѣтомъ 1920 г. изъ Константинополя въ Севастополь, которое проливаетъ извѣстный свѣтъ на источникъ губительныхъ для русской арміи вліяній:

Дорогой N N!

Помните, я слегка коснулся на Мальтѣ вопроса о Григоріи Распутинѣ и о роли Аарона Симановича? Тогда У. весьма заинтересовался этимъ вопросомъ, и это было для него, какъ для историка, необычайно важнымъ факторомъ, устанавливающимъ существованіе всемірной организаціи и ея заговора. — Случайно въ Константинополѣ мнѣ пришлось натолкнуться на представителей Верховнаго Кагала.

Ааронъ Симановичъ также съ ними. Онъ живъ и невредимъ. Не даромъ Керенскій и Троцкій съ благоговѣніемъ кланялись предъ нимъ въ 1917 году и предъ золотой эмблемой власти, которая ему была дана...

Симановичъ представитель Кагала и выдвинулъ Распутина; онъ сдѣлалъ его необходимымъ человѣкомъ при Дворѣ. Его организація систематически, отравляла Наслѣдника секретными, но легко дѣйствующими ядами, отъ которыхъ они могли вылѣчивать мальчика чрезъ Распутина, такъ что не только Царица, но и самъ Распутинъ вѣрилъ въ свою благодать. Симановичъ показалъ грязь вокругъ Престола не голословно, а съ фактами. Онъ пролилъ кровь Царской Династіи. Онъ невѣроятно жестоко толкнулъ Россію на кровавое побоище и онъ не наказанъ, а торжествуетъ . . .

.....Группа членовъ Кагала находится въ Германіи, дабы Германія по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ не могла оказать поддержки Россіи. Константинополь является для нихъ и для большевиковъ огромнымъ центромъ, распространяющимъ вліяніе на Турцію, Балканы, Персію, Индію и Африку. Лучше же всего и легче они могутъ вліять на Крымъ, который для нихъ такъ доступенъ, что они безъ особаго труда могутъ достигать выполненія своихъ начертаній. Ихъ цѣль въ этомъ случаѣ опредѣленная, правда, по ихъ мнѣнію, не особенно важная, такъ какъ легко выполнимая — погубить окончательно и безповоротно остатки Россіи, погубить Врангеля.

Біографія его уже имъ извѣстна до мельчайшихъ подробностей. Узнать объ этомъ удалось такимъ образомъ: я создалъ небольшую группу изъ преданныхъ и извѣстныхъ людей, и одному изъ нихъ пришлось быть свидѣтелемъ, какъ швейцаръ Б. на островѣ Антигонѣ чистосердечно разсказывалъ одной барышнѣ про тотъ кругъ, въ которомъ въ свое время вращался Врангель и которая заносила въ книжечку всѣ даты о мельчайшихъ его похожденіяхъ. Удалось выяснить всѣхъ лицъ — друзей Врангеля — находящихся за границей и не сомнѣваюсь, что кто-нибудь изъ нихъ попадетъ въ руки Аарона Симановича, который будетъ имѣть непосредственную связь съ самимъ Врангелемъ. Адъютантами при Ааронѣ Симановичѣ служатъ — увы — русскіе офицеры, которыхъ онъ одѣлъ въ самые изысканные англійскіе костюмы (морскіе и сухопутные) и которыхъ вездѣ принимаютъ за лучшихъ людей, имѣющихъ среди офицеровъ много друзей, потому что съ ними можно хорошо покушать и еще лучше кутнуть. Среди офицеровъ ведется агитація, что Врангель будетъ скоро ликвидированъ, что онъ самъ скоро скроется, такъ какъ вокругъ себя онъ подбираетъ людей, умѣющихъ хорошо мѣнять «колокольчики» и которыхъ онъ самъ старается намѣнять какъ можно больше.

Агитація воспринимается очень легко даже тѣми, кого можно было бы считать лучшими патріотами.

Чтобы исчерпать полный перечень политическихъ персонажей Крымскаго тыла, слѣдуетъ упомянуть о мѣстныхъ соціалистахъ, издававшихъ въ Севастополѣ, Ялтѣ и Симферополѣ по меньшевистской газетѣ и организовавшихъ, при попустительствѣ морского вѣдомства, забастовки на заводѣ Севастопольскаго военнаго порта.

Но, какъ только армія перешла въ наступленіе, ихъ вліяніе на рабочихъ кончилось, а газеты влачили жалкое существованіе, устраивая въ Симферополѣ и въ Ялтѣ благотворительные сборы въ пользу редакціонныхъ комитетовъ. Такимъ образомъ дороговизна типографскаго труда, организованная съ цѣлью удушенія бѣлой печати, больнѣе всего ударила по соціалистамъ.

Ихъ имена не представляютъ какого либо интереса, но все же я приведу ихъ, чтобы отмѣтить терпимость Правительства Юга Россіи даже къ полубольшевикамъ. Это В. Базаровъ (другъ Ленина по партіи соціалъ-демократовъ), Лункевичъ, Днѣпровъ (псевдонимъ), Канторовичъ, о которомъ рѣчь была выше, и еще нѣсколько фармацевтовъ, возглавлявшихъ Крымское профессіональное движеніе и имѣвшихъ безспорныя связи съ организаціями Московскаго Народнаго Банка, подъ фирмою Центросоюза.

Большевики тоже пробовали въ Крыму развивать свою дѣятельность. Послѣ выступленія въ январѣ Кап. Орлова, не имѣвшаго впрочемъ большевистскаго характера, часть Орловскихъ отрядовъ была разсѣяна. Однако, дезорганизованныя группы прибывшихъ въ Крымъ бѣженцевъ-бандитовъ должны были выступить подъ тѣмъ или инымъ флагомъ. На этотъ разъ роль смѣлаго партизана, выкинувшаго уже большевистскій флагъ, принялъ на себя б. Капитанъ Дроздовскаго полка П. В. Макаровъ.

Этотъ офицеръ изъ Севастопольскихъ трамвайныхъ кондукторовъ, въ дни пребыванія Добровольческой Арміи въ Харьковѣ, былъ адъютантомъ Ген. Май-Маевскаго, съ которымъ и прибылъ, послѣ его отрѣшенія отъ должности, въ Севастополь. Братъ Макарова, крестьянинъ Тульской губерніи Василій Макаровъ былъ весной 1920 года разстрѣлянъ за участіе въ какомъ-то грабежѣ. Опала Май-Маевскаго и невозможность долѣе вести разгульный образъ жизни побудили Павла Макарова встать во главѣ группы зеленыхъ, руководимыхъ большевикомъ Камовымъ.

Дѣйствія Макарова ограничились мелкими грабежами въ окрестностяхъ Олсу, пока 12 іюня Камовъ не былъ убитъ. Движеніе зеленыхъ на нѣкоторое время затихло.

У Кагала золото и безсчетное количество лиръ, а слѣдовательно и слугъ со всѣми оттѣнками и кличками: греческіе, англійскіе, французскіе, американскіе, большевистскіе, эсеровскіе агенты, демократическія организаціи, которыя за деньги идутъ на все . . .»

Въ теченіе всего лѣта большевики переправляли въ Крымъ, чрезъ Керченскій проливъ, цѣлый рядъ своихъ эмиссаровъ, снабженныхъ царскими деньгами совѣтской фабрикаціи, а также иностранной валютой. Чтобы составить ясное представленіе о томъ, какого сорта были эти агенты, достаточно привести имена и фамиліи главнѣйшихъ изъ нихъ. Вотъ они: Нухимъ Бабаканъ, Семка Кессель, Феня Курганъ, Мордухъ Аподисъ, Наумъ Глатманъ, Гершъ Гоцманъ, Османъ Жилеръ и др.

Большинство изъ нихъ было арестовано, причемъ выснилось, что на всѣхъ наиболѣе отвѣтственныхъ постахъ совѣтской агентуры находились евреи, которые шли при этомъ на работу не ради идеи, но исключительно изъ за денежнаго интереса. Такъ, при осмотрѣ захваченной переписки, было установлено, что 75% отпущенныхъ имъ Москвой очень крупныхъ денежныхъ суммъ шло на личныя надобности агентовъ и лишь 25% — на выполненіе революціонныхъ заданій.

При этомъ всѣ большевики обнаруживали при арестахъ такую трусость и малодушіе, выдавая своихъ единомышленниковъ, что не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что идейными людьми, готовыми, какъ въ 1905 году всѣмъ пожертвовать для торжества пролетарскихъ лозунговъ, совѣтскіе верхи уже не располагали.

Правда, 5 августа въ Крымъ прибылъ на моторномъ катерѣ изъ Новороссійска матросъ Мокроусовъ, привезшій съ собой 50000000 царскихъ рублей, стоившихъ въ Крыму въ 70 разъ дороже денегъ В. С. Ю. Р., и 200000 турецкихъ лиръ. Ему удалось въ теченіе мѣсяца, вмѣстѣ съ Макаровымъ, съорганизовать банду въ 300 человѣкъ, которая 29 августа попробовала было овладѣть безрезультатно Судакомъ.

Но уже въ сентябрѣ, въ виду наступившихъ холодовъ и запрета Мокроусовымъ грабить мирное населеніе, что усложняло бы его пребываніе въ прибрежныхъ лѣсахъ, бандиты начали разбѣгаться, и Мокроусову пришлось уѣхать въ совѣтскую Россію.

ГЛАВА IX.

Декларація А. В. Кривошеина. — Царь-Колоколъ.

18 іюля А. В. Кривошеинъ сдѣлалъ нѣчто вродѣ деклараціи въ бесѣдѣ съ представителями Севастопольской печати.

Произнесенная съ подобавшей внушительностью рѣчь А. В. Кривошеина открыла предъ собравшимися журналистами перспективы соціальныхъ и экономическихъ реформъ, которыя себѣ поставило цѣлью Правительство Юга Россіи.

И, надо отдать справедливость покойному сподвижнику П. А. Столыпина, все, что онъ сказалъ во время этой бесѣды, настолько выгодно отличалось отъ революціонной фразы, къ которой привыкло русское ухо за года гражданской войны, — что даже сотрудники лѣвыхъ газетъ ни разу не прервали его, а углубившись въ свои блокъ-ноты, почти дословно записали эту импровизированную декларацію.

— Начиная съ Петра Великаго, говорилъ А. В. Кривошеинъ: строительство государства шло сверху: сначала Академія Наукъ, затѣмъ при Елизаветѣ Петровнѣ первый русскій университетъ, затѣмъ гимназіи, и только чрезъ значительный промежутокъ времени — народныя училища. Точно также и въ области государственныхъ учрежденій: сначала Сенатъ, Синодъ, коллегіи и т. д., и лишь впослѣдствіи органы городского самоуправленія и т. п., но слишкомъ много силъ народныхъ растрачивалось во имя государства.

По выраженію покойнаго историка Ключевскаго, «государство пухло, а народъ хирѣлъ». Въ сущности говоря, революція и есть какъ бы безсознательная месть, реакція со стороны народныхъ массъ противъ этой политики.

Въ будущей Россіи государственность должна строиться наоборотъ. Весь центръ тяжести устроенія жизни долженъ перемѣстится книзу въ толщу народныхъ, крестьянскихъ массъ. По этому пути Правительство Юга Россіи рѣшило пойти смѣло, рѣшительно и неуклонно.

Послѣ закона о землѣ, худо ли, хорошо и составленнаго въ условіяхъ военнаго лагеря, и разрѣшенія экономической стороны аграрной реформы, Правительство надѣется, путемъ созданія волостного земства, децентрализовать функціи административнаго аппарата на мѣстахъ, что представляется въ особенности важнымъ, въ виду разстройства путей сообщенія. Народу не только будетъ предоставлена земля и всѣ преимущества, связанныя съ ея обладаніемъ, но всѣ права на участіе въ строительствѣ государства.» —

Вѣрилъ ли А. В. Кривошеинъ въ то, что говорилъ въ теченіе этой бесѣды, которая произвела на всѣхъ, видѣвшихъ его впервые, самое выгодное впчатлѣніе? — Думается, что нѣтъ, такъ какъ все имъ сказанное слишкомъ разительно расходилось съ его собственными пріемами управленія и достигнутыми ими результатами.

Конечно, у большинства провинціальныхъ журналистовъ, приглашенныхъ на эту бесѣду, отъ подобныхъ перспективъ занялся, что называется, духъ, но кто зналъ Помощника Главнокомандующаго ранѣе, тотъ усмотрѣлъ въ деклараціи Кривошеина лишь излюбленный кивокъ умнаго сановника въ сторону демократической галерки.

Во всякомъ случаѣ цѣль Кривошеина — поддержаніе собственнаго престижа въ глазахъ лѣвыхъ элементовъ — была этимъ достигнута. И это, несмотря на самую недвусмыленную игру съ персоннажами крайняго праваго толка, возглавлявшими Севастопольскую Національную Общину (В. М. Скворцовымъ, К. И. Ножинымъ, А. А. Бурнакинымъ и др.) и странное пристрастіе къ аферистамъ гражданской войны.

Что же касается умѣренно правыхъ элементовъ, группировавшихся вокругъ общества «Національное Возрожденіе» и придерживавшихся въ своихъ выступленіяхъ тона лойяльной оппозиціи, то ихъ Кривошеинъ держалъ въ черномъ тѣлѣ.

Для характеристики міровоззрѣнія этой группы, совпадавшаго въ общемъ съ умонастроеніемъ арміи и неспекулировавшаго тыла, я позволю себѣ привести двѣ наиболѣе характерныя статьи лидера этой группы Н. П. Измайлова, напечатанныя въ его неугомонномъ «Царѣ-Колоколѣ», содержащія также весьма любопытныя фактическія данныя.

«Намъ сообщаютъ изъ за границы», писалъ 24 августа Н. П. Измайловъ: «что проекты спасенія Россіи — одинъ другого грандіознѣе, массами созрѣваютъ въ горделивыхъ головахъ нашихъ соотечественниковъ, столь еще недавно плававшихъ поверхъ нашей «общественности» и мнившихъ себя всерьезъ солью земли, а нынѣ пребывающихъ въ прекрасномъ далекѣ.

«Ни горящія пятки, освѣщавшія путь ихъ бѣгства изъ Россіи, ни доказанное безсиліе сдѣлать что-нибудь для Родины, ни тяжкіе политическіе грѣхи, тяготѣющіе на многихъ изъ нихъ, не охладили ихъ рвенія играть первую роль и не уменьшили ихъ теперь, увы, уже смѣшной гордыни.

«Однимъ изъ подобныхъ проектовъ, которымъ позавидовалъ бы самъ почтенный Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, мы хотимъ подѣлиться съ нашими читателями.

«Онъ, какъ и всѣ геніальные проекты, простъ, какъ Колумбово яйцо, и составленъ на два, такъ сказать, мотива: «деньги ваши будутъ наши» и «подайте мальчику на хлѣбъ, онъ Велизарія питаетъ».

«Отъ великихъ богатствъ Россіи, растраченныхъ «великой, безкровной революціей» и разворованныхъ «лучшими живыми силами», остались по заграницамъ кое-какія крохи.

«Такъ въ Парижѣ и Лондонѣ есть между прочимъ около 4000000 фунтовъ стерлинговъ, т. е. на прежнія русскія деньги при ненавистномъ режимѣ, около сорока милліоновъ рублей, а по теперешней цѣнѣ фунта свыше четырехсотъ милліардовъ. . .

«Сія внушительная сумма остановила на себѣ благосклонное вниманіе нѣкоторыхъ русскихъ эмигрантовъ, и они рѣшили образовать общество, которое должно получить эти четыреста милліардовъ, и на нихъ снабжать русскую армію всѣмъ необходимымъ.

«Общество не должно получать никакихъ прибылей, но... каждый изъ директоровъ — а такихъ намѣчено всего только двадцать — долженъ получать жалованіе въ размѣрѣ 5000 франковъ въ мѣсяцъ, а на наши деньги десять милліоновъ рублей въ мѣсяцъ.

«Все же Правленіе, эдакій маленькій парламентъ, за годъ скушало бы два съ половиной милліарда рублей.

«Только!

«Общество образовалось по мысли г. Бернацкаго, но и онъ, порой напрасно столь щедрый, порой некстати скупой, естественно не рѣшался утвердить столь грандіозный проектъ, подобный Панамскому... каналу, и привезъ сей проектъ на разсмотрѣніе Правительства Юга Россіи.

«Излишне прибавлять, что проектъ этотъ немедленно и блестяще провалился.

«Въ упомянутое общество, состоящее изъ 27 персонъ, вошли, какъ намъ сообщаютъ, слѣдующія лица: Чаманскій (директоръ Московскаго Купеческаго Банка), Зааменъ (финансовый агентъ при Лондонскомъ Россійскомъ агентствѣ), В. Ф. Дерюжинскій, Лурье, Воробьевъ, другъ и наперсникъ Керенскаго Коноваловъ, давшій Горькому 250000 на изданіе большевистской «Новой Жизни», Третьяковъ, въ должности Предсѣдателя Экономическаго Совѣщанія, разъѣзжавшій на краденыхъ Временнымъ Правительствомъ царскихъ лошадяхъ и въ краденныхъ царскихъ каретахъ, Ф. И. Ивановъ, Брайкевичъ, переходившій изъ кадетъ въ эсеры и обратно, Швецовъ, Эльяшевъ, Найденовъ Георгій, Смирновъ Сергѣй Александровичъ, Прядкинъ изъ Ростовскихъ углекоповъ и изъ Крыма г. Крымъ.

«Насъ удивляетъ, какъ попали въ эту компанію В. Ф. Дерюжинскій и Смирновъ? Мы склонны объяснить ихъ участіе центростремительной роковой силой, довлѣющей пресловутому «Національному Центру» или вообще какимъ-либо недоразумѣніемъ.

«Но и при всемъ томъ, не подобаетъ русскимъ людямъ ни при какихъ условіяхъ принимать участіе въ томъ дѣлѣ, гдѣ замѣшался г. Лурье, подложно отъ имени русской промышленности заявившій о согласіи ея принять участіе на Принкипскомъ совѣщаніи съ большевиками.

«Надо бы помнить басню о цвѣточкѣ дикомъ, попавшемъ въ одинъ букетъ съ гвоздикой.

«Такъ или иначе, — хорошо то, что хорошо кончается.

«Правда назрѣвавшій пиръ во время чумы «отцовъ отечества» кончился, если не бѣдою, то совсѣмъ какъ въ сказкѣ: «по усамъ текло, а въ ротъ не попало».

«Зато уцѣлѣли русскія деньги. Авось найдутся, наконецъ, настоящіе русскіе патріоты, которые хотя бы отдаленно напомнятъ собою Кузьму Минина.

«Пора, давно пора.

«И такъ уже пропущены всѣ сроки.» («Царь-Колоколъ», №1, 27 авг. 1920 г.)

Черезъ недѣлю, вслѣдствіе полученныхъ извѣстій о пріѣздѣ, въ виду значительныхъ успѣховъ, одержанныхъ русской арміей надъ красными, въ Севастополь представителей кадетской партіи, Н. П. Измайловъ предупреждалъ Правительство Юга Россіи о грядущихъ опасностяхъ въ остроумной статьѣ подъ заглавіемъ «Андроны ѣдутъ». Номеръ этотъ, за напечатаніе письма въ редакцію, за подписью капитана Копѣйкина, содержащаго, по выраженію С. Д. Тверского, «язвительныя насмѣшки и злословіе по адресу высшаго представителя вѣдомства (рѣчь шла о Бернацкомъ), недопустимыя въ печати» былъ конфискованъ 31 августа и самая газета, по распоряженію Начальника Гражданскаго Управленія, пріостановлена на одинъ мѣсяцъ.

«Недавно въ Севастополь», писалъ Н. П. Измайловъ: «пріѣзжалъ М. М. Федоровъ, членъ пресловутаго Особаго Совѣщанія, игравшаго въ гибельной «астральной» политикѣ видную роль.

«Самъ по себѣ пріѣздъ этого кадетскаго зонда можно было бы принять за хорошее барометрическое указаніе.

«Значитъ кадетская партія ошиблась, сбѣжавъ изъ Новороссійска за границу едва ли не поголовно.

«Значитъ правы оказались тѣ, кто продолжалъ вѣрить въ русскую душу, въ русскую честь, въ русское дѣло.

«Да, кадеты ошиблись.

«И тотъ, кто читаетъ «Общее Дѣло» Бурцева, знаетъ, что кадеты не вчера поняли свою ошибку: самъ Астровъ пишетъ дифирамбы Ген. Врангелю, — конечно, при условіи, что Правитель будетъ проводить въ жизнь кадетскую программу, а министерскіе портфели будутъ предоставлены кадетамъ, какъ только они осчастливятъ Крымъ своимъ посѣщеніемъ.

«Однако, все это не мѣшало кадетамъ плести въ Парижѣ весьма тонкую интригу, сводившуюся къ тому, чтобы войти въ Москву съ запада вслѣдъ за польской арміей и милостью польскихъ штыковъ поставить въ Москвѣ Всероссійское Правительство, состряпанное кадетами и, конечно, изъ кадетовъ же.

«О, тонкіе политики!

«Охочіе до власти, какъ коты до сливокъ, и трусливые, какъ зайцы.

«Но ,гдѣ тонко, тамъ и рвется: сорвалось и здѣсь. . .

«Тогда дѣлается попытка пробраться къ власти другимъ путемъ.

«Астровъ и Гронскій, не износивъ еще сапогъ, въ которыхъ хаживали на засѣданія Особаго Совѣщанія, загубившаго дѣло Ген. Деникина, заливаются Курскимъ соловьемъ въ «Общемъ

Дѣлѣ», а г. Федоровъ командируется въ Севастополь пощупать почву, нѣтъ ли надобности въ кадетскихъ министрахъ.

«Если есть, то, «ради любимой свободной родины», они немедленно прiѣдутъ и даже въ двойномъ, по числу портфелей, комплектѣ.

«Мы считаемъ своимъ долгомъ указать на грядущую опасность, если кадетской партiи будетъ оказано хоть какое-нибудь довѣрiе.

«Они, какъ партiя, — трижды предатели, трижды измѣнники и трижды обманщики.

«Они измѣнили Царю, они обманули Его и русскiй народъ.

«Они утверждали, что стоятъ за монархiю; что ихъ оппозицiя — Его Величества, а не оппозицiя Его Величеству.

«Оказалось, что они притворялись, что они лгали.

«Съ безстыдствомъ самой легкой женщины они сами признались въ этомъ чрезъ недѣлю послѣ февральскаго переворота.

«Это — первое ихъ предательство, первая ихъ измѣна, первый ихъ обманъ.

«Они утверждали, что власть въ ихъ рукахъ дастъ счастье народу.

«Въ результатѣ февральскаго переворота власть оказалась въ ихъ рукахъ.

«Что сдѣлали они съ этой властью? Что дали они народу?

«Съ перваго же своего «воцаренiя», они трусости ради отдали себя подъ опеку самозванному инородческому совдепу.

«Первая же шумливая демонстрацiя послужила сигналомъ къ паническому бѣгству: одинъ за другимъ они «подчинялись насилiю».

«И черезъ девяносто дней послѣ того, какъ они встали у власти, они отдали ее соцiалистамъ.

«Это — второе ихъ предательство, вторая измѣна, второй обманъ.

«Они не только обѣщали Корнилову поддержку въ его августовскомъ выступленiи, — они дали ему слово.

«И обманули его.

«Это — третье ихъ предательство, третья измѣна, третiй обманъ.

«И надѣемся — послѣднiй.

«Ибо теперь повѣрить кадетской партiи, — то же самое, что сознательно дать деньги подъ завѣдомо фальшивый вексель.

«Кадетская партiя отошла въ исторiю, и ни въ Крымъ, ни вообще въ Россiю возврата ей нѣтъ.

«Ибо недаромъ сказано, что кривдою весь свѣтъ обойдешь и въ Парижѣ и въ Лондонѣ поинтригуешь, а назадъ не воротишься.

«Среди рядовыхъ членовъ кадетской партiи есть много умныхъ, много образованныхъ и честныхъ людей.

«Чѣмъ скорѣе они порвутъ со своими изолгавшимися вождями, — тѣмъ лучше.

«Но разрывъ этотъ долженъ быть полнымъ, искреннимъ и честнымъ.

«Всякіе маскарады, вродѣ «національнаго центра», должны быть отвергнуты, какъ порожденія «политической ехидны».

«Все пережитое дастъ мужество честнымъ русскимъ людямъ, пребывавшимъ до сего времени въ рядахъ кадетской партіи, многое сжечь изъ того, чему они поклонялись, и поклониться тому, что сжигали, и изъ этого тяжелаго психологическаго процесса выйти изъ кадетскаго плѣна обновленными, далеко отъ себя забросивъ партійныя шоры и партійную узду.

«Лидерамъ же кадетскимъ не должно быть возврата къ политической дѣятельности: они — изъѣденные интригою и ложью политическіе трупы.

«Въ теченіе всей своей политической дѣятельности они неуклонно оказывались могильщиками той власти, которая имѣла неосторожность имъ повѣрить.

«Вотъ почему мы полагаемъ, что «Карфагенъ» долженъ быть разрушенъ!

«И, чѣмъ скорѣе «Андроны» получатъ обратную подорожную — тѣмъ лучше будетъ и для русской власти, и для того великаго дѣла, которому она служитъ.» («Царъ-Колоколъ» № 2, 31 авг. 1920 г.) —

Я нарочно привелъ эти двѣ статьи, какъ образчикъ языка, которымъ говорила въ Севастополѣ правая печать, чтобы разъ навсегда покончить съ обвиненіями монархическихъ газетъ въ угодливости предъ «власть имѣвшими» и въ «осважномъ духѣ», который якобы культивировался мною въ Крымской печати. Читатели, имѣющіе представленіе о характерѣ газетныхъ статей, которыя инспирировались при Деникинѣ пресловутымъ Осважомъ и которыя низвели печать на югѣ Россіи до роли восхвалительницы печальныхъ подвиговъ Ген. Май-Маевскаго, — согласятся съ тѣмъ, что приведенныя статьи монархической газеты ничего такъ называемаго «осважнаго» въ себѣ не заключали, а могли послужить примѣромъ смѣлаго исповѣданія національныхъ и патріотическихъ идей для любого независимаго органа печати.

Осважина была совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ: именно въ такъ называемыхъ прогрессивныхъ органахъ, вродѣ «Юга Россіи» или «Крымскаго Вѣстника» (руководимаго смѣновѣховцемъ Россовымъ[1]), которыя не произнесли ни одного слова протеста,

---

[1]) Въ началѣ августа 1920 г. въ Севастополѣ слушалось дѣло по обвиненію казака Кривошеина и др. въ убійствѣ очень праваго эсера, у котораго нашли всего только 18 бомбъ. Судебные отчеты обычно именуются по имени главнаго подсудимаго, если таковыхъ нѣсколько. Въ соціалистическомъ «Крымскомъ Вѣстникѣ» и демократическомъ «Югѣ

въ интересахъ русской власти, по поводу вакханаліи въ Севастополѣ такъ называемыхъ «могильныхъ червей».

Оно и понятно: полубольшевикамъ всякая здоровая критика тѣневыхъ сторонъ бѣлыхъ правительствъ всегда была не съ руки.

Несмотря на это, мнѣ стоило огромныхъ усилій охранить національную печать отъ цензорскихъ вожделѣній Ставки. Генералъ-Квартирмейстеръ Ген. Коноваловъ, рѣшившій въ Крыму копировать во всѣхъ отношеніяхъ недоброй памяти Ген. Романовскаго, не постѣснился задать мнѣ какъ-то въ личной бесѣдѣ вопросъ:

— Почему вы допускаете въ Крыму изданіе газетъ монархическаго направленія?

— Потому, отвѣтилъ я: что во первыхъ я являюсь убѣжденнѣйшимъ сторонникомъ свободы слова, а во вторыхъ тиражъ монархическихъ газетъ въ нѣсколько разъ превышаетъ тиражъ газетъ внѣпартійно-республиканскихъ.

По тому, какъ оборвалась послѣ этого сразу наша бесѣда, я понялъ, что нажилъ себѣ въ лицѣ Генералъ-Квартирмейстера и его адептовъ непримиримаго врага.

ГЛАВА X.

Кулисы гражданской войны.

23 іюля во дворцѣ Главнокомандующаго было подписано соглашеніе между Правительствомъ Юга Россіи и атаманами казачьихъ войскъ. Вечеромъ по этому случаю состоялся раутъ, и я лично имѣлъ случай наблюдать Ген. Врангеля въ кругу его приближенныхъ и военныхъ агентовъ иностранныхъ миссій.

Была душная южная ночь. Въ четырехъ ярко освѣщенныхъ комнатахъ малаго дворца собралось человѣкъ сорокъ военныхъ и гражданскихъ гостей. Изысканно сервированные столы, уставленные холодными блюдами, дорогими Ливадійскими винами и фруктами, послѣ привычнаго Крымскаго поста, производили импонирующее впечатлѣніе.

Россіи» произошелъ переполохъ: «Какъ быть? Что дѣлать? А вдругъ Помощникъ Главнокомандующаго обидится»?

Наглость и трусость — родныя сестры: въ одной душѣ живутъ. Думали, думали редакторы и сотрудники, гадали, гадали... И нашли выходъ и облегченно вздохнули... И назвали дѣло — по имени убитаго — дѣломъ Маркова!

Одинъ человѣкъ больше другихъ смѣялся надъ этими умными деликатными редакторами!

Царь-Колоколъ. № 2. 31/VIII. 1920 г.

Первый тостъ — за успѣхъ достигнутаго соглашенія — былъ провозглашенъ Главнокомандующимъ. Послѣ отвѣтныхъ рѣчей атамановъ казачьихъ войскъ А. П. Богаевскаго, Иваниса, Вдовенко и Ляхова, Ген. Врангель отмѣтилъ благотворную роль въ дѣлѣ достигнутаго соглашенія своего Помощника по гражданской части А. В. Кривошеина, который мудрыми совѣтами и яснымъ государственнымъ умомъ предусмотрѣлъ многія подробности договора и значительно облегчилъ задачу главнаго командованія. П. Н. Врангель заключилъ свою рѣчь признаніемъ заслугъ А. В. Кривошеина предъ русской арміей, съ появленіемъ котораго у власти въ Крыму, послѣдовала перемѣна отношенія Франціи къ Правительству Юга Россіи, завершившаяся, какъ извѣстно, признаніемъ его Президентомъ Мильераномъ.

Этотъ жестъ по адресу А. В. Кривошеина долженъ былъ положить предѣлъ стараніямъ военной партіи, все еще добивавшейся оставленія Помощникомъ Главнокомандующаго своего поста.

Ему отвѣчалъ А. В. Кривошеинъ, какъ всегда очень содержательно и краснорѣчиво, поднявшій бокалъ за здоровье своего коллеги Ген. П. Н. Шатилова.

Этими взаимными любезностями говорившіе пробовали смягчить натянутость отношеній между Севастопольскимъ военнымъ и гражданскимъ міромъ.

Остальныя рѣчи, не выходя изъ рамокъ обычныхъ любезностей, не представляли собою какого-либо интереса, за исключеніемъ тоста атамана Астраханскаго казачьяго войска, который, красный отъ выпитаго вина, провозгласилъ тостъ за здоровье . . . сына Ген. Врангеля и заявилъ, что Астраханское войско будетъ счастливо «лицезрѣть наслѣдника Вашего Высокопревосходительства».

«Что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ», замѣтилъ вполголоса около меня какой-то скептикъ. Получившаяся неловкость прошла незамѣченной, ибо «дружеская бесѣда затянулась уже далеко за полночь», и надо было расходиться по домамъ.

Мнѣ, лично, пришлось бесѣдовать съ Главнокомандующимъ по вопросамъ пропаганды и прессы нѣсколько разъ. Бесѣды эти, происходившія безъ свидѣтелей, были для меня особенно цѣнными, такъ какъ, при многовластіи, царившемъ въ Севастополѣ по отношенію къ ввѣренному мнѣ Отдѣлу, добиться отъ кого-либо изъ высшихъ представителей власти руководящихъ указаній въ этой области было чрезвычайно затруднительно.

Первыя двѣ бесѣды не представляли собою большого интереса, а потому онѣ не оставили послѣ себя какого-либо

особеннаго впечатлѣнія, кромѣ того, что Главнокомандующій относился къ пишущей братіи съ чрезвычайнымъ недовѣріемъ и особаго значенія голосу печати не придавалъ, считая для пропаганды вполнѣ достаточнымъ тѣхъ его приказовъ, которые распространялись въ прифронтовой полосѣ въ милліонахъ экземпляровъ въ видѣ листовокъ.

Однако, по поводу распространенія бесѣды съ Врангелемъ, приведенной въ главѣ десятой, возникъ инцидентъ, который считаю нужнымъ привести для уясненія хаоса, царившаго въ Ставкѣ по основнымь вопросамъ политической жизни.

Со времени упраздненія Политическаго Отдѣла, въ мой кабинетъ по временамъ сталъ заглядывать князь П. Д. Долгоруковъ, числившійся, наряду съ Н. Н. Чебышевымъ. Н. Н. Львовымъ и др., однимъ изъ политическихъ совѣтниковъ Главнокомандующаго.

Тѣмъ не менѣе особымъ вѣсомъ кн. Долгоруковъ у Правительства Юга Россіи не пользовался, хотя, памятуя его кадетскія связи, ему иногда показывали, что съ нимъ считаются. Князь самъ себѣ придумалъ дѣло въ видѣ завѣдыванія «лекторской группой», состоявшей изъ нѣсколькихъ бѣженцевъ-осважниковъ, на содержаніе которыхъ Долгоруковъ время отъ время выпрашивалъ у Отдѣла печати довольно значительныя субсидіи.

Однако, въ виду загадочности политическаго колера этихъ лекторовъ, изъ которыхъ нѣкоторые оказались впослѣдствіи просто большевиками, къ пансіонерамъ князя относились съ большимъ недовѣріемъ, и далѣе субсидій дѣло не шло. Наконецъ въ началѣ августа шестеро изъ нихъ, наиболѣе извѣстные, въ томъ числѣ Московскій адвокатъ Валленбургеръ, послѣ настойчивыхъ просьбъ кн. П. Д. Долгорукова, были командированы мною для чтенія публичныхъ лекцій въ Мелитополь, а также въ ближайшій тылъ арміи.

Но, повидимому взятый ими въ своихъ выступленіяхъ тонъ не понравился командиру I корпуса Ген. Кутепову и его помощнику по гражданской части гр. Гендрикову, ибо черезъ недѣлю всѣ лекторы возвратились въ Севастополь и заявили мнѣ, что, послѣ перваго же выступленія, они были по распоряженію военныхъ властей арестованы и затѣмъ высланы изъ района дѣйствующей арміи.

Какъ выяснилось впослѣдствіи, они навлекли на себя неудовольствіе военныхъ властей и администраціи за то, что, въ соотвѣтствіи съ приведенной бесѣдой Главнокомандующаго, истолковывали модное въ Крыму слово «хозяинъ» въ демократическомъ духѣ.

Когда по этому поводу страсти въ Севастопольскихъ кабинетахъ достигли особенно высокаго напряженія, меня вы-

звалъ Главнокомандующій и выразилъ неудовольствіе за то, что бесѣда эта, предназначенная для западно-европейскаго общественнаго мнѣнія, получила широкое распространеніе въ сѣв. Тавріи. Я попробовалъ было сослаться на то, что въ первый разъ бесѣда эта была напечатана еще въ іюнѣ въ Севастопольскихъ газетахъ, а потому ее было бы трудно сохранить въ тайнѣ отъ мѣстнаго населенія. Но Главнокомандующій съ этимъ не согласился и, видно было, что я неосторожно задѣлъ какую-то больную струну его политической системы.

Этотъ фактъ достаточно характеренъ для того, чтобы уяснить себѣ причины, по которымъ Отдѣлъ печати вынужденъ былъ прекратить всякія попытки вести за свой страхъ и рискъ антибольшевистскую устную агитацію. При отсутствіи надежныхъ лекторовъ и агитаторовъ, которымъ бы довѣряли военныя и гражданскія власти, при рѣзко отрицательномъ отношеніи ко всякой офиціозной агитаціи и Ген. Врангеля, и А. В. Кривошеина, органамъ политической пропаганды въ Крыму нельзя ставить въ вину ихъ вынужденное молчаніе.

Удалось ли бы русской арміи осуществить всѣ свои заданія, если бы агитація велась бы усиленнымъ темпомъ — судить не берусь, но во всякомъ случаѣ, въ предвидѣніи верхами арміи грядущаго оставленія Крыма, можно допустить, что у нихъ естественно закрадывалось въ душу сомнѣніе: «да стоитъ ли огородъ городить?»

Мало того, пишущему пришлось выдержать весьма серьезную борьбу съ покойнымъ Начальникомъ Управленія Земледѣлія Г. В. Глинкой по вопросу объ истолкованіи на мѣстахъ земельнаго закона 25 мая. Глинка никакъ не хотѣлъ допустить лекторовъ въ деревни, чтобы они разъясняли населенію существо изданныхъ Главнокомандующимъ правилъ, совершенно не считаясь съ тѣмъ, что эти правила были козырнымъ тузомъ всей политики Ген. Врангеля.

По той же причинѣ долго не могла выйти газета «Крестьянскій Путь», спеціально мною созданная для обслуживанія интересовъ сельскаго населенія. И Г. В. Глинка, и С. Д. Тверской все время приписывали намѣченному мною редактору В. П. Уланову эсеровскій духъ и хотѣли всучить мнѣ для редактированія газеты какого-то батюшку, который долженъ былъ для этой цѣли прибыть изъ за границы.

Наконецъ газета вышла съ большимъ трудомъ въ серединѣ лѣта. И что-же? — Улановъ не только не оправдалъ опасеній Глинки, но съ первымъ же номеромъ газеты показалъ, что поведетъ ее толково, умно и съ полнымъ знаніемъ психологіи крестьянина-собственника и его нуждъ. Газета сразу же пріобрѣла огромную популярность въ средѣ сель-

скаго населенія, и ее читали нарасхватъ и въ городахъ, и въ штабахъ и даже въ кабинетѣ Главнокомандующаго. Чрезвычайно скупой на похвалы всего того, что имѣло отношеніе къ Отдѣлу печати, Ген. Врангель мнѣ лично выразилъ свое полное удовольствіе по поводу «Крестьянскаго Пути». Такимъ образомъ подозрѣнія авансомъ по адресу моего дѣтища оказались напрасными, и мнѣ удалась довести задуманное до благополучнаго конца.

Однако, съ доставкой газетъ въ районы расположенія дѣйствующей арміи происходило что-то непонятное, При вступленіи моемъ въ должность, на фронтъ доставлялось ежедневно не болѣе 1500 экз. разныхъ газетъ. Черезъ полтора мѣсяца мнѣ удалось довести число ежедневно посылаемыхъ газетъ до 10500, и тѣмъ не менѣе съ фронта постоянно приходили жалобы, что, кромѣ большевистскихъ, солдаты русской арміи никакихъ другихъ газетъ не получаютъ. И это, несмотря на то, что газеты ежедневно отвозились на фронтъ особыми курьерами изъ военнообязанныхъ!

Наконецъ къ концу лѣта мною были посланы на фронтъ спеціальные ревизоры съ порученіемъ произвести строжайшее разслѣдованіе неполученія арміей газетъ. Ревизоры съѣздили на фронтъ и, возвратившись изъ командировки, доложили, что посылаемыя газеты далѣе штабовъ не идутъ, гдѣ ихъ читаютъ всѣ, начиная отъ высшихъ чиновъ и кончая вѣстовыми и писарями, частью же продаются послѣдними мѣстному населенію для чтенія и «на цыгарки». Это не мѣшало, однако, штабамъ громче всего кричать объ отсутствіи газетъ, благо это подрывало авторитетъ гражданскаго учрежденія, обслуживавшаго нужды фронта, и входило въ программу возсоединенія Отдѣла печати къ Военному Управленію.

По той же причинѣ я никакъ не могъ добиться у военныхъ властей помѣщенія для школы наборщиковъ, которая была задумана мною для борьбы съ возраставшими аппетитами типографщиковъ, ихъ саботажемъ и забастовками. Въ организаціи этого необходимаго начинанія мнѣ дѣятельно помогли профессора Виноградовъ и Сопоцько, но несмотря на ихъ энергію, цѣлое лѣто было потеряно въ скучнѣйшихъ препирательствахъ съ военными бюрократами, и къ занятіямъ въ школѣ было приступлено уже предъ самымъ оставленіемъ Крыма.

Вообще на всѣхъ благихъ начинаніяхъ, требовавшихъ принятія быстрыхъ рѣшеній, въ Севастопольскихъ канцеляріяхъ, военныхъ или гражданскихъ безразлично, — лежала какая-то печать заклятія. Никогда не забуду, сколько времени пришлось мнѣ потерять на то, чтобы убѣдить Начальника Управленія торговли В. С. Налбандова пріобрѣсти для надобностей Крымской печати запасъ бумаги, находившійся

на транспортѣ «Дообъ». Въ началѣ іюля цѣна на эту бумагу была настолько пріемлема, что я расчитывалъ пріобрѣсти до 10.000 пуд. превосходной финляндской бумаги. Цѣлый мѣсяцъ шли препирательства съ В.С. Налбандовымъ по вопросу о необходимости этой покупки для интересовъ борьбы съ большевиками. Наконецъ сдѣлка состоялась не безъ понужденія на В. С. Налбандова со сторонѣ военныхъ сферъ предъ самымъ отплытіемъ «Дооба». Но пріобрѣтено было, вмѣсто 10.000 пуд., лишь 4000 пуд., и по цѣнѣ, по которой тремя недѣлями ранѣе можно было купить весь запасъ.

И подобныхъ случаевъ было десятки!

Конечно, въ результатѣ В.С. Налбандовъ оказался правъ, и половина этой бумаги досталась краснымъ, но подобная предусмотрительность вообще дѣлала ненужными какія бы то ни было мѣропріятія въ области снабженія арміи всѣмъ необходимымъ для длительнаго сидѣнія въ Крыму!

Таковы были неприглядныя «кулисы гражданской войны» обвѣянныя безнадежной апатіей режиссеровъ и актеровъ, тяготившихся выпавшими на ихъ долю ролями. Иногда атмосфера оживлялась инцидентами комическими, вродѣ забавныхъ столкновеній на Нахимовскомъ бульварѣ между редакторами «Военнаго Голоса» Ген. Залѣсскимъ и «Вечерняго Слова» шумливымъ А. Бурнакинымъ, которые никакъ не могли подѣлить типографіи, или же полными драматизма, какъ смерть жены писателя Анатолія Каменскаго отъ голода въ Симферополѣ несмотря на матеріальную обезпеченность ея супруга, проживавшаго гдѣ-то подъ Ялтой, — но въ общемъ Севастополь сохранялъ неизмѣнно мину всеобщаго благополучія, унаслѣдованную имъ отъ давно прошедшихъ временъ. Стучали въ канцеляріяхъ пишущія машинки, сновали по улицамъ курьеры и ординарцы, на бульварѣ играла по вечерамъ музыка, а по утрамъ ранніе прохожіе могли видѣть щеголеватую фигуру Главнокомандующаго въ автомобилѣ, отправлявшагося на фронтъ.

Онъ былъ все такъ же популяренъ на фронтѣ, какъ и въ первую половину лѣта. Въ тылу популярность его тускнѣла по мѣрѣ того, какъ обострялась экономическая разруха, съ которой ближайшіе сподвижники Главнокомандующаго рѣшили не бороться. Но ничто такъ не уронило престижа власти въ глазахъ арміи и населенія, какъ такъ называемая внѣшняя политика Правительства Юга Россіи, къ разсмотрѣнію которой, въ общихъ чертахъ, мы теперь и обратимся.

ГЛАВА XI.

Иностранная политика.

Дошедшіе въ концѣ марта до своего апогея слухи о томъ, что англійское правительство собирается выступить въ роли посредника между красными и бѣлыми, съ выясненіемъ тактики новаго Главнокомандующаго, совершенно оборвались. Въ обывательскихъ кругахъ остался только какой-то безотчетный страхъ предъ возможнымъ уходомъ англичанъ изъ Крыма.

Но, строго говоря, уходъ англичанъ изъ Севастополя и др. приморскихъ городовъ замѣтнаго вліянія на исходъ операцій въ Сѣв. Тавріи имѣть не могъ, а потому эта обывательская мнительность почвы подъ собой не имѣла. Къ тому же англійское командованіе помощи русской арміи болѣе не оказывало и оставалось въ роли неблагожелательнаго свидѣтеля героическихъ усилій Ген. Врангеля отстоять Крымъ.

Болѣе того, оно, въ цѣляхъ освѣдомленія населенія объ успѣхахъ красныхъ, снабжало нѣкоторыя оппозиціонныя газеты большевистскими радіо, перехваченными англійскими военными судами, и Отдѣлу печати стоило большихъ усилій прекратить эту предательскую работу.

Нечего и говорить, что населеніе Крымскихъ городовъ единодушно ненавидѣло и англичанъ, и французовъ, смутно угадывая въ нихъ виновниковъ неудачнаго исхода борьбы съ краснымн. Эта ненависть усугублялась вызывающимъ поведеніемъ англійскихъ и французскихъ моряковъ, которые, располагая валютой, вели въ Севастополѣ разгульную жизнь, скупая по магазинамъ драгоцѣнности и разъѣзжая среди полуголодной толпы въ парныхъ экипажахъ съ ногами, задранными выше носа.

Иногда по вечерамъ дѣло кончалось очереднымъ избіеніемъ доблестныхъ союзниковъ русскими солдатами и матросами, которые, по крайней мѣрѣ въ Севастополѣ, могли до послѣдняго времени служить образцомъ воинской дисциплины для любой арміи. Тогда англичанъ перестали вовсе спускать на берегъ.

Вообще никогда еще столь сильно не чувствовалась тяга къ такъ называемой перемѣнѣ оріентаціи, какъ въ лѣтніе мѣсяцы пребыванія русской арміи въ Крыму. Германская оккупація Украины лѣтомъ 1918 года не оставила и сотой доли тѣхъ горькихъ воспоминаній, которыя накопились въ станѣ бѣлыхъ за время знакомства съ французами въ Одессѣ и съ англичанами въ Ростовѣ и въ Новороссійскѣ.

Но отбрасывая даже чисто внѣшнія впечатлѣнія отъ соприкосновенія съ «побѣдителями» и побѣжденными въ міровой

войнѣ, достаточно отмѣтить слѣдующее весьма важное обстоятельство, имѣвшее неисчислимыя послѣдствія въ дѣлѣ укрѣпленія — съ одной стороны — нѣмцами украинской государственности, а съ другой — разрушенія нашими бывшими союзниками тыла Добровольческой Арміи.

Всѣ помнятъ, какъ нѣмцы, придя на Украину, установили твердый курсъ германской марки сперва въ 75, а потомъ въ 85 коп., и этотъ курсъ не мѣнялся въ теченіе всего пребыванія германскихъ войскъ на югѣ Россіи. Послѣдствіемъ этого было то, что появленіе иностранной валюты въ большомъ количествѣ на русской территоріи въ самой незначительной степени повліяло на дороговизну жизни. Чинамъ же германской и австрійской армій была закрыта всякая возможность заняться спекуляціей имѣвшейся у нихъ валютой, — обстоятельство, имѣвшее громадное значеніе въ дѣлѣ поддержанія здоровыхъ экономическихъ отношеній между оккупантами и населеніемъ Юга Россіи.

Не то сдѣлали наши бывшіе союзники, придя на смѣну нѣмцамъ зимою 1918 года. Ни о какомъ твердомъ курсѣ фунта или франка въ тылу Добровольческой Арміи не было и помину, а потому рубль Деникина или Врангеля стремительно летѣлъ внизъ, внѣ всякой зависимости отъ успѣховъ или неуспѣховъ противобольшевистскихъ армій. А между тѣмъ, какъ показалъ опытъ оккупаціи Украины германцами, установленіе твердаго курса валюты союзниковъ было бы самой реальной помощью бѣлымъ, дошедшимъ до катастрофы не столько отъ военныхъ неудачъ, сколько изъ за разложенія тыла валютнымъ ажіотажемъ. Эта болѣзнь обуяла всѣ слои населенія и обрекала на завѣдомую неудачу попытки внести оздоровляющее начало въ экономическую атмосферу юга Россіи или Крыма.

Конечно, указанная льгота правительствамъ Деникина или Врангеля требовала извѣстныхъ жертвъ со стороны англійскаго или французскаго государственнаго казначейства, но разъ на подобныя жертвы рѣшались на громадной территоріи наши бывшіе противники, не могшіе похвастаться своимъ финансовымъ положеніемъ, было бы странно не расчитывать на такое же отношеніе со стороны бывшихъ союзниковъ Россіи, взявшихся помогать тѣмъ, кто имъ остался вѣренъ.

Вотъ почему нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, когда въ одинъ прекрасный день въ серединѣ іюня по Севастополю пронеслась вѣсть о прибытіи въ Крымъ нѣмецкой делегаціи, Севастопольское общество восприняло эту новость съ плохо скрытымъ ликованіемъ. Я имѣю въ виду небольшую группу нѣмцевъ, которые прибыли на пароходѣ «Морякъ» изъ Варны безъ какихъ-либо офиціальныхъ порученій со стороны германскаго правительства.

Въ составъ этой группы входили б. германскій консулъ въ Эрзерумѣ М. Ф. Шейбнеръ-Рихтеръ, въ качествѣ представителя

германскихъ національныхъ круговъ, офицеръ-венгерецъ Покорный и два коммерсанта Вагнеръ и Кречмеръ. Ихъ нихъ М. Шейбнеръ-Рихтеръ былъ принятъ лично Ген. Врангелемъ и имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду. Послѣдніе два посѣтили Кривошеина.

Конечно, Германія была въ слишкомъ стѣсненномъ положеніи, чтобы оказать русской арміи реальную помощь, но во всякомъ случаѣ, указанный фактъ надлежитъ отмѣтить въ качествѣ первой попытки возстановленія дружескихъ отношеній между бѣлой Россіей и національной Германіей.

Съ другой стороны, «союзники» такъ ревниво оберегали русскую армію отъ всякаго соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ, что Правительству Юга Россіи пришлось сдѣлать изъ пребыванія нѣмцевъ въ Севастополѣ дипломатическую тайну, иначе . . . французы грозили лишить русскую армію послѣднихъ транспортныхъ средствъ.

Въ серединѣ іюля въ Севастополь возвратился изъ дальнихъ странствій П. Б. Струве, непризнанный французами Начальникъ Управленія Иностранныхъ Сношеній арміи Ген. Врангеля. Какъ всегда онъ былъ непривѣтливъ, раздражителенъ и тяготился своимъ пребываніемъ въ Крыму. Но, какъ разъ къ моменту его возвращенія, подъ вліяніемъ неудачъ поляковъ на русскомъ фронтѣ, въ Парижѣ начался поворотъ въ отношеніи къ Ген. Врангелю.

И вотъ, чтобы отвлечь вниманіе совѣтскаго командованія отъ западнаго фронта и заставить смотрѣть на изнемогавшую въ неравной борьбѣ русскую армію, какъ на европейскій авангардъ борьбы съ коммунизмомъ, французы признали 13 августа Правительство Юга Россіи.

Струве склоненъ былъ приписывать этотъ жестъ французовъ своему вліянію въ салонахъ Кэ д'Орсей, но на самомъ дѣлѣ русская армія своимъ признаніемъ была обязана исключительно одержаннымъ ею за лѣто успѣхамъ. Да и кромѣ того, это признаніе было не болѣе, чѣмъ искуснымъ маневромъ, расчитаннымъ на опредѣленный эффектъ по ту сторону фронта.

И несмотря на то, что къ лѣту 1920 года англійскій сезонъ на югѣ Россіи смѣнился французскимъ, русскіе моряки, во время развѣдокъ большевистскихъ береговъ, нерѣдко видѣли близъ красной Одессы французскій флагъ, и это не могло способствовать установленію въ Крыму особаго довѣрія по отношенію къ «благородной» Франціи.

Слишкомъ свѣжа у всѣхъ въ памяти была роль генераловъ Ансельма въ сдачѣ Одессы и Жанена въ предательствѣ Колчака, чтобы кто-либо предавался какимъ-либо иллюзіямъ относительно реальной помощи союзниковъ русской арміи. Англичане прямо говорили, что пребываніе русскаго военнаго флота въ Черномъ морѣ препятствуетъ установленію правиль-

ныхъ торговыхъ сношеній между Константинополемъ и портами совѣтской Россіи. Французы же выжидали, пока «мавръ», т. е. русская армія, сдѣлаетъ свое дѣло: спасетъ Варшаву отъ красныхъ ордъ и дастъ полякамъ выиграть время, чтобы получить необходимую помощь отъ французовъ.

Русская національная печать пробовала было возвышать свой голосъ по адресу непрошенныхъ друзей, но подвергалась гоненіямъ и запретамъ. Дѣло дошло до того, что даже «Вечернее Время», издававшееся въ Феодосіи, было закрыто приказомъ Главнокомандующаго за слишкомъ рѣзкую статью Бориса Суворина по адресу Ллойдъ Джорджа. За этотъ инцидентъ Ген. Врангель даже извинился предъ англійской военной миссіей, хотя Правительство могло всегда оправдаться въ глазахъ высокихъ покровителей тѣмъ, что въ свободной, демократической странѣ цензурныя запреты были анахронизмомъ.

Въ общемъ положеніе печати, стоявшей на стражѣ достоинства Россіи и безусловно поддерживавшей русскую армію, было, повторяю, неимовѣрно тяжелымъ. Національныя газеты выходили подъ строжайшей цензурой полковниковъ Генеральнаго Штаба, а Бурцевское «Общее Дѣло» и Гольдштейновскія «Послѣднія Новости» (враждебныя русской арміи), проникали пудами на территорію Крыма и на фронтъ, по настоянію Струве, безъ всякихъ цензурныхъ ограниченій.

П. Б. Струве любилъ поиронизировать.

Посадивъ въ Севастополѣ въ помощь военнымъ цензорамъ еще дипломатическаго цензора (изобрѣтеніе П. Б. — спеціально для огражденія французовъ отъ враждебныхъ выпадовъ), дабы туземцамъ вольнодумствовать не было повадно, онъ создалъ въ Парижѣ новый (4-ый) русскій печатный органъ и далъ ему названіе «Свободныя Мысли»!

Послѣ этого неудивительно, что русскіе общественные круги въ Крыму смотрѣли на нашу Парижскую эмиграцію, какъ на источникъ всевозможныхъ каверзъ и утонченныхъ издѣвательствъ!

ГЛАВА XII.

Экономическая политика.

Читатель знакомъ съ обстановкой, при которой А. В. Кривошеинъ занялъ постъ Помощника Главнокомандующаго по гражданской части.

Вотъ почему, когда Кривошеинъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей, у него не было готоваго плана экономическаго упорядоченія тыла, но онъ не выработалъ его и впослѣдствіи, ибо время шло, а тыловая разруха принимала все болѣе и болѣе угрожающій характеръ.

Для веденія войны нужны были прежде всего денежныя средства. — Ихъ надѣялись получить въ Парижѣ, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ проживалъ Начальникъ Управленія финансовъ М. В. Бернацкій.

Но денегъ не давали, а въ это время финансовое хозяйство Крыма, оставленное безъ ближайшаго руководителя, погрузилось въ полнѣйшій хаосъ. Для разрѣшенія всѣхъ денежныхъ затрудненій существовало только одно средство — усиленная дѣятельность экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, тщательно перевезенная изъ Новороссійска въ Феодосію.

Ген. Врангель долженъ былъ вести войну на текущія средства, а между тѣмъ чрезвычайные (военные) расходы превышали обыкновенные въ пять разъ. Никакихъ прямыхъ налоговъ въ кассу Правительства не поступало: косвенные же налоги могли покрыть ничтожную часть бюджета. Оставалось — одно средство: внѣшніе займы подъ обезпеченіе остатковъ имущества б. Россійской Имперіи, разбросаннаго по всему свѣту. Но, какъ было уже указано выше, попытки Правительства въ этомъ направленіи успѣха не имѣли.

Вяло подвигалась ликвидація имущества Правительства Адмирала Колчака. Зато огромныя средства въ иностранной валютѣ поглощало содержаніе безчисленныхъ русскихъ учрежденій за границей. Какъ ни ликвидировалъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ эти учрежденія Бернацкій, всѣ отдѣленія пресловутаго Земгора остались нетронутыми, проѣдая послѣдніе гроши голодной и босой русской арміи. Наконецъ совершенно не были обложены ввозимые изъ за границы на территорію вооруженныхъ силъ Юга Россіи предметы роскоши.

Бернацкій возвратился въ Севастополь въ то время, когда всѣ мѣропріятія по оздоровленію русскихъ финансовъ были безнадежными. Валютная спекуляція, какъ ядовитая червоточина, разъѣдала тылъ. Дороговизна жизни приняла фантастическій характеръ, далеко оставляя позади совѣтскія цѣны. Офицерство и чиновничество голодало, ища выхода изъ матеріальной нужды во всевозможныхъ злоупотребленіяхъ по службѣ, начиная отъ взятокъ и кончая расхищеніемъ казеннаго имущества. Семьи офицеровъ, сражавшихся на фронтѣ, нищенствовали, и никакіе грозные приказы Главнокомандующаго не могли помочь дѣлу.

По пріѣздѣ въ Севастополь, Начальникъ Управленія финансовъ прежде всего поторопился успокоить кулису валютныхъ спекулянтовъ, заявивъ кореспонденту Крымскаго Вѣстника, что слухи о счетной девальваціи денежныхъ знаковъ В. С. Ю. Р. ни на чемъ не основаны. Затѣмъ, принявъ кое-какія сомнительныя мѣропріятія въ области запрещенія вывоза изъ Крыма иностранной валюты (между тѣмъ надо было запрещать

именно вывозъ денегъ В. С. Ю. Р.!!), онъ почилъ отъ трудовъ и предался политикѣ непротивленія злу, увеличивая свыше предѣловъ дѣйствительной необходимости денежную эмиссію.

А. В. Кривошеинъ обмолвился какъ-то крылатой фразой о томъ, что со спекуляціей борьба безполезна. И это дѣйствительно былот акъ, если многіе завѣдомые спекулянты обивали пороги пріемной Помощника Главнокомандующаго по гражданской части. Очень трудно сказать, какими соображеніями руководствовался Кривошеинъ, принимая всѣхъ этихъ лицъ, но одно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что нѣкоторые члены Правительства были непосредственно заинтересованы въ дѣлахъ такихъ эфемерныхъ организацій, какими являлись Славянскій національный банкъ и Франко-Русское общество, съ знаменитымъ инж. Чаевымъ и «Второвской группой» во главѣ, и французскими коммерсантами, торговавшими съ Батумомъ и Одессой, — за кулисами.

Тѣмъ не менѣе Правительство пыталось облечь свое экономическое безсиліе въ красивыя формы демократизма. Раза два въ мѣсяцъ въ театрѣ «Ренессансъ» происходили открытыя собранія общественныхъ дѣятелей подъ предсѣдательствомъ Кн. Долгорукова, на которомъ выступали съ отчетными докладами «министры» Правительства Ген. Врангеля. Послѣ выступленія Г. В. Глинки и П. Б. Струве, 6 сентября дѣлалъ докладъ Начальникъ Управленія финансовъ Бернацкій, со временъ революціи. именуемый почему то «професоромъ».

Вполнѣ естественно, что докладъ собралъ полный залъ слушателей, среди которыхъ преобладали толстыя фигуры спекулянтовъ, которыхъ продолжалъ мучить вопросъ, будетъ ли девальвація или нѣтъ.

На этотъ вопросъ докладчикъ далъ снова исчерпывающій и вполнѣ благопріятный отвѣтъ, чѣмъ вызвалъ у аудиторіи единодушный вздохъ облегченія.

Что же касается остальныхъ вопросовъ, связанныхъ съ колоссальнымъ обезцѣненіемъ денежныхъ знаковъ В. С. Ю. Р., то каждый разъ, когда М. В. Бернацкій затрагивалъ тотъ или иной вопросъ, онъ откладывалъ его объясненіе на конецъ лекціи. Но вотъ онъ подошелъ къ концу, а вопросы такъ и остались висѣть въ воздухѣ, оставивъ аудиторію въ состояніи полнѣйшаго недоумѣнія.

Во второй части доклада Бернацкій долженъ былъ давать отвѣты на заданные письменные вопросы. Однако, поданныя записки подверглись двойной цензурѣ: предсѣдателя собранія кн. Долгорукова и самого докладчика. И опять три четверти вопросовъ остались безъ отвѣта.

Публика уходила разочарованная, а одинъ пожилой петербуржецъ, присутствовавшій на докладѣ, заявилъ, что подобнаго

безцеремоннаго обращенія къ слушателямъ трудно было ожидать даже отъ революціоннаго професора.

Но, можетъ быть, скажутъ, что для того, чтобы спасти русскую армію отъ финансоваго краха, надо было быть магомъ и волшебникомъ, и нельзя требовать чуда тамъ, гдѣ вопросъ рѣшался сухимъ балансомъ бухгалтерскихъ вычисленій. — Это возраженіе могло показаться убѣдительнымъ осенью въ Крыму, но не теперь, когда русская армія, правда въ крайне тяжелыхъ условіяхъ, но все же какъ то живетъ болѣе двухъ лѣтъ на чужбинѣ[1]).

Мало того во многихъ европейскихъ центрахъ до сихъ поръ существуютъ дипломатическія представительства, еще содержатся штабы и канцеляріи, которыя выплачиваютъ служащимъ содержаніе въ валютѣ, еще, наконецъ, занимаются благотворительностью всевозможные Земгоры и Красные Кресты, а ихъ агенты разъѣзжаютъ по Европѣ въ экспрессахъ.

Позволительно думать, что лѣтомъ 1920 года русскій государственный активъ за границей былъ въ настолько благополучномъ состояніи, что можно было заблаговременно позаботиться объ удовлетвореніи хотя бы самой насущной потребности русской арміи — о ея зимнемъ обмундированіи.

Эти сопоставленія невольно напрашиваются теперь, когда вспоминаются жалобы власть имѣвшихъ на югѣ Россіи на безвыходное финансовое положеніе русской арміи. Конечно, не худо было, что они отложили для русской арміи кое-что «про черный день», но тогда надо было слишкомъ мало вѣрить въ успѣхъ всего предпріятія Ген. Врангеля!

Не лучше обстояло дѣло и въ Управленіи Торговли и Промышленности. Собственно говоря, на маленькой територіи Таврическаго полуострова трудно было расчитывать на развитіе промышленности, если предпріятія постоянно испытывали недостатокъ то въ рабочихъ рукахъ, то въ топливѣ, то въ оборотныхъ средствахъ. Но были четыре отрасли промышленности, которыя, при надлежащихъ мѣрахъ со стороны Правительства, до извѣстной степени могли улучшить экономическое благосостояніе края — это: желѣзодѣлательная, табачная, соляная и кожевенная.

Владѣльцы предпріятій постоянно сокращали производство, ссылаясь на отсутствіе сырья. Это было невѣрно, такъ какъ желѣзнаго лома было во всѣхъ портахъ Крыма сколько угодно, а листовой табакъ и кожи вывозились на глазахъ у всѣхъ за границу. И несмотря на то, что Правительство выдало кожевеннымъ заводамъ 200 милліонную субсидію, оно

[1]) Въ Болгаріи части русской арміи содержались все время на средства Штаба Ген. Врангеля, причемъ Болгарскому Правительству было внесено обезпеченіе за годъ впередъ. Сумма эта должна быть не менѣе 75.000.000 левовъ!

цѣлое лѣто не могло добиться того, чтобы кожевенники обращали эти деньги въ производство, а не на валютную спекуляцію.

Точно также пришла въ упадокъ и соляная промышленность, хотя Крымъ имѣлъ всѣ данныя для того, чтобы наладить экспортъ соли на Дунайскіе рыбные промыслы. Но для того, чтобы развивать всѣ эти отрасли, нужно было сильное желаніе хозяевъ предпріятій помочь арміи въ ея кровавой страдѣ. — Гораздо легче было заниматься прожектерствомъ, вывозить послѣднее достояніе края за границу и спекулировать на валютѣ, а потому Крымскіе промышленники рѣшили не измѣнять обыкновенію россійскихъ буржуевъ въ тылу гражданской войны.

Все это происходило изъ за того, что въ Крыму хотя и говорилось очень много о «Хозяинѣ», — но «хозяйской» руки и «хозяйскаго» глаза во всемъ управленіи Крымомъ, къ сожалѣнію, не наблюдалось. Во все время Крымскаго сидѣнія вѣдомство торговли и промышленности не выходило изъ стадіи реорганизаціи. До пріѣзда Кривошеина вопросами снабженія вѣдалъ Ген. Вильчевскій. Затѣмъ пріѣхалъ Кривошеинъ и передалъ управленіе снабженій въ вѣдѣніе Таврическаго земца и присяжнаго повѣреннаго В. С. Налбандова.

Пока шло преобразованіе военнаго учрежденія въ гражданское, прошло полъ лѣта, и продовольствіе изъ Сѣв. Тавріи, удержаніе которой стоило такихъ усилій, попадало въ Крымъ стараніями одного лишь опальнаго интендантства, находившагося къ тому же подъ ревизіей. Вообще съ хлѣбной торговлей творилось что-то непонятное. Съ одной стороны — всякій вывозъ хлѣба изъ портовъ Крыма и Сѣв. Тавріи былъ строжайше воспрещенъ. Но съ другой — Севастопольскія правительственныя учрежденія были завалены предложеніями различныхъ комиссіонеровъ, бравшихся доставить въ Крымъ все, что угодно въ обмѣнъ на хлѣбъ. И, повидимому, немало подобныхъ домогательствъ увѣнчалось успѣхомъ, если на смѣну еврейскихъ спекулянтовъ, появлялись греки и армяне, а этихъ послѣднихъ оттѣсняли, въ свою очередь, отечественные пролазы и пройдохи, кредитъ которыхъ измѣрялся шириной ихъ гражданскихъ погонъ.

Въ виду неблагопріятныхъ слуховъ по поводу закупокъ заграницей (сь предоставленіемъ поставщику права закупки и вывоза изъ Крыма эквивалентнаго количества зерна и шерсти), производившихся Управленіемъ Торговли Промышленности и интендантствомъ, Главнокомандующимъ было приказано Генералъ - Лейтенанту В. В. Бѣляеву обревизовать порядокъ этихъ операцій въ Главномъ Интендантствѣ.

Работа Генерала Бѣляева очень скоро обнаружила совершенно честную постановку этого дѣла въ интендантствѣ, но въ то же время совершенно невозможное отношеніе къ этимъ

закупкамъ рѣшающаго учрежденія - Управленія Торговли и Промышленности. Вся грязь недобросовѣстности чиновниковъ этого Управленія заслонялась фигурой всѣми уважаемаго Таврическаго общественнаго дѣятеля Налбандова; однако, нити шли въ контору инж. Чаева и въ кабинетъ Помощника Главнокомандующаго по гражданской части. Но увы — несмотря на уличающіе факты, Ген. Врангель продолжалъ вѣрить въ плодотворность работы Кривошеина и Налбандова. Естественно, что Ген. В. В. Бѣляеву, имѣвшему изрѣдка короткіе доклады у Главкома, трудно было бороться съ сутками не спускавшимъ съ глазъ злополучнаго Ген. Врангеля краснорѣчивымъ А. В. Кривошеинымъ.

Обнаружились также крупныя хищенія казеннаго чая, дѣло о которомъ было передано В. В. Бѣляевымъ слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ. Дѣло это также задѣвало А. В. Кривошеина. Но Крымская катастрофа прервала раскрытіе истинной подоплеки Кривошеинской «экономической политики».

Стоитъ ли добавлять, что личный составъ Управленія Торговли и Промышленности не былъ на высотѣ. В. С. Налбандову пришлось сразу же уволить цѣлый рядъ лицъ, уличенныхъ въ преступленіяхъ по должности. Однако, къ суду никого не привлекли, и это увольненіе не произвело большого впечатлѣнія на оставшихся. Зато глава вѣдомства былъ вынужденъ отдавать такъ много времени на то, чтобы лично вникать въ каждый мелкій вопросъ, что главныя потребности Крыма отошли на задній планъ.

А между тѣмъ, при урожаѣ фруктовъ и овощей, при наличіи всемірно извѣстныхъ рыбныхъ промысловъ въ Керчи и др. приморскихъ городахъ, запасовъ скота и хлѣба въ Сѣв. Тавріи, при свободномъ, наконецъ, общеніи съ Константинополемъ и портами Чернаго моря, продовольственное положеніе Крыма не должно было почитаться безнадежнымъ. Надо было только зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы воинскіе эшелоны, отвозившіе войска на сѣверъ, не возвращались въ Севастополь пустыми. Но, въ виду постоянныхъ треній между военными и гражданскими должностными лицами, право, трудно сказать, кто могъ бы принять на себя этотъ трудъ.

Къ концу лѣта вопросы снабженія были снова переданы въ вѣдѣніе генерала, но на этотъ разъ Ставицкаго. Опять началась реорганизація отдѣловъ и канцелярій. Но слишкомъ много времени было уже упущено. И, когда въ октябрѣ мѣсяцѣ В. С. Налбандовъ спѣшно выѣхалъ въ Мелитополь, чтобы ускорить оттуда вывозъ хлѣба, онъ имѣлъ время лишь лично убѣдиться въ томъ, какіе крупные запасы были потеряны безвозвратно. И нуженъ былъ рѣшительный военный успѣхъ и новое море крови, чтобы вырвать этотъ хлѣбъ изъ большевистскихъ рукъ.

Все это порождало самые зловѣщіе слухи, отбивавшіе у арміи всякую охоту умирать на подступахъ къ Крыму, защищая окопавшихся въ тылу шкурниковъ. Такъ стоустая молва передавала, что на Нахимовскомъ пр. имѣлись двѣ мѣняльныя лавки, въ которыхъ пайщиками были лица весьма высокопоставленныя! Иногда эти слухи принимали форму кокретныхъ обвиненій, попадая, вопреки всѣмъ строгостямъ цензуры, на страницы періодической печати. Тогда Начальникъ Гражданскаго Управленія разослалъ военнымъ цензорамъ циркуляръ, въ которомъ въ категорической формѣ запрещалъ пропускъ въ печать какой-либо критики дѣйствій и распоряженій центральной власти.

«Доброжелательные Правительству представители прессы и общественности»: писалось въ циркулярѣ: «не поднимая шума и сенсаціи около того или другого вопроса, могутъ обращаться непосредственно въ высшимъ представителямъ власти, представляя свои соображенія или данныя на ихъ усмотрѣніе.».

Но этимъ Правительство не ограничилось. Желая лишить русскихъ государственныхъ людей и журналистовъ возможности участвовать путемъ сотрудничества въ Крымской печати, въ обсужденіи вопросовъ по борьбѣ съ нароставшей разрухой тыла, дѣлавшей всѣ героическія усилія арміи безплодными, А. В. Кривошеинъ учредилъ Комиссію правительственнаго надзора — нѣчто вродѣ кладбища для безпокойныхъ или черезчуръ спокойныхъ сановниковъ и генераловъ — спеціально для разсмотрѣнія всѣхъ приносимыхъ на дѣйствія администраціи жалобъ. Этимъ актомъ, съ одной стороны, учреждалось новое совершенно никому не нужное учрежденіе, а съ другой — аннулировалось значеніе Сената, не пользовавшагося почему-то расположеніемъ Помощника Главнокомандущаго по гражданской части.

Наконецъ, дабы забронировать себя и въ будущемъ отъ какихъ-либо упрековъ въ непринятіи необходимыхъ мѣръ для предотвращенія экономической катастрофы, А. В. Кривошеинъ созвалъ въ октябрѣ съѣздъ финансовыхъ «геніевъ» изъ Парижа, на который прибыли В. В. Маркозовъ, П. Рябушинскій, Шателенъ, В. І. Гурко, П. Л. Баркъ, гр. Ростовцевъ и др.

Журчалъ соловьемъ В. С. Налбандовъ, ему вторилъ авторитетнымъ тономъ спеціалистъ финансовой науки М. В. Бернацкій, и всѣхъ подавлялъ умомъ, находчивостью и умѣніемъ выйти изъ любого затрудненія А. В. Кривошеинъ.

На банкетахъ въ честь прибывшихъ лилось вино, произносились рѣчи, наполненныя комплиментами по адресу Правительства Юга Россіи, и Помощникъ Главнокомандующаго безъ особаго труда добился полнаго одобренія своей «экономической политики».

И это въ то время, какъ для выхода изъ создавшагося положенія требовались не дифирамбы заѣзжихъ гастролеровъ, а хорошая сенаторская ревизія!

ГЛАВА XIII.

Послѣдняя бесѣда.

Въ началѣ сентября, какъ-то зайдя къ пріѣхавшему на нѣсколько дней изъ Константинополя С. Н. Гербелю (Уполномоченному Управленія Торговли Промышленности въ Константинополѣ), я засталъ его въ угнетенномъ настроеніи.

— Нехорошо у васъ въ Севастополѣ, сказалъ онъ мнѣ: все идетъ вразбродъ. Военные ссорятся съ гражданской администраціей, фронтовое военное начальство ненавидитъ тыловое. Для того, чтобы подготовить армію къ зимней кампаніи, ничего не сдѣлано. Я имѣю свѣдѣнія, что на Дальнемъ Востокѣ находится громадное количество мануфактуры, обуви и бѣлья, принадлежавшее Арміямъ адмирала Колчака и оставшееся въ нерусскихъ портахъ. И до сихъ поръ нашимъ Правительствомъ не принято никакихъ мѣръ къ тому, чтобы перевезти все это имущество въ Севастополь. А между тѣмъ его хватило бы не только на весь фронтъ, но и на тылъ. . . —

Уже въ концѣ августа мною было отдано распоряженіе объ открытіи газетной кампаніи въ пользу снабженія населеніемъ арміи теплой одеждой и обувью. Прошлогодній примѣръ отступленія Добровольческой Арміи, по винѣ прекраснодушія тыла, еще слишкомъ ярко стоялъ предъ глазами. Между тѣмъ со стороны «сферъ» какъ-то мало было замѣтно заботы по этому предмету, какъ будто сферы или расчитывали на тропическую зиму въ Крыму, или же вообще не предполагали здѣсь зимовать.

Предполагая, что въ дѣлѣ доставки имущества Адмирала Колчака въ Севастополь главныя препятствія ставятся англичанами, я въ тотъ же день послалъ сообщенныя мнѣ С. Н. Гербелемъ свѣдѣнія одной Севастопольской газетѣ, чтобы дать Правительству поводъ къ болѣе энергичнымъ представленіямъ предъ нашими «союзниками».

Но изъ этого ничего хорошаго не получилось.

Въ воскресенье, 6 сентября, я былъ съ докладомъ у Ген. Врангеля. Какъ всегда онъ былъ со мною обаятельно любезенъ.

Высказавъ нѣсколько пожеланій, Главнокомандующій вдругъ задалъ мнѣ вопросъ, какимъ образомъ проникли въ печать извѣстія о томъ, что запасы Адмирала Колчака не вывозятся изъ дальневосточныхъ портовъ?

Я объяснилъ ему, откуда почерпнуты эти данныя, а также причины, побудившія меня ихъ опубликовать.

— Этого не надо было дѣлать, раздраженно сказалъ Главнокомандующій: фронтъ итакъ недоволенъ тыломъ. Это ухудшаетъ и безъ того неважныя отношенія между военными и гражданскими властями.

Я объяснилъ, что позволилъ себѣ предать эти факты огласкѣ подъ вліяніемъ получаемыхъ со всѣхъ сторонъ свѣдѣній, что фронтъ раздѣтъ и испытываетъ недостатокъ въ самомъ нообходимомъ.

— Это происходитъ оттого, отвѣтилъ Главнокомандующій: что арміи на 80% состоятъ изъ бывшихъ плѣнныхъ красноармейцевъ, одѣть которыхъ напрасный трудъ.

Разговоръ перешелъ на общія условія экономической разрухи въ тылу, порождающія неудовольствіе населенія.

Врангель выразилъ удивленіе по поводу того, что общество не помогаетъ ему бороться со спекуляціей.

— Въ свое время я издалъ приказъ объ этомъ. Кто отозвался на него? — А, между тѣмъ, власть безъ общественныхъ круговъ въ борьбѣ со спекуляціей безсильна. Ни одно городское самоуправленіе, кромѣ Ялтинскаго[1]), не борется съ дороговизной и спекуляціей. О хлѣбѣ обязано заботиться Правительство. — Оно это и дѣлаетъ по мѣрѣ силъ и возможности. А фрукты? Ихъ масса, а цѣны неслыханныя: всѣ ругаются и всѣ покупаютъ. Жалуются, что все дорого, и нѣтъ денегъ, а между тѣмъ театры и кинематографы полны.

Воспользовавшись тѣмъ, что разговоръ принялъ менѣе оффиціальный характеръ, я перешелъ на давно уже мучившій меня вопросъ — о положеніи Крымской печати.

— Необходимо смягчить цензурныя стѣсненія, замѣтилъ я. Не надо бояться правды. Честная печать никогда не позволитъ множиться въ своемъ органѣ грязи и сплетнямъ. Необходимо бороться лишь съ безчестной печатью и запрещать 1) разглашеніе военной тайны, 2) порнографію, 3) кощунство, 4) погромную агитацію, разумѣя подъ этимъ, какъ боевой антисемитизмъ, такъ и соціалистическіе призывы къ классовой борьбѣ. Представители власти не должны бояться критики. Въ этомъ духѣ я намѣреваюсь сдѣлать докладъ А. В. Кривошеину, но хочу предварительно ознакомиться съ вашей точкой зрѣнія на данный вопросъ.

Главнокомандующій отвѣтилъ, что въ принципѣ онъ ничего противъ подобной постановки дѣла не имѣетъ.

---

[1]) Всѣ городскія самоуправленія Крыма находились въ рукахъ соціалистическаго большинства думъ; только въ Ялтѣ Гор. Дума носила ярко выраженный монархическій характеръ.

Я поинтересовался узнать, извѣстно ли Ген. Врангелю, что Борисъ Савинковъ формируетъ въ Польшѣ народную Добровольческую Армію?

— Я этому мало вѣрю, отвѣтилъ Главнокомандующій (фактъ подтвердился). Тамъ формируетъ отрядъ Ротмистръ Бобошко. П. Б. Струве собирается на будущей недѣлѣ въ въ Парижъ; онъ все выяснитъ.

— Недавно васъ посѣтила делегація крестьянскаго союза, продолжалъ я; и, говорятъ, что вы, Ваше Превосходительство, приняли ее въ присутствіи адъютантовъ. — Это крайне стѣсняло депутатовъ, такъ какъ они усматривали въ этихъ невольныхъ свидѣтеляхъ этой бесѣды какое-то средостѣніе между вами и ими. Считаю долгомъ объ этомъ довести до вашего свѣдѣнія.

Главнокомандующій наклонилъ одобрительно голову, но видно было, что сдѣланное мною заявленіе въ немъ сочувствія не встрѣтило.

Обмѣнявшись еще нѣсколькими фразами по вопросу о снабженіи Крыма бумагой, мы разстались.

Какъ видно изъ изложеннаго, общій тонъ бесѣды поддерживался въ самомъ искреннемъ, почти задушевномъ тонѣ, и ничто не заставляло предполагать, что эта бесѣда съ Главнокомандующимъ будетъ для меня послѣдней.

Черезъ два дня я получилъ отъ Начальника Гражданскаго Управленія С. Д. Творскаго предложеніе взять отпускъ, чтобы къ дальнѣйшей дѣятельности во главѣ Отдѣла печати болѣе не возвращаться. Мнѣ ставилось въ вину мое участіе въ газетахъ въ качествѣ автора (подъ разными псевдонимами) статей, въ которыхъ Правительство Юга Россіи подвергалось рѣзкой критикѣ.

Не собираясь оправдываться въ томъ, въ чемъ я не чувствовалъ за собой вины, такъ какъ рѣчь могла идти лишь о пропускѣ въ печать подобнаго рода статей, само собою разумѣется, не принадлежавшихъ моему перу, я все же посѣтилъ А. В. Кривошеина. чтобы выяснить у него причину моей «опалы».

— Не думайте, пожалуйста, сказалъ Помощникъ Главнокомандующаго, что инициатива въ этомъ вопросѣ исходитъ отъ меня. Таково желаніе Главнокомандующаго, и если оно будетъ непреклоннымъ, я не въ силахъ что-либо измѣнить. Съ своей стороны, я приложу всѣ старанія къ тому чтобы вы остались. Но пока, на правахъ вашего отца, позвольте дать вамъ совѣтъ: вы устали и переутомились. Берите отпускъ и поѣзжайте отдохнуть въ Ялту.

Въ тотъ же день я послѣдовалъ совѣту А. В. Кривошеина и, подавъ С. Д. Тверскому рапортъ съ просьбой о двухнедѣльномъ отпускѣ, выѣхалъ изъ Севастополя.

Уже проживая въ Ялтѣ и используя свой досугъ на ликвидацію нѣкоторыхъ дѣлъ, среди которыхъ самымъ характернымъ было пресѣченіе попытки двухъ журналистовъ перепродать спекулянтамъ запасъ бумаги, данной имъ Отдѣломъ печати на патріотическое издательство, — я получилъ доказательство того, какимъ неискреннимъ, даже «на правахъ отца», былъ А. В. Кривошеинъ. Именно 28 сентября я прочелъ въ мѣстныхъ газетахъ приказъ Главнокомандующаго объ увольненіи меня «согласно прошенія» (котораго я никому не подавалъ!) и о назначеніи на мое мѣсто привать-доцента Таврическаго университета Г. В. Вернадскаго.

Я нарочно остановился столь подробно на незначительномъ фактѣ моей отставки, чтобы охарактеризовать царившіе въ Севастопольскихъ сферахъ порядки служебной этики и опровергнуть связанные съ моимъ увольненіемъ кривотолки извѣстныхъ круговъ, которые поторопились вышить вокругъ описаннаго инцидента прихотливые узоры.

Имѣлась даже такая версія, будто Главнокомандующій рѣшилъ меня «убрать» послѣ бесѣды съ Аркадіемъ Аверченко, который пришелъ къ Ген. Врангелю съ жалобой на закрытіе газеты «Юга Россіи» и заявилъ, что, послѣ закрытія Отдѣломъ печати его газеты, онъ, Аверченко, уѣзжаетъ за границу.

Но во первыхъ «Югъ Россіи» былъ пріостановленъ не мною, а С. Д. Тверскимъ и вопреки моимъ протестамъ, т. к. одновременно «для симметріи» былъ пріостановленъ за статью противъ М. В. Бернацкаго, и «Царь-Колоколъ». Во вторыхъ запрещеніе было снято С. Д. Тверскимъ съ «Юга Россіи», вслѣдствіе заступничества покровительствовавшей ему французской миссіи, которая по этому поводу обратилась даже къ А. В. Кривошеину. И въ третьихъ Аркадій Аверченко, содержавшій въ Севастополѣ кабаре для спекулянтовъ, которыхъ почтенный юмористъ деликатно называлъ «перелетными птицами», никогда большимъ авторитетомъ у Главнокомандующаго не пользовался, несмотря на грубую лесть, расточаемую имъ по адресу Ген. Врангеля въ своихъ фельетонахъ (см. напр. «Храбрый пѣтухъ»).

Но такая версія нужна была для того, чтобы дать удовлетвореніе газетамъ, которыя имѣли поводъ быть недовольными принятой мною системой распредѣленія казенной бумаги.

Какъ мнѣ объяснили впослѣдствіи, Главнокомандующій былъ мною крайне недоволенъ за мой интересъ къ вещамъ, которыя меня, по его мнѣнію, не касались, а также за то, что я «распустилъ газеты». Рѣшающимъ же моментомъ въ этомъ вопросѣ была моя бесѣда съ Ген. Врангелемъ, приведенная въ началѣ этой главы.

Не вдаваясь, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, въ какую бы то ни было оцѣнку моей собственной дѣятельности, я огра-

ничусь лишь приведенiемъ слѣдующей финансовой справки, полученной мною, предъ самымъ оставленiемъ Севастополя, отъ Завѣдывавшаго Счетною Частью Отдѣла печати г. Т. За три съ половиной мѣсяца управленiя мною Отдѣломъ на всѣ его надобности, включая покупку бумаги, выдачу субсидiй и пр., было израсходовано 30 миллiоновъ казенныхъ денегъ. За одинъ мѣсяцъ завѣдыванiя Отдѣломъ моихъ замѣстителей сумма расходовъ достигла 230 миллiоновъ рублей!

Въ заключенiе считаю не лишнимъ подѣлиться своими впечатлѣнiями отъ посѣщенiя въ Ялтѣ Генералъ-Лейтенанта Слащева - Крымскаго, который проживалъ въ это время «въ опалѣ» въ Ливадiи. Я постарался свидѣться со Слащевымъ, желая лично провѣрить господствовавшiе въ Севастополѣ слухи о томъ, что онъ, вслѣдствiе отравленiя наркотиками, впалъ въ состоянiе полнаго маразма.

Я нашелъ Слащева въ самомъ бодромъ настроенiи духа. О какой бы то ни было невмѣняемости не было и помину. Онъ былъ преисполненъ живой вѣрой въ побѣду русской армiи и со дня на день ожидалъ назначенiя командующимъ армiей для дѣйствiй на правомъ берегу Днѣпра (на эту должность былъ назначенъ неудачливый Драценко). Помнится, онъ развивалъ, не лишенные серьезнаго знанiя настроенiй крестьянскаго населенiя Юга Россiи планы сближенiя Главнаго Командованiя съ кругами малороссiйскаго казачества.

Но корень всѣхъ золъ Слащевъ видѣлъ въ той атмосферѣ нашептыванiя и интригъ, которая свила себѣ прочное гнѣздо въ штабахъ армiй. О нихъ Слащевъ не могъ спокойно говорить.

Какъ жаль, что Генералъ Слащевъ потерянъ для русскаго нацiональнаго дѣла безвозвратно!

ГЛАВА XIV.

Катастрофа.

Можно ли было русской армiи удержаться въ Крыму — вотъ вопросъ, который до сихъ поръ вызываетъ безконечные споры въ кругахъ нашей эмиграцiи.

Большинство военныхъ авторитетовъ сходится на томъ, что Крымскiе перешейки, при надлежащей оборонѣ ихъ, требовавшей къ тому же самыхъ незначительныхъ военныхъ силъ (что показалъ зимой Слащевъ), совершенно неприступны для такого врага, какимъ являются большевики. Въ Севастопольскомъ военномъ порту не было недостатка ни въ тяжелой карабельной артиллерiи, ни въ боевыхъ припасахъ, чтобы въ теченiе лѣта военные спецiалисты не съумѣли бы воздвигнуть на перешейкахъ необходимыхъ фортификацiонныхъ сооруженiй.

Вмѣсто этого укрѣпленіе Крыма было поручено кавалерійскому Генералу Юзефовичу, который, однако, предпочелъ въ концѣ лѣта заграничную командировку сидѣнію подъ защитой созданныхъ имъ твердынь.

«Неприступныя позиціи» у Перекопа оказались безъ надежныхъ закрытій (бетонныхъ), безъ помѣщеній для гарнизона (а населенныхъ пунктовъ по близости не было), безъ наблюдательныхъ для артиллеріи пунктовъ, безъ ходовъ сообщенія, безъ связи, безъ серьезныхъ искусственныхъ препятствій; нѣкоторые важные пункты совсѣмъ не были укрѣплены; всѣ окопы слабой профили; были установлены тяжелыя орудія безъ прицѣловъ, а для полевой артиллеріи мѣста не выбраны.

Въ началѣ сентября никому не приходила въ голову возможность столь стремительнаго оставленія Крыма. Ген. Кутеповъ, путемъ цѣлаго ряда смѣлыхъ и удачныхъ операцій, совершенно очистилъ отъ красныхъ обширное пространство до Маріуполя и Александровска.

Разъѣзды русской конницы доходили до Синельникова и Юзова, проникая въ Донецкій бассейнъ и встрѣчая незначительное сопротивленіе красныхъ. Агенты развѣдки доносили о крупныхъ возстаніяхъ въ тылу большевиковъ, а 8 сентября Главнокомандующій прислалъ А. В. Кривошеину телеграмму, въ которой сообщалъ, что на фронтѣ происходило что-то непонятное: красноармейцы массами отступали безъ всякаго сопротивленія на сѣверъ.

Описываемый моментъ долженъ быть охарактеризованъ, какъ кульминаціонный пунктъ успѣховъ русской арміи. Бѣженцы изъ числа оптимистовъ льстили себя надеждой быть на Рождествѣ въ Харьковѣ. Въ Севастополѣ же шли обширныя приготовленія для комфортабельной зимовки Правителя Юга Россіи, а также для пріема заморскихъ гостей. Жизнь въ Б. Дворцѣ (б. дворецъ Командующаго Черноморскимъ флотомъ) ставилась на столичную ногу, причемъ для омеблированія его покоевъ была даже доставлена мебель изъ Ливадійскаго дворца.

20 октября въ Севастополь прибыла на французскомъ крейсерѣ-дредноутѣ французская делегація во главѣ съ графомъ де-Мартель.

Встрѣча французскихъ гостей не отличалась ни энтузіазмомъ, ни сердечностью. А когда собравшіеся на Графской пристани любопытные увидѣли, что французскій «комисаръ», въ числѣ своихъ спутниковъ прихватилъ также Зиновія Пѣшкова-Свердлова, брата Предсѣдателя Всероссійскаго Совдепа и пріемнаго сына Максима Горькаго, толкамъ и пересудамъ не было конца.

Незначительный кругъ офиціальныхъ оптимистовъ занялся банкетами вь Б. Дворцѣ, все еще надѣясь на благоже-

лательность французовъ, а пессимисты впали въ полную безнадежность:

— Опять Фрейденберговщина начинается...

И точно напророчили...

Зима въ этомъ году наступила ранняя и холодная. Армія же была раздѣта, разута и измотана до послѣднихъ предѣловъ лѣтними боями, когда генералы Шатиловъ и Коноваловъ бросали ее, какъ мячъ, то на Кубань, то въ Донецкій бассейнъ.

И въ то время, какъ въ Севастополѣ лилось вино и произносились рѣчи о прочности франко-русскаго аліанса, въ Варшавѣ, столицѣ вассаловъ Франціи, шли переговоры о перемиріи съ большевиками. Какъ только перемиріе было подписано, несмотря на присутствіе въ это время въ Парижѣ Начальника Управленія Иностранныхъ сношеній Струве, участь русской арміи была рѣшена.

Красные не замедлили перебросить свои лучшія части въ Сѣв. Таврію, въ числѣ которыхъ было 6 дивизій I конной арміи Буденнаго и отборная пѣхота, составлявшая въ борьбѣ съ поляками послѣднюю ставку совѣтскаго командованія.

Попрежнему крайне активный Ген. Врангель рѣшилъ смѣлымъ маневромъ разбить надвигавшуюся массу красныхъ къ сѣверу отъ перешейка. На это рѣшеніе повліяло также, то обстоятельство, что заготовленный въ Мелитополѣ хлѣбъ еще не былъ вывезенъ въ Крымъ.

Но уже войска не представляли собою матеріала, пригоднаго для подобныхъ операцій. Аттакованныя переправившейся черезъ Днѣпръ у д. Н. Рогачикъ (въ 120 в. къ сѣверу отъ Сиваша) красной кавалеріей, въ составѣ пяти дивизій, части I корпуса Ген. Кутепова должны были отступить въ юго-восточномъ направленіи, упираясь флангами въ море.

Одновременно со стороны Каховки красные стремительно атаковали II корпусъ Ген. Витковскаго, смѣнившаго Ген. Драценко, и корпусъ откатился до самаго Перекопа. Главныя же силы красныхъ, общимъ числомъ до 25.000 сабель, достигли Асканіа-Нова и оттуда повернули на Сальково и Геническъ, отрѣзая корпусъ Ген. Кутепова отъ Крыма. Связь со Ставкой такимъ образомъ была прервана.

Тѣмъ не менѣе Донцамъ удалось выбить красныхъ изъ Салькова и Геническа, и Ген. Врангель отдалъ приказъ перейти въ рѣшительное наступленіа къ сѣверо-западу, чтобы парировать атаки красныхъ на Перекопъ. Однако, это приказаніе исполнено не было. Полураздѣтая и голодная армія не могла уже атаковать полнаго дерзости противника, воодушевленнаго только что одержанными успѣхами. Мобилизован-

ные, предчувствуя близкій конецъ «бѣлогвардейщинѣ», стали разбѣгаться по домамъ. Конница окончательно замотала лошадей.

Большинство частей было небоеспособно. Парки, лошади, обозы, артиллерія — все перемѣшалось, совершенно потерявъ видъ организованной воинской силы, и стремительнымъ потокомъ бросилось на Сальково въ спасительный Крымъ.

Какъ въ узкое горлышко бутылки, вливалась вся эта масса голодныхъ, измученныхъ, панически настроенныхъ людей, руководимая идеей полнѣйшей неприступности Крыма, но, потерявъ своихъ начальниковъ и не будучи сведена въ боевыя еденицы, связанныя со штабами, съ разбѣгу проходила намѣченныя линіи обороны. Такимъ образомъ весь Чонгарскій полуостровъ, съ его оборонительными постройками, былъ оставленъ безъ боя.

Нужны были резервы, чтобы замѣнить уставшія части, такъ какъ красные могли каждую минуту ворваться въ Крымъ на плечахъ у русской арміи, но резервовъ, несмотря на большое количество отступавшихъ, не было.

Тяжелое положеніе арміи усугублялось тѣмъ, что весь районъ къ сѣверу отъ Джанкоя — отличался совершеннымъ отсутствіемъ большихъ деревень, а потому вся масса войскъ, потерявъ свои обозы и хозяйственныя части, должна была проводить дни и ночи на морозѣ или въ нетопленныхъ лѣтнихъ дачахъ.

При апатіи тыла, устремившаго все свое вниманіе на спасительный Константинополь, трудно было расчитывать, что кто-нибудь позаботится о замерзавшихъ на 20° морозѣ защитникахъ Крыма.

Оборона Крыма была поручена Ген. Кутепову. Началась перегруппировка, на которую ушло много времени. Повсюду на командныхъ должностяхъ находились военачальники, не участвовавшіе въ прошлогодней зимней оборонѣ, а потому слабо знакомые съ особенностями боевыхъ операцій на перешейкахъ.

Секретъ прошлогодняго успѣха Слащева заключался въ томъ, что онъ все время велъ маневренную войну и оборонялся только аттаками. Поэтому, имѣя крупный резервъ гдѣнибудь около Джанкоя, надо было бросить Чонгарскій полуостровъ (что уже было сдѣлано) и Перекопскій перешеекъ и заморозить врага въ этихъ мѣстностяхъ, разбивая его по частямъ, когда онъ будетъ наступать и разворачиваться. Широкое содѣйствіе въ обезпеченіи фланговъ отъ обхода долженъ былъ оказать флотъ.

Этотъ планъ не былъ принятъ Главнокомандующимъ, такъ какъ Врангель расчитывалъ, что имѣетъ достаточно большія силы для того, чтобы задержать противника въ око-

пахъ. Ему же возражали, что наши войска не способны выдержать вида наступающаго противника, разъ они будутъ сидѣть безпрерывно въ окопахъ. Жилищъ для такой массы войскъ не хватитъ; они замерзнутъ, и иниціатива будетъ всецѣло въ рукахъ красныхъ.

Не обладая спеціальными военными познаніями, трудно судить, кто былъ правъ въ этомъ разногласіи. Думается, что вся трагедія русской арміи заключалась въ неумѣніи Ставки сберечь нѣсколько тысячъ отборныхъ войскъ, которыя должны были быть использованы только для обороны Крыма на случай отступленія арміи изъ Сѣв. Таврiи. Нельзя было расчитывать, чтобы деморализованныя, отступившія войска проявили бы стойкость при оборонѣ. Кромѣ того, большая численность отступившихъ (число красныхъ немногимъ превышало армію, доставленную въ Константинополь) была скорѣе недостаткомъ, чѣмъ достоинствомъ защитниковъ Крыма, такъ какъ боеспособное меньшинство тонуло въ рыхломъ большинствѣ утомленныхъ, потерявшихъ всякую охоту къ борьбѣ людей.

Вслѣдствіе Этого, напримѣръ, оборона Чувашскаго полуострова на правомъ флангѣ Перекопскаго вала, была поручена частямъ Ген. Фостикова — девятитысячной дивизіи молодыхъ кубанцевъ, доставленныхъ въ Крымъ изъ Адлера и почти не умѣвшихъ владѣть оружіемъ.

Это была тяжелая ошибка, которая не замедлила дать большевикамъ возможность столь быстраго овладѣнія Крымомъ, какое не снилось даже самымъ безнадежнымъ пессимистамъ. Всѣ такъ привыкли вѣрить въ неприступность Перекопскихъ позицій и полагаться во всемъ на умѣніе Главнокомандующаго выводить армію изъ любого тяжелаго положенія, что зловѣщіе слухи, которые ползли въ нервной атмосферѣ тыла, принимались за большевистскую провокацію.

Больше опасались голода и топливнаго кризиса (и это было совершенно реальной угрозой), чѣмъ прихода «товарищей». Къ тому же какая-то таинственная рука сразу припрятала хлѣбъ, и, хотя въ остальномъ на базарахъ еще не ощущалось недостатка, цѣны на продовольствіе въ одинъ день взлетѣли вверхъ.

Снова заговорили объ отъѣздѣ Кривошеина. Да и онъ самъ, обезкураженный настойчивыми аттаками красныхъ и предчувствуя бѣду, началъ жаловаться на переутомленіе и собираться въ обратный путь.

Несмотря на все это, 24 октября въ Севастополь прибылъ пароходъ съ бѣженцами съ Принцевыхъ острововъ, которые слонялись по улицамъ, не зная, куда преклонить головы.

А въ это время обстановка на фронтѣ складывалась слѣдующимъ образомъ:

Въ ночь на 27 октября большевики переправились въ количествѣ двухъ пѣхотныхъ дивизій и массы конницы чрезъ замерзшій Сивашъ и безъ особаго труда овладѣли позиціей, которую занимали кубанцы Ген. Фостикова. Такимъ образомъ они очутились въ глубокомъ тылу у Корниловцевъ и Дроздовцевъ, защищавшихъ Перекопъ. Побросавъ артиллерію, послѣдніе пробились штыками къ югу.

На правомъ же флангѣ, на Чонгарскомъ полуостровѣ большевики были отброшены.

Но ключъ Крыма былъ на лѣвомъ флангѣ у с. Юшунъ, для овладѣнія которымъ большевики доставили еще небывалое количество артиллеріи. Юшунскія позиціи защищались Дроздовцами, Марковцами и спѣшенными частями Ген. Барбовича.

Послѣ сильнѣйшей артиллерійской подготовки, красные густыми массами обрушились на послѣдній оплотъ защитниковъ Крыма. Горы труповъ покрыли подступы къ позиціямъ, аттаки слѣдовали за аттаками, и наконецъ, позиціи были прорваны.

Красные ворвались въ Крымъ . . .

Паника поднялась въ Севастополѣ невообразимая. Въ нѣсколько часовъ самыя жизненныя учрежденія были готовы къ эвакуаціи. Штабы предполагали, однако, задержать эвакуацію гражданскихъ учрежденій, но Кривошеинъ рѣшительно воспротивился этому:

— Я не зналъ, сказалъ онъ Ген. Шатилову: что забота о спасеніи жизни составляетъ привиллегію военныхъ.

28 октября Ген. Слащевъ получилъ предложеніе Главнокомандующаго выѣхать на фронтъ въ распоряженіе Ген. Кутепова «для объединенія командованія частями на одномъ изъ участковъ фронта». Но на слѣдующій день былъ объявленъ приказъ объ общей эвакуаціи, который не оставлялъ сомнѣнія въ томъ, что каждому предоставлялось спасаться отъ большевиковъ тѣми способами, которые онъ сочтетъ наиболѣе удобными.

Говорили, что на настроеніе Ген. Врангеля и на его дальнѣйшій отказъ отъ борьбы съ большевиками повліяли слова Ген. Кутепова, который указалъ, что, при отсутствіи пополненій, вести упорные бои долго не придется. Разъ такіе титаны гражданской войны, какъ Кутеповъ, сгибались — что же оставалось дѣлать остальнымъ, маленькимъ и слабымъ духомъ?

Повидимому, годъ сидѣнія въ Крыму, подъ угрозой краснаго нашествія, не прошелъ для населенія даромъ: въ одинъ день всѣ были готовы къ погрузкѣ на пароходы. Въ виду невозможности, за краткостью срока, какого бы то ни было отбора эвакуируемыхъ, на пароходы проникло множество бѣженцевъ, которымъ непосредственной опасности отъ прихода большевиковъ не угрожало. Поэтому нѣкоторыя военныя части, прикрывавшія отступленіе, остались безъ мѣста на пароходахъ.

Нельзя вспомнить безъ содраганія картины, разыгравшіяся 30 и 31 октября у пароходныхъ пристаней Севастополя, Ялты и др. приморскихъ городовъ. Всякій думалъ только о себѣ, такъ какъ даже больные и раненые были предоставлены своимъ собственнымъ силамъ въ ихъ стремленіи выбраться изъ Крыма.

Нельзя сказать, что Правительство Юга Россіи не использовало всѣхъ имѣвшихся въ его распоряженіи средствъ для того, чтобы вывезти изъ Крыма возможно большее количество бѣженцевъ. Вѣдь какъ никакъ въ первыхъ числахъ ноября въ Константинополь прибыло 127 русскихъ вымпеловъ, доставившихъ около 140000 бѣженцевъ. И если бы франко-англійское командованіе немного иначе понимало бы свой долгъ предъ изгнанниками изъ Россіи за вѣрность союзникамъ, оно могло бы, путемъ посылки 5—6 пароходовъ въ Севастополь и Керчь, спасти отъ ярости красныхъ немало русскихъ людей.

Этого, конечно, сдѣлано не было, чтобы не отягощать бюджета Антанты содержаніемъ лишняго десятка тысячъ бѣженцевъ. И безъ этого составъ эвакуируемыхъ приводилъ союзное командованіе въ ужасъ. Кого тутъ не было, не считая представителей офиціальнаго міра и военныхъ: и портовые рабочіе, и сестры милосердія, и священники, и калмычки съ дѣтьми, и желѣзнодорожники, и крестьяне-колонисты, и мелкіе чиновники, и просто Севастопольскіе обыватели, не имѣвшіе никакого отношенія къ гражданской войнѣ, и бѣженцы, отступившіе съ сѣвера еще съ Добровольческой. Арміей и ставшіе въ Крыму нищими, и даже повстанцы изъ Махновскихъ бандъ — все это пустилось вплавь къ невѣдомымъ берегамъ, чтобы только избѣжать совѣтскаго рая.

Оставшееся населеніе провожало уѣзжавшихъ безъ враждебности. Отъ большевиковъ, память о которыхъ послѣ 1919 года еще ни у кого не изгладилась, не ждали ничего хорошаго. Поэтому никто не стрѣлялъ изъ оконъ по отступавшимъ войскамъ и не слѣдовалъ обычаю русской революціи бить лежачаго. Къ тому же бѣженская масса такъ мало походила на спасающихъ свою шкуру буржуевъ, что даже у самыхъ непримиримыхъ пролетаріевъ не потянулась бы рука за камнемъ, чтобы бросить его вдогонку отъѣзжавшимъ.

Не побѣжденныхъ капиталистовъ напоминали эти потерявшіе разсудокъ люди, отягощенные дѣтьми и пожитками, а бѣглецовъ предъ приближеніемъ стихійной катастрофы, вродѣ землетрясенія, степного пожара или изверженія Везувія.

Зрѣлище весьма поучительное для тѣхъ, кто, отвергая большевиковъ, стремится объяснить неуспѣхъ бѣлыхъ враждебностью къ нимъ такъ называемой демократіи. Если бы эти упрямцы могли наблюдать картины гражданской войны въ Россіи не изъ Парижскаго или Берлинскаго далека, а путемъ

непосредственнаго воспріятія, они убѣдились бы, что не только демократія, но даже «лумпенъ-пролетаріатъ», каковымъ на 50% была Крымская бѣженская масса, стремился присоединиться къ оступавшей въ море русской арміи.

Въ одномъ только недостаточно типичными демократами были эти оборванные, голодные и физически грязные люди: въ томъ, что потерявъ все, они еще сохранили свою гордость и не умѣли «подчиняться насилію», какъ повелѣваетъ хорошій демократическій тонъ.

Но, думается, что именно это обстоятельство позволяетъ не смотрѣть мрачно на будущее Россіи.

Недаромъ сказалъ Ф. М. Достоевскій: «судите русскій народъ не по тѣмъ мерзостямъ, которыя онъ такъ часто дѣлаетъ, а по тѣмъ великимъ и святымъ вещамъ, по которымъ онъ и въ своей мерзости постоянно воздыхаетъ».

Какъ ни велики были ошибки Правительства Юга Россіи, приведшіе русскую армію къ безславному исходу, одна картина оставленія въ двое сутокъ 140000 русскихъ людей, вмѣстѣ съ русской арміей, ея послѣдняго прибѣжища свидѣтельствуетъ о томъ, что широкіе слои населенія все поняли и все простили ея вождямъ.

ГЛАВА XV.

Отступленіе ... въ море.

Несмотря на то, что я запасся всѣми необходимыми удостовѣреніями для погрузки на «Ріонъ» и подлежалъ «обязательной эвакуаціи», на пароходъ удалось попасть какимъ-то чудомъ, послѣ шестичасового стоянія въ толпѣ и душу раздирающихъ сценъ у трапа.

На «Ріонѣ» держалъ флагъ Ген. Петровъ (комендантъ Главной Квартиры Штаба Главнокомандующаго), а пассажирами этого гигантскаго парохода должны были быть многочисленные офицеры тыловыхъ учрежденій арміи: интендантства, снабженія, продовольствія, контръ-развѣдокъ, гауптъ-вахтъ и мѣстъ заключеній, т. е. самая храбрая и доблестная часть военнаго элемента, которому армія, можетъ быть, болѣе всего была обязана происшедшей катастрофой. Но, конечно, въ минуту опасности всѣ эти господа оказались первыми у пароходныхъ траповъ.

На глазахъ у чаявшихъ попасть на спасительный пароходъ, сперва грузили свиней для питанія тыловыхъ превосходительствъ и ящики съ увозимымъ казеннымъ добромъ, а затѣмъ уже подъ вечеръ вспомнили о «штатскихъ»: журналистахъ, врачахъ, сестрахъ милосердія, профессорахъ и прокурорахъ. Генералъ Петровъ распоряжался порядкомъ эвакуаціи, уцѣ-

пившись обѣими руками въ «загривки» двухъ своихъ ординарцевъ и брыкая ногами въ лицо запоздавшимъ женщинамъ. Когда какая-нибудь унылая фигура не повиновалась его окрикамъ, тогда появлялись рослые молодцы съ винтовками съ примкнутыми штыками, и пожитки несчастнаго летѣли въ море.

Еще на берегу чернѣла густая толпа народа, когда трапы начали панически убирать (какъ потомъ выяснилось, кто-то шепнулъ Ген. Петрову, что большевики готовятъ нападеніе на пароходъ), и доступъ на пароходъ былъ прекращенъ. Полурастерзанные, оглушенные тумаками и площадной бранью, грохнулись мы наконецъ на палубу «Ріона».

Въ темнотѣ переполненный «Ріонъ» (около 6000 бѣженцевъ) стали выводить на Большой рейдъ.

На вокзалѣ пылали склады американскаго Краснаго Креста, въ городѣ было тихо, и пароходъ огромный, какъ островъ, наполненный копошившимися около своего добра людьми, медленно двигался по черному зеркалу залива, отражавшему гаснущіе огни Севастополя.

Ночь провели на кормѣ, на чемоданахъ, коченѣя съ непривычки отъ октябрьскаго вѣтра и сырости.

Кто-то застрѣлился, оставивъ на берегу ребенка, кого-то вытаскивали изъ воды...

На утро 31-го октября (суббота) «Ріонъ» снялся съ якоря и однимъ изъ первыхъ вышелъ въ море.

. . . .

Грузно переваливаясь, съ сильнымъ креномъ, тихо двигается по свинцовой глади моря одинъ изъ осколковъ гибнущей Россіи.

На огромныхъ палубахъ буквально яблоку негдѣ упасть отъ людей въ формѣ. Военный элементъ преобладаетъ и задаетъ всему тонъ.

Всѣ сидятъ или лежатъ на безчисленныхъ ящикахъ имущества, подлежащаго ликвидаціи на туманномъ бѣженскомъ пути. Ненавидятъ другъ друга до бѣшенства, до желанія выбросить за бортъ, точно каждый видитъ въ своемъ сосѣдѣ виновника этого отступленія.

Около часа дня очертанія Крымскаго берега въ послѣдній разъ мелькнули за кормой. «Ріонъ» взялъ курсъ на югъ.

На пароходѣ нѣтъ воды, угля хватитъ лишь на полъ рейса, и передъ отплытіемъ изъ Севастополя $^3/_4$ команды сошло на берегъ. Обязанности матросовъ исполняютъ какіе-то молодые люди. Команднаго состава корабля совершенно не видно.

Тащимъ на буксирѣ миноносецъ «Звонкій». Къ его кормѣ, въ свою очередь, въ Севастополѣ прицѣпилась маленькая шхуна съ сетрой милосердія и юношей-кадетомъ, которыхъ отказались принять на бортъ.

И вотъ въ морѣ шхуну эту оторвало волной...

На это на «Ріонѣ» никто не обратилъ даже вниманія. — Гдѣ тамъ!

Вся палуба — сплошной военный лагерь, напоминающій пиръ Батыя послѣ битвы при Калкѣ. Вся эта публика чертыхается, чавкаетъ, храпитъ, справляетъ естественныя потребности, толкается отчаянно колѣнями и локтями, оретъ и запугиваетъ другъ друга чудовищными угрозами.

То тутъ, то тамъ разнимаютъ сцѣпившихся тыловыхъ полковниковъ и капитановъ, готовыхъ другъ друга застрѣлить изъ за кружки кипятку или передвинутаго чемодана.

Ходятъ другъ другу по ногамъ, обливаютъ борщомъ и кипяткомъ, ругаются въ очередяхъ у уборныхъ площадной бранью, не стѣняясь близостью женщинъ и дѣтей.

А въ каютахъ расположилась привиллегированная публика, въ погонахъ и безъ оныхъ. Вся тыловая накипь, квалифицированные авантюристы, шакалы и гіены гражданской войны со своими самками, червонные валеты въ фантастическихъ формахъ, исполненные показного апломба, способные на любую низость вплоть до убійства беззащитнаго — все это пьянствуетъ, поѣдаетъ консервы, неуклюже переваливаясь немытымъ тѣломъ и скручивая корявыми пальцами безчисленныя собачьи ножки...

Въ этой атмосферѣ хамства и сквернословія пришлось провести восемь дней на дождѣ и вѣтрѣ, безъ воды и пищи, и если бы не американскій крейсеръ Сенъ-Луи, который взялъ насъ въ 80 миляхъ отъ Босфора на буксиръ, мы бы навѣрное погибли.

Американцы же доставили намъ немного продовольствія и сами распредѣляли его между женщинами и дѣтьми, не довѣряя назначеннымъ Ген. Петровымъ лицамъ.

Двое сутокъ стояли на Босфорѣ, двое — у залива Моды въ Мраморномъ морѣ. Наконецъ невоенный элементъ начали снимать къ вечеру девятаго дня.

Оставляя «Ріонъ», одинъ изъ моихъ спутниковъ назвалъ его «кораблемъ пиратовъ». И дѣйствительно, огромный пароходъ, вздрагивавшій отъ злобныхъ выкриковъ, тумаковъ и ругательствъ, переполненный людьми, потерявшими человѣческій образъ, въ темнотѣ ночи представлялъ собою жуткое зрѣлище.

Глухо шумѣло Мраморное море, видѣвшее и не такіе виды въ смѣнѣ вѣковъ и народовъ, и нашъ пароходикъ увозилъ насъ быстро въ загадочную темноту . . .

ГЛАВА XVI.

Заключенiе.

Итакъ судьбѣ было угодно, чтобы послѣдняя попытка пробудить русскiй народъ отъ краснаго оцѣпенѣнiя и показать ему лучшую жизнь окончилась неудачей, какъ и всѣ предшествующiя; чтобы самый тупой, жестокiй и нелѣпый изъ всѣхъ существовавшихъ въ исторiи деспотическихъ режимовъ – среднее между господствомъ солдатъ въ древнемъ Римѣ и хозарскимъ игомъ — утвердился на всемъ пространствѣ Россiи; чтобы октябрьская авантюра Ленина и Бронштейна была возведена на ступень историческаго факта мiрового значенiя; — чтобы, наконецъ, героическiя усилiя русскихъ людей направить судьбу нашей родины по иному руслу — подъ ударами ослиныхъ копытъ — были низведены до уровня жалкой авантюры!

Намъ, спасшимся на чужбину отъ катастрофы, остается уповать, что, можетъ-быть, когда-нибудь къ намъ будутъ примѣнены слова евангельской мудрости: «Блаженны изгнанные за правду».

Психологiя побѣжденныхъ всегда мучительно ищетъ виновниковъ неудачи, чтобы пригвоздить ихъ къ позорному столбу и облегчить душу. Въ особенности за годы революцiи и войны мы, русскiе, приняли за правило, объясняя постигшiя нашу родину испытанiя, избирать ограниченный кругъ лицъ мишенью для самыхъ тяжкихъ обвиненiй, точно такой прiемъ сдѣлаетъ насъ самихъ бѣлѣе Альпiйскихъ снѣговъ.

Но не надо никому уклоняться отъ личной отвѣтственности: въ Крымской катастрофѣ виновны всѣ, раздѣлявшiе судьбу русской армiи, начиная съ Главнокомандующаго и кончая послѣднимъ канцелярскимъ сторожемъ, и только тѣ внѣ упрека, кто сложилъ свои головы въ этой послѣдней борьбѣ.

Но стократъ виновнѣе тѣ, кто не принялъ участiя въ кровавой страдѣ русской армiи, кто, ограничиваясь платоническимъ сочувствiемъ, слишкомъ мало горѣлъ жертвеннымъ огнемъ, кто проявлялъ дѣйствительную и солидарную активность, когда фронтъ начиналъ изнемогать и надо было приниматься за укладыванiе чемодановъ.

Вѣдь если на 140000 бѣженцевъ, прибывшихъ въ началѣ ноября ст. ст. въ Константинополь, только одна пятая приходилась на боевой составъ русской армiи, какимъ ничтожнымъ процентомъ было число защитниковъ Крыма по сравненiю съ количествомъ апатичнаго, трусливаго, умѣвшаго только проклинать большевиковъ «мирнаго» населенiя! И ни популярность Ген. Врангеля, ни полная изолированность Таврическаго полуострова отъ красныхъ не облегчили задачу разбудить апатiю тыла, который мало чѣмъ отличался отъ тыловъ Колчака

или Деникина, какъ ни умолялъ Главнокомандующій «русскихъ людей» придти ему на помощь.

Врангель писалъ въ своихъ приказахъ: «Помогите мнѣ спасти родину!» Большевики поступали иначе: они брали за шиворотъ тѣхъ, кому выгодно было ихъ господство и гнали въ огонь. Къ этой системѣ бѣлые, увлеченные первыми успѣхами, всегда приходили слишкомъ поздно, а потому успѣхи смѣнялись пораженіями и катастрофой.

Однако, позволительно думать, что, если бы отвѣтственные руководители русской арміи, бывшіе полновластными хозяевами въ маленькомъ Крыму, кое въ чемъ отступили бы отъ традицій Особаго Совѣщанія Ген. Деникина и попробовали бы отыскать иные способы для борьбы съ равнодушіемъ тыла, хотя бы служа населенію добрымъ примѣромъ трудолюбія, безкорыстія, хозяйственной предусмотрительности и патріотизма, результаты отъ этого всего не замедлили бы послѣдовать совершенно иные, чѣмъ осенью 1920 года.

Какъ никакъ въ населеніи Тавриды были хорошіе задатки, съ которыми не сравнится ни пассивность хохла, ни казачья неустойчивость; не было недостатка въ бѣженской массѣ и въ энергичныхъ людяхъ, для которыхъ понятіе о чести и долгѣ не являлось пустымъ звукомъ. Надо было только съумѣть ихъ найти и использовать, рѣшительно отметая отъ себя всѣ негодные элементы, цѣплявшіеся, благодаря связямъ и матеріальной заинтересованности, за власть и вліяніе. Возможно, что для этого у Правительства Юга Россіи не было достаточно времени. Но у него не было и мужества чистосердечно признаться Главнокомандующему въ своемъ безсиліи помочь русской арміи въ ея тяжеломъ подвигѣ и уступить мѣсто людямъ болѣе достойнымъ, самоотверженнымъ и энергичнымъ.

Сколь бы ни незначительны были возможности Крымскаго тупика, въ эпопеѣ борьбы русской арміи за послѣднюю пядь родной земли было очень много поучительнаго. На этой пяди, какъ въ каплѣ воды, отразились всѣ характерныя особенности антибольшевисткихъ движеній: героизмъ и подвижничество единицъ, трусость и своекорыстіе множества, отсутствіе продуманной системы у власть имѣвшихъ, пассивное послушаніе у подвластныхъ, безпечность у тѣхъ и другихъ.

Какъ мѣтко охарактеризовалъ Крымскій тылъ какой-то острословъ: «Сверху прострація, по серединѣ саботажъ, а внизу спекуляція.»

Прежде всего вожди русской арміи роковымъ образомъ повторили ошибку своихъ предшественниковъ, переоцѣнивая значеніе красной арміи. Въ многочисленныхъ приказахъ по арміи, въ побѣдныхъ реляціяхъ и обращеніяхъ къ населенію главное командованіе неизмѣнно изображало большевиковъ бандой какихъ-то хулигановъ, разбѣгавшихся при первомъ столкновеніи

съ русской арміей. Что ни день, съ фронта летѣли легковѣсныя сообщенія военныхъ кореспондентовъ, въ которыхъ первое мѣсто занимали слова «зарублено», «уничтожено», «взято въ плѣнъ» въ примѣненіи къ цѣлымъ дивизіямъ красныхъ. Вслѣдствіе этого, послѣ первыхъ успѣховъ, одна часть населенія проникалась психологіей: «шапками закидаемъ», а другая — переставала реагировать вообще на какія-бы то ни было побѣдныя сообщенія.

Между тѣмъ — пора наконецъ это честно признать, — трехлѣтняя гражданская война, обезкровивъ бѣлыхъ, превратила большевиковъ изъ рыхлой вооруженной массы въ подобіе организованной военной силы. Въ первые мѣсяцы 1918 года зародышъ Добровольческой Арміи легко проходилъ по всѣмъ направленіямъ чрезъ смыкавшееся вокругъ него на степяхъ Кубани кольцо красныхъ. — Черезъ два года корпусъ Буденнаго заставилъ попятиться Добровольческую Армію отъ Орла до Новороссійска.

Еще болѣе окрѣпла и съорганизовалась во внушительную силу красная армія во время войны съ Польшей, а окончаніе этой войны позволило большевикамъ совредоточить всѣ усилія на южномъ фронтѣ.

Къ сожалѣнію, штабы русской арміи продолжали попрежнему жить иллюзіями добровольчества, хотя неудача съ Каховкой и Таманская операція и дали имъ въ этомъ отношеніи тяжелые уроки. И несмотря на то, что первоклассному стратегу и тактику, храброму и рѣшительному солдату Генералу Врангелю былъ противопоставленъ какой-то выходецъ изъ нѣдръ коммунистической партіи Фрунзе, имѣвшій въ прошломъ, какъ добрый коммунистъ, гораздо больше уголовныхъ дѣлъ, чѣмъ выигранныхъ баталій, — Фрунзе побѣдилъ Врангеля и побѣдилъ съ оружіемъ въ рукахъ.

И сколь бы ни было велико презрѣніе къ тактикѣ красныхъ, царившее въ Крымскихъ штабахъ, осенью 1920 года у красныхъ оказалась на фронтѣ и подавляющая артиллерія, и ураганный огонь, и великолѣпно поставленныя развѣдка и даже горючая жидкость, которая была примѣнена во время одной ихъ аттакъ. А у бѣлыхъ? — У бѣлыхъ не нашлось даже теплой одежды, чтобы защитники Крыма не замерзали на двадцатиградусномъ морозѣ, и армія Врангеля раздѣлила судьбу Добровольческой Арміи изъ за самоувѣренности ея руководителей, ничему не научившихся на примѣрѣ прошлаго года.

Если же къ этому прибавить, что, при взятіи Крыма, красные вовсе не располагали такимъ подавляющимъ надъ бѣлыми численнымъ превосходствомъ, которое дѣлало бы всякое дальнѣйшее сопротивленіе русской арміи безполезнымъ, то невольно закрадывается сомнѣніе относительно военныхъ талантовъ ея вождей и вдохновителей. — Неужели Ген.

Врангель — испытанный вождь гражданской войны, въ критическую минуту арміи не нашелъ въ себѣ достаточно вдохновенія, хладнокровія и предусмотрительности, чтобы избѣжать или, по крайней мѣрѣ, отсрочить военное пораженіе своей геройской арміи?

Освѣдомленныя лица утверждаютъ, что «доблестные союзники» (въ данномъ случаѣ французы) уговорили Главнокомандующаго оставить Крымъ. Мартель будто бы для того и пріѣзжалъ въ Севастополь, чтобы убѣдить Ген. Врангеля въ безцѣльности дальнѣйшей борьбы при данномъ состояніи арміи и перегруженности тыла гражданскими учрежденіями и бѣженцами. Въ надеждѣ на то, что небоеспособные элементы населенія покинутъ Крымъ вмѣстѣ съ арміей, французы яко бы предложили Правительству Юга Россіи эвакуировать армію на Балканы съ тѣмъ, чтобы весною 1921 года, приведя армію въ состояніе боеспособности, Ген. Врангель, опираясь на боевой флотъ, могъ бы налегкѣ высадить десантъ на побережьи Сѣв. Тавріи и безъ труда овладѣть снова Крымомъ.

Такъ по крайней мѣрѣ объясняла стоустая молва, при посадкѣ войскъ на пароходы, столь скоропалительное оставленіе Крыма тридцатитысячной арміей Ген. Врангеля. И по всей вѣроятности, извѣстная доля истины въ этой версіи имѣется, тѣмъ болѣе, что въ теченіе всего 1921 года русская армія держалась на чужбинѣ въ боевой готовности. Но главному командованію не мѣшало бы знать, что значитъ обѣщанія масонско-республиканскаго генерала, да еще такого испытаннаго предателя русскихъ національныхъ интересовъ, какимъ былъ графъ де-Мартель.

Однако, если бы французы въ преждевременномъ оставленіи Крыма были бы дѣйствительно не причемъ, октябрьская катастрофа ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть истолкована плохими боевыми качествами арміи или тактическою бездарностью ея вождей. Здѣсь должны быть вновь выдвинуты все тѣ-же обстоятельства, роковая роль которыхъ уже отмѣчалась неоднократно,

Отвратительное укрѣпленіе позицій Ген. Юзефовичемъ, несмотря на тактическую доблесть войскъ, не позволило имъ оказать на позиціяхъ надлежащаго сопротивленія противнику.

Экономическая политика Бернацкаго, обратившая тылъ въ спекулянтскій лагерь, и попустительство Ген. Врангеля Кривошеину лишило армію резерва, который легко бы могъ быть созданъ въ тылу, но при создавшихся условіяхъ собранъ быть не могъ.

Такимъ образомъ недобросовѣстность подготовки обороны Крыма, внезапно обнаружившаяся для Главнаго Командованія, есть главная причина военной неудачи въ октябрѣ 1920 года. Врангель и его Штабъ безусловно виноваты, про-

глядѣвъ эту недобросовѣстность. Но даже при наличности хорошо подготовленной позиціи, раздѣтыя и голодныя войска могли и не выдержать по чисто физіологическимъ причинамъ. Въ томъ же, что армія была раздѣта и голодна, были виноваты исключительно Кривошеинъ и его сотрудники, позволившіе себѣ игнорировать даже распоряженія Главнокомандующаго и лишившіе интендантство возможности сдѣлать это въ нужномъ масштабѣ своими силами.

Но, если у Правительства Юга Россіи не было серьезной заботы о своей главной опорѣ и поддержкѣ — объ арміи — то оно не отличалось также и стремленіемъ къ независимой международной политикѣ. Въ самомъ дѣлѣ: въ Крыму дѣлалось большое историческое дѣло, накоплялись силы для приступа къ національному возрожденію умирающей Россіи. Казалось бы, вотъ гдѣ могло Правительство открыть полное достоинства лицо и тѣмъ привлечь симпатіи многомилліонной Россіи, охваченной патріотическимъ негодованіемъ по адресу расхитителей ея достоянія.

Съ 1918 года Россія пережила рядъ интервенцій, которыя неизмѣнно оканчивались отступленіемъ интервентовъ и стихійнымъ ростомъ національной ненависти по адресу нѣмцевъ, англичанъ, французовъ, поляковъ и т. п. «Безъ лести преданный» англичанамъ Ген. Деникинъ, стоя подъ Орломъ, былъ ими преданъ въ Архангельскѣ и подъ Петроградомъ. Этотъ тяжелый урокъ не долженъ былъ пройти безслѣдно для преемниковъ Главнокомандующаго Добровольческой Арміи. Не надо было рискованныхъ авантюръ, вродѣ сближенія съ нѣмцами или съ Кемалемъ-Пашею, зрѣвшихъ въ горячихъ головахъ Севастопольскаго тупика, но не надо было и той угодливости, съ которой еще непризнанное никѣмъ Правительство Юга Россіи, напр. торопилось «признать», чрезъ Парижскихъ торгово-промышленниковъ, долги Императорскаго Правительства западноевропейской буржуазіи.

Гораздо болѣе правильно понимало психологію широкихъ слоевъ населенія совѣтское правительство, когда утверждало, что эти долги оплачены русской кровью и тѣми выгодами, которыя пріобрѣла Антанта своей побѣдой надъ Германіей, благодаря героизму русскаго офицера и солдата.

Въ маѣ мѣсяцѣ стало общеизвѣстнымъ, что англійская поддержка русской арміи прекращается. Наступившій «французскій сезонъ» не измѣнилъ къ лучшему положенія русской арміи, кромѣ того, что въ Севастополь нахлынула туча интернаціональныхъ кореспондентовъ, среди которыхъ было немало и большевиковъ — для информированія европейскаго общественнаго мнѣнія.

И предъ всѣми этими прекрасно одѣтыми господами, съ высокомѣрными физіономіями и иностранной валютой, пре-

смыкалась русская государственная власть, какъ будто любезности по адресу какихъ-нибудь колоніальныхъ полковниковъ или командировъ миноносцевъ могли умилостивить заскорузлое сердце Ллойдъ Джорджа или заставить французскихъ виноторговцевъ вспомнить о своемъ долгѣ предъ Страстотерпицей Россіей!

Имъ отводились лучшія помѣщенія въ городахъ (а офицеры, пріѣзжавшіе съ фронта, ночевали подъ открытымъ небомъ), они были повсюду на положеніи высшей расы, и даже самъ Главнокомандующій заботился о томъ, чтобы ни одного слова горькой правды (единственное скромное удовлетвореніе уязвленнаго русскаго самолюбія!) не проникло въ печать о ихъ правительствахъ. Словомъ Правительство Юга Россіи, не имѣя въ своей неравной борьбѣ съ большевиками никакой фактической поддержки со стороны Антанты, дѣлало все отъ него зависѣвшее, чтобы въ глазахъ населенія Россіи за Ген. Врангелемъ упрочилась бы репутація «прислужника европейской буржуазіи».

Преклоненіе передъ иностранцами очень характерно для насъ, русскихъ. Мы вѣдь національнаго чувства не воспитали въ себѣ, а пресмыкаться предъ европейцами всегда любили. Что же удивительнаго, что въ невѣроятной обстановкѣ крушенія Великой Россіи всплывшія на поверхность лица, возглавлявшія антибольшевистское теченіе, въ первую голову не у себя искали спасенія. Время Минина и Пожарскаго, по многимъ причинамъ, увы! уже повториться не могло. Не тѣмъ духомъ жили, не тѣмъ воздухомъ дышали все время до катастрофы на Югѣ Россіи и переродиться по мановенію волшебной палочки Врангеля не могли. Лучшимъ доказательствомъ того, насколько мы измельчали, служитъ пятилѣтнее большевистское иго, гибель несчастнаго Государя и Его Семьи и политическая грызня эмиграціи за границей. Лозунгъ «За Вѣру, Царя и Отечество» для большинства оказался непрочной вывѣской безъ внутренняго содержанія. Въ Россіи не нашлось людей, чтобы поднять религіозное движеніе противъ святотатцевъ, чтобы спасти Государя цѣною своихъ жизней, чтобы сплотиться во едино для борьбы съ общимъ врагомъ, позабывъ свои платформенныя мечтанія. Убиваютъ Набокова и не покушаются на Бронштейна. Имѣютъ средства для борьбы, но предпочитаютъ ихъ тратить на себя. Сидятъ по заграницамъ и ждутъ, чтобы кто-то все для нихъ сдѣлалъ. — Врангель всего этого не учелъ раньше, да и не могъ учесть, такъ какъ у него у самаго на многое глаза были въ шорахъ. Честный, энергичный гвардеецъ — вотъ Врангель. Но не государственный умъ, не Пожарскій. Блюхеръ безъ своего Гнейзенау.

Точно также и во внутренней политикѣ трагедія Ген. Врангеля, подобно другимъ «бѣлымъ генераламъ», заключа-

лась въ томъ, что онъ, не будучи не только связаннымъ съ какими-нибудь буржуазными группами, но даже не получая элементарной благотворительной помощи для раненыхъ, вдовъ и сиротъ со стороны отечественныхъ толстосумовъ, долженъ былъ, въ силу бѣдности воображенія тыловыхъ политиковъ, возстанавливать въ освобождаемыхъ отъ красныхъ мѣстностяхъ прежнія соціальныя отношенія. Открещиваясь всѣми способами отъ заподозрѣваній въ монархизмѣ (а между тѣмъ русскій народъ на всемъ протяженіи революціи былъ и остался приверженцемъ единоличной власти, и за коллегіальное или выборное начало стояла лишь часть интеллигенціи), они раздражали сельское населеніе и рабочихъ тѣмъ, что, вмѣсто твердой власти, давали зависимость помѣщика, фабриканта или торговца-спекулянта, которые стремились использовать непродолжительный сезонъ военныхъ успѣховъ бѣлыхъ не для самоотверженной борьбы съ хозяйственнымъ разваломъ, но для самообогощенія.

Невольно вспоминаются хитроумные законы, выработанные Особымъ Совѣщаніемъ Ген. Деникина, по всѣмъ правиламъ кадетскаго катехизиса, но которые однимъ своимъ внѣшнимъ видомъ раздражали населеніе. Какъ ни нелѣпъ совѣтскій строй, приходится, однако, признать, что многіе изъ его декретовъ успѣли произвести такія глубокія измѣненія въ народной психологіи, что, можетъ быть, было бы гораздо цѣлесообразнѣе, при освобожденіи тѣхъ или другихъ мѣстностей отъ красныхъ, ограничиться удаленіемъ изъ большевистской администраціи инородцевъ и лицъ съ уголовнымъ прошлымъ и, смягчивъ ненужныя жестокости коммунистическаго режима, временно воздержаться отъ возстановленія дореволюціонныхъ соціальныхъ отношеній при помощи никуда негоднаго административнаго аппарата.

Надо сознаться, что ни въ какомъ другомъ народѣ, какъ въ русскомъ, не заложенъ такъ глубоко духъ политическаго противорѣчія. Вотъ почему на всемъ протяженіи гражданской войны въ Россіи настроеніе не участвовавшаго въ борьбѣ населенія было неизмѣнно враждебнымъ существовавшей власти: въ Москвѣ ждали Деникина, а въ Ростовѣ и въ Екатеринодарѣ ничего не имѣли противъ прихода «товарищей». Происходило это потому, что и та, и другая власть дѣлала одну и ту-же ошибку: росчеркомъ пера разрушала всѣ безъ разбора сложившіяся соціально-экономическія взаимоотношенія и водворяла новый хаосъ.

Съ другой стороны, если въ нашемъ населеніи можно было возбудить враждебное чувство къ старому режиму, то оно проявлялось у него отнюдь не въ видѣ непринятія этого режима, какъ формы государственнаго устройства. Весь ходъ революціи, принявшей у насъ столь быстро ярко выраженный

соціальный характеръ, показалъ, что главная волна народной ненависти была направлена не противъ Царя, но противъ его недоброжелателей и враговъ — маленькихъ самодержцевъ: помѣщиковъ, генераловъ, купцовъ и промышленниковъ. Поэтому, если бы бѣлые, не побоявшись обвиненій въ возстановленіи привычныхъ для народа формъ государственнаго устройства, съумѣли бы влить въ нихъ новое содержаніе, отвѣчающее потребностямъ крестьянства, Деникинъ могъ бы выбросить совершенно изъ своего лексикона любезную эсерамъ Учредилку, а Врангель — безъ всякихъ обиняковъ и экивоковъ — объявить себя монархистомъ.

Вмѣсто этого Деникинъ, подъ необычной формой какого-то демократическаго цезаризма, пробовалъ, при ближайшемъ участіи Шкуро и Мамонтова, возстановить Сводъ Законовъ Россійской Имперіи съ новеллами Астрова и Соколова, а Врангель, взявъ сперва совершенно правильный курсъ и пріобрѣвъ въ короткое время огромную популярность въ населеніи, вдругъ далъ себя увлечь тѣми кругами, которые были въ сущности ему враждебны.

Уже по опыту Добровольческой Арміи было извѣстно, что многочисленные элементы, связанные неразрывно съ революціей, всегда спѣшили «примазаться» къ одушевленной благороднымн побужденіями борьбѣ съ разрушителями Россіи и не могли не компрометироватъ этой борьбы. И ихъ то болѣе всего надо было остерегаться Правительству Юга Россіи.

Но это Правительство, возглавляемое умнымъ Кривошейнымъ, словно фатально стремилось повторить ошибки своихъ предшественниковъ, которыя Врангель, отставленный въ декабрѣ 1919 года отъ командованія Добровольческой Арміей, столь исчерпывающимъ образомъ перечислилъ въ своемъ нашумѣвшемъ письмѣ къ Ген. Деникину.

Въ первую половину своего правленія Ген. Врангель опирался на правыхъ, хотя и издалъ лѣвый законъ о землѣ, обѣщалъ населенію «Хозяина», подъ которымъ всѣ подразумѣвали законнаго Царя, но не навязывалъ «хозяевъ» въ имѣнія и промышленныя предпріятія и умѣлъ держатъ любителей политической и матеріальной поживы въ почтительномъ отдаленіи отъ Крыма.

Однако, стоило ему начать одерживать нѣкоторые успѣхи, какъ кадеты сдѣлали все, чтобы свести на нѣтъ вліяніе національныхъ круговъ въ Севастополѣ. Mot d'ordre, данный изъ кабинета Главнокомандующаго о томъ, что армія должна быть внѣ политики, былъ истолкованъ, какъ отказъ отъ національной политики и какъ приглашеніе кадетовъ къ власти и къ политическому вліянію. Опять запахло «Романовскимъ». Началась «большая политика», для успѣха которой надо

было придать слову «хозяинъ» болѣе демократическій оттѣнокъ и зато позволить буржуазному воронью слетѣться въ Севастополь, чтобы поживиться около агонизировавшей родины.

Казалось бы, что кадетская партія, не принесшая удачи ни одному изъ режимовъ, которые она поддерживала, должна была получить достойный отпоръ въ своей попыткѣ сдѣлать еще одинъ трагическій опытъ.

Но, вставъ на путь боязни политики (какъ будто самая борьба съ большевиками не была наиболѣе яркимъ выраженіемъ политики въ самой острой формѣ!), Главнокомандующій поторопился связать судьбу русской арміи съ элементами, бывшими плохими товарищами русской арміи въ періоды ея неудачъ, но желавшихъ тѣмъ не менѣе нажить на ея успѣхахъ политическій капиталъ.

Ему было недостаточно, что его Помощникъ А. В. Кривошеинъ всегда слылъ за государственнаго дѣятеля весьма расплывчатыхъ убѣжденій, что П. Б. Струве и М. В. Бернацкій имѣли революціонный формуляръ, что Крымскій Генеральный Штабъ былъ проникнутъ эсеровскимъ духомъ, — надо было допустить въ Севастополь Маклакова, Гучкова и Рябушинскаго и покровительствовать цѣлому ряду русскихъ капиталистовъ въ Парижѣ, которые намѣревались зажечь русскія сердца огнемъ патріотизма путемъ возстановленія на югѣ Россіи диктатуры кадетско-банковскаго прилавка.

Вотъ почему совершенно голословными являются утвержденія извѣстной части печати о томъ, что предпріятіе Ген. Врангеля закончилось неудачей, потому что Правитель Юга Россіи пробовалъ «дѣлать лѣвое дѣло правыми руками», когда надо было поступить наоборотъ. Изъ всего состава Правительства Юга Россіи одинъ С. Д. Тверской могъ сойти за администратора правыхъ убѣжденій, но, при своей безличности и пассивности, онъ вообще никакого вліянія на направленіе политическаго курса не имѣлъ. Всѣ же остальные «министры», въ расчетѣ на признаніе Врангеля Антантой, были подобраны такъ, чтобы удовлетворить самымъ взыскательнымъ вкусамъ записныхъ парламентаріевъ и демократовъ запада.

Но почему то у насъ въ Россіи, за время гражданской войны, повелось, что такъ называемая прогрессивная общественность, пріобрѣтая вліяніе на политическую жизнь, неизмѣнно тянетъ за собою банковскихъ и промышленныхъ хищниковъ, торгующихъ родиной на Парижской биржѣ, и не столько печется объ интересахъ «широкихъ слоевъ демократіи», сколько изыскиваетъ способы, какъ бы побольше вытянуть изъ Россіи для пополненія партійныхъ кассъ и субсидированія на чужбинѣ прогрессив ныхъ газетъ.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Крыму повторилась та-же самая картина, которая наблюдалась въ свое время въ Ростовѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и Одессѣ. И если сподвижники Ген. Врангеля по гражданской части могли допустить эту вакханалію спекуляціи и расхищенія національнаго достоянія на маленькой территоріи Таврическаго полуострова, то можно себѣ представить, въ какія формы вылилась бы опека кадетовъ и банкировъ русской арміи, если бы территорія В. С. Ю. Р. увеличилась бы въ нѣсколько разъ!

Съ такими данными трудно было идти спасать Россію отъ краснаго произвола, какъ бы ни чуждался Ген. Врангель «реакціонеровъ». И, если рѣшающимъ факторомъ въ крушеніи предпріятія Ген. Врангеля было военное пораженіе, оно въ значительной мѣрѣ объяснялось утратой русской арміей вѣры въ успѣхъ борьбы при видѣ недостойнаго поведенія высшихъ должностныхъ лицъ, призванныхъ бороться съ разрухой тыла.

При этомъ нельзя сказать, чтобы Главнокомандующій не былъ преисполненъ самыхъ благихъ побужденій. Но обстоятельства складывались такъ, что всѣ его добрыя побужденія выливались въ форму пламенныхъ приказовъ, не находившихъ себѣ, однако, такихъ же пламенныхъ исполнителей. Какое-то заклятіе лежало напр. на попыткахъ Ген. Врангеля улучшить матеріальное положеніе строевого офицерства. На всѣ стремленія подобнаго рода Правителя Юга Россіи неизмѣнно отвѣчали указаніемъ на отсутствіе средствъ, чтобы обезпечить голодныхъ защитниковъ Крыма. Однако, средства тотчасъ же находились, когда надо было выдать многомилліонную ссуду какому-нибудь бездѣйствовавшему промышленному предпріятію или снабдить авансомъ или субсидіей въ иностранной валютѣ какого-нибудь сомнительнаго прожектера или заѣзжаго журналиста.

И несмотря на то, что крутой и рѣшительный нравъ Главнокомандующаго не допускалъ никакихъ противорѣчій, — въ области экономики Кривошеинъ съ Бернацкимъ дѣлали все, что хотѣли, искусно избѣгая неудовольствія Главнокомандующаго и неизмѣнно пользуясь его полнымъ довѣріемъ и расположеніемъ. Разсказываютъ, что, когда образовавшійся въ Крыму крестьянскій союзъ пробовалъ въ особой запискѣ, поданной на имя Правителя Юга Россіи, открыть ему глаза на злоупотребленія должностныхъ лицъ въ области торговли хлѣбомъ, Врангель наложилъ слѣдующую резолюцію: «Считаю тонъ такихъ записокъ неприличнымъ и предлагаю впредь не безпокоить».

Справедливость требуетъ отмѣтить, что такой манерой обращенія Главнокомандующій оттолкнулъ многихъ, которые льнули къ нему и могли своею преданностью и нелицепріятнымъ голосомъ сослужить ему полезную службу. Но Пра-

витель Юга Россіи былъ окруженъ непроходимой стѣной «придворныхъ льстецовъ», ревниво оберегавшихъ Б. Дворецъ отъ проникновенія въ него свѣжихъ людей. Они искусно внушили «Барону» сознаніе его непогрѣшимости, недоступности и самодержавности. Въ результатѣ въ концѣ лѣта Главнокомандующій, хотя и былъ признанъ Мильераномъ и кадетскимъ комитетомъ въ Парижѣ, зато потерялъ духовную связь съ арміей и девять десятыхъ своей прежней популярности въ населеніи. И чѣмъ выше превозносила его дворцовая челядь и заморскіе гости, тѣмъ менѣе былъ освѣдомленъ Врангель объ истинныхъ настроеніяхъ фронтовиковъ и о положеніи на мѣстахъ.

Врангель былъ увѣренъ, что одно обнародованіе приказа о землѣ вызоветъ такой подъемъ среди населенія, что походъ русской арміи къ центрамъ Россіи превратится въ тріумфальное шествіе. Недаромъ его совѣтчики мечтали, что на гребнѣ волнъ народнаго восторга армія безъ выстрѣла въ полъ лѣта дойдетъ до Москвы.

Болѣе осторожные, хотя и относились къ этому скептически, но были убѣждены, что населеніе не останется глухимъ къ призывамъ въ войска Правительства Юга Россіи боеспособной молодежи.

Однако, ни мечты первыхъ, ни болѣе скромная увѣренность вторыхъ не оправдались. Населеніе отнеслось къ изданному закону болѣе, чѣмъ равнодушно, а главное ему не повѣрило.

Точно также не только не приняло, но прямо отнеслось съ враждебностью населеніе сѣверной Тавріи къ обнародованному въ концѣ Іюля закону о волостномъ земствѣ. Атаманъ Яценко разсказывалъ пишущему уже послѣ Крымской эвакуаціи, что крестьяне называли законъ о волостномъ земствѣ «барской выдумкой», при существованіи уѣзднаго земства, совершенно ненужной сельскому населенію и обрекавшей его на новые поборы для кормленія волостной интеллигенціи.

Конечно, все это могло и не быть секретомъ для Главнокомандующаго, еслибы онъ пользовался каждымъ случаемъ для того, чтобы входить въ непосредственное соприкосновеніе съ населеніемъ. Но этому мѣшали тѣ-же препятствія, которыя до революціи ставились покойному Государю въ его сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ: окружающіе начинали запугивать Главнокомандующаго готовящимися на него покушеніями.

Съ точки зрѣнія своихъ эгоистическихъ интересовъ эти господа были совершенно правы. Если бы одно изъ большевистскихъ покушеній на жизнь Главнокомандующаго — не дай Богъ — увѣнчалось бы успѣхомъ, ему всегда нашелся бы достойный преемникъ въ средѣ его боевыхъ сподвижниковъ, но новый Главнокомандующій привелъ бы съ собою въ Б. Дворецъ уже свой штатъ адъютантовъ, комендантовъ и секретарей. А это было

для дворцовой челяди горше сдачи Крыма большевикамъ, ибо комфортабельная эвакуація ей то ужъ во всякомъ случаѣ была обезпечена.

Можно и должно быть самаго отрицательнаго мнѣнія о Кремлевскихъ владыкахъ, но все же имъ нельзя отказать въ изворотливости, энергіи и желѣзной настойчивости въ проведеніи своихъ замысловъ. Однако, едва ли кто - нибудь изъ тыловыхъ сподвижниковъ Врангеля могъ быть противопоставленъ гг. Бронштейнамъ, Свердловымъ, Апфельбаумамъ или Дзержинскимъ. Въ силу этого кратковременные успѣхи, достигнутые на фронтѣ, аннулировались въ тылу людьми, видѣвшими въ борьбѣ съ большевиками не патріотическій долгъ, а надоѣвшее, опасное и едва ли не безнадежное дѣло.

Нужна была желѣзная метла большевистскаго комиссара, чтобы вымести весь этотъ соръ изъ послѣдняго прибѣжища русской арміи, но мѣропріятія Правительства Юга Россіи становились все мягче, все деликатнѣе, пока эта метла не застучала по настоящему у воротъ Перекопа.

Но въ такомъ случаѣ — могутъ сказать — если въ дѣятельности Правительства Юга Россіи было такъ мало свѣтлаго, враги русской арміи совершенно правы, отказывая въ уваженіи ея вождямъ и называя все предпріятіе Ген. Врангеля жалкой авантюрой?

Не проще ли было окончить гражданскую войну еще весной 1920 года, и распрощавшись съ Ген. Деникинымъ, отдаться на милость краснымъ, благо англичане предлагали свое посредничество для того, чтобы умилостивить сердце Бронштейна? —

Трудно судить, принесло ли бы какія - нибудь благопріятныя послѣдствія посредничество англичанъ въ случаѣ отказа отъ дальнѣйшей борьбы весною 1920 года. Но думается, что для тѣхъ, кто не успѣлъ эвакуироваться изъ Новороссійска и остался въ Крыму, иного пути, кромѣ избраннаго Ген. Врангелемъ, не было. Достаточно вспомнить, что большевики, ворвавшись чрезъ семь мѣсяцевъ въ Крымъ, изъ котораго эвакуировалось 140.000 бѣлогвардейцевъ, все же ухитрились найти среди оставшагося населенія 30 или 40 тысячъ (а по исчисленіямъ нѣкоторыхъ 70.000) жертвъ своей кровавой мстительности.

Поэтому надо признаться, что борьба Ген. Врангеля, если оставить въ сторонѣ честолюбивые замыслы штабовъ и азартныхъ политиковъ, была продиктована состояніемъ крайней необходимости, стремленіемъ продать подороже жизнь русской арміи, пріобрѣвшимъ наступательный порывъ исключительно въ цѣляхъ наилучшей защиты Крыма.

Вотъ почему предпріятіе Ген. Врангеля никоимъ образомъ не можетъ быть названо интервенціей, а его неудача — не даетъ какого-либо основанія противникамъ вооруженной борьбы съ большевиками дѣлать изъ Крымской катастрофы желательные для себя выводы. Противъ пушекъ, пулеметовъ и красной конницы дѣйствительны лишь такія же реальныя средства, а не эсеровскія заговоры или резолюціи въ Парижскихъ отеляхъ. И если предпріятія Деникина или Врангеля и закончились такой неудачей, это доказываетъ только, что у нихъ оказалось меньше пушекъ, пулеметовъ и бѣлой конницы, чѣмъ у большевиковъ, и вовсе не означаетъ, что надо поставить на освобожденіи Россіи вооруженной силой крестъ и бороться съ Ленинымъ и Бронштейномъ при помощи заклинаній индійскихъ факировъ или филантропіи квакеровъ.

Впрочемъ эта истина представляется настолько очевидной, что не нуждается въ дальнѣйшихъ обоснованіяхъ. Для всякаго безпристрастнаго человѣка совершенно ясно, что авантюрой извѣстной частью эмиграціи предпріятіе Врангеля было названо потому, что соціалистическія партіи въ Крыму обладали еще меньшимъ значеніемъ, чѣмъ при Деникинѣ. И если бы Главнокомандующимъ русской арміи былъ не бывшій Полковникъ Конной Гвардіи и Флигель-Адъютантъ, а какой-нибудь Болдыревъ, а вмѣсто Кривошеина, Глинки, Тверского и др. въ Крымъ получили бы приглашеніе Черновъ, Миноръ, Лебедевъ и «бабушка», Крымскій періодъ борьбы былъ бы вписанъ соціалистическими Тряпичкиными въ исторію рядомъ съ Анабазисомъ, а солдатъ и офицеровъ, спасшихся отъ смерти на чужбину, надѣлили бы самыми жирными эсеровскими поцѣлуями!

Но никто, повидимому, за этими поцѣлуями и не тянется!

Наоборотъ, всѣ мы являемся свидѣтелями того, что каждая волна русской эмиграціи все далѣе и далѣе отходитъ отъ такъ называемыхъ завѣтовъ мартовской революціи, не говоря уже объ октябрьской.

Это обстоятельство, на которое въ нашихъ политическихъ кругахъ не обращается должнаго вниманія, лишній разъ доказываетъ, какъ далеки политическіе мудрецы, сбѣжавшіе заблаговременно изъ охваченной пожаромъ Россіи, но до сихъ поръ не отказавшіеся отъ тщетныхъ попытокъ руководить великой и грозной судьбой русскаго народа, отъ той коренной переоцѣнки староинтеллигентскихъ цѣнностей, которая произошла въ его сознаніи.

Поэтому самой главной заслугой Ген. Врангеля является то, что онъ спасъ отъ истребленія, вмѣстѣ съ ядромъ арміи, наиболѣе цѣнную часть русской интеллигенціи, именно тѣхъ ея представителей, въ которыхъ оказалось устойчивымь національное начало, которые не пошли ни на какіе компромиссы

съ палачами и растлителями Россіи и, раздѣляя до самаго послѣдняго этапа гражданской войны удѣлъ арміи, перенесли борьбу за торжество своего идеала на чужбину.

Какъ ни преуменьшать значеніе русской эмиграціи въ западно-европейскихъ странахъ, 1921 годъ долженъ быть отмѣченъ полной утратой въ средѣ эмиграціи авторитета лидерами такъ называемой революціонной демократіи, завершившейся расколомъ кадетской партіи и распыленіемъ силъ эсеровъ. Мы являемся свидѣтелями того, какъ широкіе круги русской зарубежной интеллигенціи ищутъ путей спасенія родины въ возвратѣ къ русскимъ національнымъ завѣтамъ: рѣзкое поправѣніе эмиграціи, разсѣянной по всемъ странамъ свѣта, въ настоящее время фактъ совершенно объективный.

Но этимъ не исчерпывается значеніе Крымскаго періода борьбы.

Не говоря уже о томъ, что онъ задержалъ признаніе большевиковъ «великими западными демократіями» по крайней мѣрѣ на два года, этотъ періодъ окончательно обезсилилъ красныхъ и заставилъ ихъ, подъ аттаками непреоборимыхъ законовъ необходимости, начать сдавать внутри Россіи одну коммунистическую позицію за другой. И теперь уже можно, не боясь впасть въ ошибку, сказать, что, если бы въ Россіи, послѣ октябрьскаго переворота, не нашлось силъ, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ начать борьбу съ большевиками; — коммунистическій опытъ затянулся бы на долгіе годы, какъ это было въ Китаѣ въ средніе вѣка, и даже наши внуки не сподобились бы увидѣть его конецъ. Но вслѣдствіе гражданской войны, полный крахъ коммунизма произошелъ на нашихъ глазахъ на исходѣ четвертаго года.

Вотъ почему, что бы ни писали совѣтскія перья, «бѣлая мечта» — объ уничтоженіи коммунистическаго режима — нынѣ стала реальностью, именно, какъ результатъ усилій бѣлыхъ, и это даетъ основаніе участникамъ гражданской войны, не впадая въ политическій «каценъ-яммеръ», смотрѣть на пройденный трагическій путь съ удовлетвореніемъ и надеждой.

«Только русская кровь можетъ возродить Россію», сказалъ Ген. Врангель кореспонденту Парижской газеты «Матэнъ» въ сентябрѣ 1920 года въ Севастополѣ. Этого не понимаютъ въ редакторскихъ кабинетахъ Берлина и Парижа (и никогда не поймутъ!), но это не вызываетъ сомнѣній тамъ, гдѣ, очистившись отъ элементовъ разложенія, спѣетъ ядро русской арміи, гдѣ загораются глаза огнемъ священной мести при одномъ имени Ленина или Троцкаго.

И на родинѣ также не осудили порыва бѣлыхъ. Недаромъ въ Крыму, гдѣ долѣе всего оставались они, продолжаютъ и посейчасъ ждать возвращенія русской арміи. На почвѣ этого

безплоднаго ожиданія, подогрѣваемаго обывательскими слухами и разстроеннымъ воображеніемъ, наблюдались даже случаи такъ называемаго «дессантнаго психоза», отмѣченнаго многими газетами.

Какъ бы ни ошибались въ частностяхъ вожди русской арміи, они были въ основной своей идеѣ правы. Не прячась за чужія спины, они боролись противъ братоубійства, имѣя предъ собою только одну далекую и возвышенную цѣль — свободную Россію, гдѣ каждый могъ бы дышать и трудиться сообразно призванію. Ихъ противники, наоборотъ, запершись въ Кремлѣ, культивировали гражданскую войну, стремясь стереть съ лица земли здоровыя силы народа и превращая Россію въ гигантскій костеръ, отъ котораго занялся бы весь міръ.

Темны и неясны россійскіе пути, и никому не дано ихъ распознать. Но всякій, кто не заинтересованъ въ продленіи владычества коммунистической пятерки, долженъ признать, что въ конечномъ итогѣ побѣдитъ жизнь, воля къ творчеству и труду, а не разложеніе и хаосъ. И тогда безпристрастный судъ собирателей Новой Россіи воздастъ каждому по его заслугамъ.

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе 3
Глава I. Генералъ Врангель — Главнокомандующій русской арміи 5
„ II. Первыя мѣропріятія. — Выходъ изъ Крыма . 12
„ III. Правительство Юга Россіи 20
„ IV. Крымскій Генеральный Штабъ 27
„ V. Печать и пропаганда 32
„ VI. Земельный законъ 25 мая 1920 года 44
„ VII. Разгромъ Жлобы. — Каховка 52
„ VIII. Политическій фронтъ — Орлы и стервятники 60
„ IX. Декларація А. В. Кривошеина. — „Царь-Колоколъ“ 66
„ X. Кулисы гражданской войны 73
„ XI. Иностранная политика 79
„ XII. Экономическая политика 82
„ XIII. Послѣдняя бесѣда 89
„ XIV. Катастрофа 93
„ XV. Отступленіе . . . въ море 100
„ XVI. Заключеніе 103